

Д Ъ Т С К О Е

Ч Т Е Н І Е

Д Л Я

С Е Р Д Ц А и Р А З У М А.

Ч А С Т Ъ VI.

МОСКВА,

въ Университетской Типографіи,

у Н. Новикова,

1786.

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

I.

Разговоръ.

Нѣкогда Лизанька была съ матерью своею въ гостяхъ и возвратилась домой прошивъ обыкновенія своего очень невесела. Братья, ея смѣялись надъ нею; но она не отвѣчала на ихъ шушки шушками же и такъ разсердилась, что отецъ долженъ былъ спросить у нее, что съ нею сдѣлалось? Сперва не хотѣла она открыться; однако отецъ требовалъ, чтобъ она неопшмѣнно призналась, для чего она невесела и на что досадуешь. — „Не досадно ли это, отвѣчала она, что такія жь дѣши, какъ я, ничѣмъ меня не лучше, получаютъ богатые подарки и имѣютъ у себя такія вещи, какихъ я прежде никогда еще и не видала. Вы знаете мою пріятельницу, у кошорой я сегодня была; богатой ея дядя подарилъ ей прекрасныя золотыя часы. Ахъ! примолвила она, я думаю, что очень пріятно имѣть такую хорошую вещь. „

Отецъ. А что бы спала ты съ ними дѣлать, ешьлибъ и у тебя онѣ были?

Лизанька. То же, что и другіе люди съ часами дѣлаютъ: я носила бы ихъ при себѣ и поминутно бы смотрѣла, которой часъ.

Отецъ. На что это? Развѣ тебѣ время долго кажется, когда ты за дѣломъ сидишь? Или развѣ нѣтъ у насъ спѣнныхъ часовъ? Ты можешь и на нихъ посмотрѣть, когда надобно.

Лизанька. Это правда; однако ешьли бы у меня были свои часы, и ктонибудь спросилъ у меня, которой часъ? то я могла бы во всякое время отвѣчать.

Алексѣй. Тогда могла бы ты напомнить учителю, ешьли бѣ онѣ захопѣлъ просидѣть съ нами минуты двѣ лишнія. И это не малая польза! не правда ли?

Отецъ. Всѣ твои причины очень не важны, и это весьма ясно, что тебѣ съ всѣмъ нѣтъ нужды въ часахъ. Признайся, что ты желала бы имѣть ихъ изъ одного только щеславія — изъ щеславія, которое едва ли проспительно тебѣ при твоёмъ разсудкѣ, при хорошихъ наставленіяхъ, какія ты получаешь, и при добрыхъ примѣрахъ, какія ты всегда видишь. Ты желала бы носить хорошія часы;

часы; а для чего? для того, чтобы люди ихъ видѣли и говорили: „посмотрите, какія прекрасныя часы у этой дѣвушки! конечно она очень богата.“ Но скажи мнѣ, есть ли въ этомъ чтонибудь для тебя похвальное, или какаянибудь польза? Заслуживаетъ ли это похвалу, когда мы, будучи богаты, можемъ имѣть у себя хорошія и блестящія вещи? Слыхала ли ты, чтобы за это когонибудь хвалили? хвалила ли ты сама когонибудь? Ты не сказала намъ о своей пріятельницѣ: „ахъ! какая это хорошая дѣвушка; у нее часы очень хороши!“ ты говорила только: „ахъ! какія прекрасныя часы!“ И пакъ есльи хорошія вещи приносятъ комунибудь честь, то приносятъ только художнику, которой ихъ дѣлалъ, либо тому, кто умѣлъ ихъ выбрать; въ первомъ заслуживаетъ похвалу его искусство, а въ другомъ хорошій вкусъ. — Что жъ касается до пользы, то могутъ ли хорошія часы способствовать своему добронравію, спокойствію, либо здоровью? Ни мало; онѣ служатъ только для щегольства.

Лизанька. Однако жъ и нужно имѣть часы; а иначе вы сами не спали бы ихъ носить.

Николай. Великая разность между бабюшкою и побою; когда бы ты имѣла свои деньги и могла купишь себѣ часы, тогда никто бы и себѣ не запретилъ ихъ носить.

Отецъ. По моимъ упражненіямъ онѣ мнѣ гораздо нужнѣе, нежели себѣ; однако жъ я себѣ ихъ уступаю; возьми мои часы и носи ихъ, если хочешь.

Лизанька. Ахъ нѣтъ вы шутите. На что мнѣ такія большія часы? Оли же ни мало не красивы; мнѣ бы стыдно было показать ихъ кому нибудь.

Отецъ. Показать? Вотъ подлинная причина, для чего ты желала ихъ имѣть. Теперь ты сама сказала что себѣ нѣтъ въ нихъ иной нужды, какъ только, чтобъ люди ихъ у тебя видѣли; иначе жъ для тебя было бы все равно, какія бы часы ты ни носила. Мои большія часы также показываютъ время и можно ихъ почто такъ же носить, какъ и тѣ, которыя себѣ столько понравились у твоей приятельницы. Желалъ бы я теперь быть въ состояніи купишь для себя такія часы, какихъ себѣ хочется, для того только, чтобъ ты узнала, что исполненіе какова нибудь нашего желанія не приноситъ того удовольствія, какова ожидали

мы, когда оно еще не было исполнено. Я увѣренъ, что чрезъ нѣсколько дней спала бы ты гораздо меньше о нихъ думать, а чрезъ мѣсяцъ и совсѣмъ бы о нихъ позабыла.

Лизанька. Это можешь спастись; однако жъ я, на вашемъ мѣстѣ будучи, не захопѣла бы сдѣлать опытъ.

Отецъ. Да и я не сдѣлаю, а только скажу тебѣ вообще, что такія желанія мнѣ не нравятся; онѣ показываютъ въ тебѣ любовь ко щеславію. Правда, что дѣвущкѣ своихъ лѣтъ можно нѣкоторымъ образомъ простить это щеславіе; но такія желанія могутъ впредь лишитъ тебя всего благополучія, если ты не будешь отъ нихъ отвыкать.

Лизанька. И! какъ это можешь спастись, чтобъ я лишилась всего благополучія отъ одного только желанія такой вещицы?

Отецъ. Это очень возможно. — Вы знаете, дѣти мои, что главное наше благополучіе здѣсь состоитъ въ томъ, когда мы бываемъ довольны нашимъ состояніемъ и нашимъ имѣніемъ, которое Богъ намъ даровалъ, каково бы оно ни было. А быть довольну состояніемъ своимъ не можно, если не научишься искусству

не почиташь необходимымъ все то, что намъ понравится, или что имѣшь захочешся. Безъ эпова искусства мы будемъ всегда несчастливы. Нѣтъ такого состоянія въ мірѣ, въ которомъ бы намъ чего нибудь не недоспавало и что мы у другихъ видимъ. Если же захопимъ мы все то имѣшь, чего намъ недоспаетъ, то будемъ подвергашься безпрестаннымъ заботамъ, суешамъ и безпокойству. Не думайте, чтобъ получивши желаемое мы успокоивались; нѣтъ, исполненіе одного желанія ведетъ за собою еще больше желаній, одно за другимъ, и мы въ эпомъ подобны бываемъ Таншалу, которой всегда терпимъ голодъ и жажду и никогда не насыщается.

Николай. А кто былъ эпомъ Таншаль?

Алексѣй. Это я могу тебѣ сказать. — Ты вѣрно слыхалъ уже о Юпитерѣ, котораго древніе язычники почитали первымъ изъ своихъ боговъ. Онъ очень любилъ Таншала, такъ, что не только открывалъ ему всѣ свои тайности, но даже допускалъ его къ своему столу. Однако Таншаль тѣмъ не удовольствовался; онъ унесъ съ Юпитерова стола нектару и амбросию, которыми боги питались,

и далъ ихъ опвѣдать своимъ знакомцамъ. За то сверженъ онъ былъ съ неба въ адскую рѣку Ериданъ, и тамъ долженъ былъ терпѣть голодъ и жажду чуднымъ образомъ. Онъ споймѣ по горло въ водѣ; надъ нимъ висятъ прекрасные плоды; но лишь только хочешь онъ схватить ихъ, вдругъ подуетъ сильной вѣтръ и опнесетъ ихъ въ сторону. Передъ нимъ течетъ самая чистая вода; жажда его мучитъ; но лишь только онъ наклонится, чтобы напиться, вода вдругъ утечетъ, такъ, что ему не доспанется ни капли.

Николай. На что жъ онъ унесъ амброзію и нектаръ, когда онъ могъ за столомъ ѣсть и пить, сколько ему было угодно. Это глупо!

Отецъ. Можетъ быть сдѣлалъ онъ это изъ тщеславія. Онъ не довольствовался тѣмъ благополучіемъ, которымъ наслаждался, а захотѣлъ еще похвастаться предъ знакомыми своими своею довѣренностью, какой Юпитеръ его удостоилъ, и для того далъ имъ амброзію и рассказалъ Юпитеровы тайны. То же случается съ людьми не довольными тѣмъ, что они имѣютъ и не научившимися умѣрять свои желанія. Всегда висятъ надъ ними плоды, которые они хвата-

юшѣ. Иногда и удаеяся имѣ схватишь такой плодѣ; но они безпрестанно видятѣ еще новые плоды, копорые прельщуютѣ ихѣ больше прежнихѣ.

Дѣло идетѣ своимѣ порядкомѣ. Привыкши давать волю своимѣ желаніямѣ, стараемся мы удовлетворить первому желанію, какое намѣ вспрѣшился. Напримерѣ, Лизанька желала бы шеперь имѣть такія часы, какія она видѣла у своей пріятельницы. Положимѣ, чпобѣ это желаніе исполнилось. Послѣ шого кспаши пожелала бы она имѣть хорошее плашье и хорошіе уборы. Когда жѣ бы и это исполнилось, шогда понадобилась бы ей кареша и лошади. Лошадей не для шого имѣютѣ, чпобѣ запирашь ихѣ вѣ конюшнѣ, а плашье не для шого дѣлаешся, чпобѣ вѣ комодѣ лежало; шогда надобно будетѣ посѣщать своихѣ знакомыхѣ и опѣ нихѣ посѣщенія принимашь. Принимашь посѣщенія не захочеш вѣ худомѣ, или посредственномѣ домѣ; изѣ этого родишся новое желаніе, имѣть хорошей домѣ и дорогія мебели. Такимѣ образомѣ одно желаніе слѣдуетѣ за другимѣ, и ештли ни вѣ чемѣ себѣ опказывать не будеш, шо наконецѣ должно будетѣ терпѣть недостатокѣ и вѣ такихѣ вещахѣ, копорыя подлинно необходимы. Вотѣ,

Вотъ , дѣти мои , исторія многихъ
 фамилій. Вы найдете много родителей ,
 которые такимъ образомъ и себя и дѣ-
 тей своихъ сдѣлали несчастными. Они были
 щасливы и спокойны , пока жили сораз-
 мѣрно своему состоянію ; но захопѣвши
 имѣть все то , что имѣютъ люди , ко-
 торые гораздо ихъ богаче , разорились .
 — Разсудите сами , что бы съ вами
 было , еслибѣ и я былъ изъ числа та-
 кихъ родителей. Если бѣ не захо-
 пѣлъ я отказывать себѣ во многихъ ве-
 щахъ , которыя служатъ къ удобности
 и роскоши , то могъ бы на щепѣ вашего
 воспитанія жить гораздо роскошнѣе , не-
 жели нынѣ живу ; надобно бы только не
 учить васъ тому , чему вы нынѣ учитесь ,
 и не доставлять вамъ всего того , чѣмъ
 вы нынѣ пользуетесь. Но что жъ бы изъ
 эпова вышло ? Вы выросли бы въ невѣже-
 ствѣ и ничему не научились ; я не могъ
 бы со временемъ ожидать отъ васъ ни-
 чего , такъ , какъ не можно ожидать
 плодовъ отъ такой земли , на которой
 ничего не посеешь ; состарѣлся бы слушая
 ваши попреки и чувствуя укоризны соб-
 ственной моеи совѣсти , и окончалъ бы
 жизнь въ печали. Разлученіе мое съ вами
 было бы горестно ; я мучился бы при
 смерти

смерти пою мыслию, что не хотѣвши отказатьсь отъ небольшого удовольствія, лишилъ васъ единственнаго наслѣдства, какое могъ я вамъ оставить, то есть добраго воспитанія, которое способствовало бы вамъ сдѣлаться угодными Богу и полезными самимъ себѣ и другимъ людямъ. Все это послѣдовало бы непременно; вы и по смерти моей спали бы на меня жаловаться за то, что я на всю жизнь сдѣлалъ васъ несчастными.

Какія непріятныя чувствованія происходятъ въ насъ, когда мы не привыкли умѣрять нашихъ желаній и отказатьсь отъ нихъ добровольно, а удовольствоваться ихъ не можемъ. Тогда возбуждается въ насъ огорченіе, зависть и ненависть. Не правда ли, Лизанька, что ты увидѣвши у своей пріятельницы золотыя часы, не могла смотрѣть на нее спокойно и обходишься съ нею такъ ласково, какъ бы ты въ другое время обошлась.

(Лизанька со стыдомъ призналась что это правда.)

Отецъ. Неудовольствіе было у тебя на лицѣ написано, какъ ты домой возвратилась; да оно и теперь еще есть въ тебѣ.

Лизанька. Ахъ нѣтъ, бапюшка! теперь я уже не завидую моей пріятельницѣ, да и впредь не буду желать ничего такого, чего мнѣ имѣть не можно.

Отецъ. Намѣреніе швое хорошо; однако я знаю, какъ скоро ты оставяешь добрыя свои намѣренія, и желалъ бы, чшобъ это было пошверже другихъ. — Изъ всѣхъ желаній нѣтъ для меня смѣшнѣе и непристойнѣе шого, когда люди желаютъ чего нибудь изъ одного шолько шщеславія, на примѣръ, желаніе великолѣпно наряжаться. Скажите мнѣ, кому больше шриятности приноситъ великолѣпной нарядъ, шому ли, кто его носитъ, или шому, кто шолько смотритъ на него? Павлинъ украшенъ прекрасными перьями для насъ, а не для него самого; ему все бы равно было, какія бы перья на немъ ни были. Цѣшпы увеселяютъ наше зрѣніе, а самимъ имъ красота ихъ не дѣлаетъ шриятности. Равно такъ же и человекъ въ великолѣпномъ нарядѣ самъ не имѣетъ отъ него шолько удовольствія, сколько другіе имѣть могутъ. Вы знаете, что самого себя не можно такъ видѣть, какъ другога.

Лизанька. Я могу смотрѣться въ зеркало.

Алексѣй. Ну подлинно, это стоить труда, наряжаться для того только, чтобы въ зеркало смотрѣться!

Отецъ. Это самая смѣшная и рабская гордость, самимъ собою предъ зеркаломъ любоваться. Люди наряжающіяся не для инова чего, какъ для того, чтобы другіе на нихъ смотрѣли. Но что до меня касается, то я лучше люблю смотрѣть на другихъ, нежели на себя привлекая вниманіе.

Лизанька. Однако жь, батюшка, если бы у меня былъ такой же бабайкой родственникъ, какъ у моей пріятельницы, и подарилъ бы мнѣ такіе часы, не ужь ли бы вы не позволили мнѣ носить ихъ?

Отецъ. Для чего не позволить? Но только съ тѣмъ, чтобы ты не слишкомъ ими занималась и не думала, что онѣ дѣлаютъ тебя лучше другихъ людей. Ты ошибаешься, если думаешь, что я совсемъ не люблю хорошихъ вещей, или дорогихъ уборовъ. Нѣтъ, я не люблю только того, когда занимающія ими больше всего и почиаютъ ихъ необходимости, либо когда пренебрегаютъ для нихъ дѣйствительно нужное и полезное, или когда думаютъ, что такіе вещи даютъ намъ нѣкоторое преимущество и уважа-

уважають ихъ больше, нежели должно. Но когда почишаютъ такія вещи за то, что они въ самомъ дѣлѣ есть, не приписываютъ имъ излишней цѣны, и носятъ ихъ только для того, что можно носить ихъ безъ большова убытка и безъ пренебреженія полезныхъ вещей, то я еще радуюсь, что богатые люди покупая ихъ, ободряютъ художниковъ и поощряютъ ихъ прудолубіе.

Изъ всего того, что мы говорили, видите вы, дѣши мои, сколь для васъ нужно и полезно привыкать заблаговременно не желать съ неперпѣливостію всякой вещи, какая только вамъ понравится. Безъ этой привычки не только никогда не можно быть довольнымъ, но и весьма легко лишиться всего, что ни имѣешь. Неумѣренные въ своихъ желаніяхъ люди часто говорятъ: „если бѣ я только это имѣлъ, то ничего бы уже больше не желалъ.“ Но они обманываются, — Должно вамъ заблаговременно стараться знать подлинную цѣну вещей, не поспавлять счастья въ наружныхъ и случайныхъ вещахъ, но въ добръ постоянномъ, котораго у васъ никто опнять не можеть, довольствоваться своими общепельсьшвами, въ какия Провидѣніе васъ привело

вело. Когда почувствуете желаніе имѣть что нибудь лишнее, по сравнивайте себя съ такими людьми, копорые еще меньше васъ имѣютъ. — Довольно для насъ, когда имѣемъ нужное пропитаніе. Мы ничего не принесли съ собою въ миръ и ничего не возмемъ съ собою отсюда. Истинное только добро, мудрость и добродѣтель, послѣдующія за нами въ самую вѣчность. Вотъ мысли, основанныя на Священномъ Писаніи!

Теперь еще хочу я прочитатъ вамъ одну повѣсть, копорая весьма прилична къ нашему разговору; надѣюсь, что она вамъ понравится. *)

(Сія повѣсть сообщена будетъ въ слѣдующемъ листѣ.)*

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

II.

Путешествіе въ землю благополучія. Аллегорической повѣсть.

Одна мать имѣла двухъ дочерей, *Морію* и *Софію*. Она слыхала, что есть *Земля Благополучія*, гдѣ живутъ безъ печали и умираютъ безъ страха и раскаянія. Любя дочерей своихъ, какъ нѣжная мать, вознамѣрилась она послать ихъ въ сію землю, и какъ отправляясь въ путешествіе необходимо надобно запасшись нѣкошорыми вѣщами, шд она дала имъ денегъ, дабы онѣ сами купили себѣ что за нужное почтутъ. Старшая дочь, *Морія*, была ея любимица, и для того дала она ей полной кошелекъ для покупокъ, напрашивъ того *Софію* наградила очень скупо. При томъ обѣимъ имѣ совѣтовала выбрать благоразумныхъ пріятельницъ и спрашивать у нихъ во всемъ совѣта, для того, что сами онѣ, будучи еще молоды, легко могли бытъ обмануты. Съ деньгами не трудно найти пріятельницъ: *Суетность* и *Гордость*

Часть VI. No. 2. [15] Б пош.

попчасъ познакомились съ *Морію*. „Съ такимъ богатствомъ; говорили онъ ей, указывая на кошелекъ, найдешь ны все, что только можешь сдѣлать себя прекрасною и любви достойною, заставишь всѣхъ смотрѣть на тебя и возбуждашь во всѣхъ удивленіе и почтеніе къ тебѣ. Пойдемъ съ нами; мы покажемъ тебѣ, гдѣ продаются самыя лучшія вещи. „ Не нужно было долго уговаривать *Морію*; сердце ея со всѣхъ сторонъ отверзто было ласкательству и горѣло желаніемъ нравиться и возбуждашь удивленіе. Она накупила себѣ дорогихъ матерій и разныхъ драгоценныхъ вещей; портные, мастера золотыхъ дѣлъ, ювелиры и модныя торговки позваны были на помощь; и въ короткое время нарядилась она такъ великолѣпно, какъ Восточная Принцесса.

Софія долго не могла найти себѣ пріятельницы. Она также хотѣла записаться чѣмъ нибудь къ своему путешествію; но кошелекъ ея былъ почти пустъ; она не смѣла и войти ни въ одну лавку, видя тамъ богатыхъ людей, кошельки сыпали золото. Не зная, что дѣлать, вышла она за-городъ въ одну уединенную рощицу, и ходила тамъ въ задумчивости и печали. Чрезъ нѣсколько времени

мяни подошла къ ней прекрасная женщина въ голубой одеждѣ и весьма ласково спросила у нее о причинѣ ея печали. „Я должна итти въ *Землю Благополучія*, опвѣчала *Софія*: „но мать моя наградила весьма щедро мою сестру, а мнѣ дала пакѣ мало денегѣ, что я не могу порядочно одѣться; въ этомѣ же плашьѣ, которое шеперь на мнѣ, стыдно итти въ *Землю Благополучія*. Я должна здѣсь остпашься. „ — „Будь спокойна, дочь моя, сказала *Уранія* (такѣ называлась сія женщина): „покажи мнѣ, сколько у тебя денегѣ. „ — *Софія* показала ей свой деньги. — „О! ихѣ еще больше, нежели чадобно. Не завидууй сестрѣ своей; въ самомѣ дѣлѣ ты богатѣе ея. Она найдетѣ на пуши много затрудненій, и ты вѣрно прежде ея прійдешь въ *Землю Благополучія*. Я провожу тебя туда и помогу тебѣ купить все нужное. — *Софія* пошла съ нею. Покупки ихѣ были не велики; *Уранія* купила для нее одно только бѣлое плашье. „Вопѣ плашье невинности! говорила она: „спарайся сберець его въ чистотѣ, такѣ, чтобѣ не было на немѣ ни малаго пятна. „ Еще купила она зеркало, и отдавая его *Софи*, примолвила: „это зеркало правды;

оно будетъ тебѣ показывать каждую пылинку, копорая прильнетъ къ швоему плащю. Какъ скоро примѣшишь ты шакую пылинку, то спарайся пошчасъ ее счисшишь; иначе жъ она скоро сдѣлаешся пяпномъ. Еспьли жъ ты нѣсколь-ко разъ пренебрежешь эшомъ совѣшнъ, то плащю швое непримѣтно такъ запачкаешся, что не шолько другимъ людямъ, но и тебѣ самей смотрѣшь на него будетъ прошивно. Также будетъ оно показывать тебѣ всѣ-распушія на швоей дорогѣ. Напура будетъ доставлять тебѣ все пошребное; прешая роза послужитъ украшеніемъ швоей груди и вмѣсто головнаго убора; вѣ чиспомъ испочникъ найдешъ ты для себя умыванье, а прекрасные плоды будутъ и пишашъ тебя и услаждашь швой вкусъ. „ —

И такъ *Морія* и *Собія* оправились вѣ свое пушешествіе — не вмѣстѣ, но порознь, для шого, что первая спыдилась бышь вмѣстѣ съ бѣдною своею сешпрою. *Суешность* и *Гордость*, пріяшельницы *Моринны*, провожали ее и указывали ей дорогу; онѣ взяли съ собою еще *Безразсудность*. Но какъ обманулась *Морія*, думавши скоро прійти вѣ *Землю Благополушія*. То самое обременяло ее, что

что она почитала своимъ преимуществомъ предъ *Софією*. Великолѣпное платье препятствовало ей итти скоро; надлежало проходитьъ чрезъ густыя рощи и между шерновыми кустарниками, по чему всякой часъ должно ей было осперегаться, чтобъ не испорчить своего убора. Правда великолѣпіе ея заспавало многихъ любопытныхъ людей оспанавливаясь на улицѣ и смотрѣть на нее съ удивленіемъ. Корыслолюбивые люди, которые надѣялись получить отъ нее прибыль, спарались заманивать ее къ себѣ низкими поклонами и увѣреніями въ глубочайшей преданности. *Роскошь*, *Чувственное удовольствіе* и *Разсѣянность* имѣли подлѣ дороги великолѣпныя замки и прелестныя сады. *Марія* весьма скоро успавала отъ непрерывныхъ затрудненій, которые встрѣчались ей на пути, и когда кто нибудь приглашалъ ее къ себѣ, то она съ радостію на то соглашалась. Но нигдѣ не находила она отдохновенія и покоя; въ палацахъ *Роскоши* часто занемогала она отъ неумѣренности; шумъ разныхъ увеселеній заглушалъ ее; либо пропанцовавши цѣлую ночь, она должна была просыпаться на другой день до вечера. Легко можно себѣ представить, что такое

пушешествіе было не успѣшно ; опошедши нѣсколько шаговъ она уже устала и искала отдохновенія , а наконецъ и совсѣмъ уже ей наскучило итти. Красота и пышность ея возбуждали ненависть и зависть во мнимыхъ ея пріятельницахъ , которыя также старались дѣлать ей новія препятствія. На послѣдокъ *Корыстолюбіе* , прельсшившись ея богатствомъ , вознамѣрилось ее ограбить. Оно подговорило *Неумѣренность* и *Расточительность* , чтобъ онѣ украли у нее драгоценныя ея уборы и все то , за что *Суетность* и *Гордость* нѣкоторымъ образомъ ее уважали. Время лишило ее красоты , досада покрыла лицо ея морщинами , неумѣренность распроила ея здоровье и лишила ее силъ и бодрости продолжая свое пушешествіе. Тогда всѣ пріятельницы и участницы въ забавахъ ее оставили ; никто не останавливался смотрѣть на нее съ удивленіемъ. Великолѣпныя замки и прелестныя сады исчезли , какъ бы вдругъ какой нибудь волшебникъ унесъ ихъ. Еще къ большому несчастію удалась она отъ дороги ведущей въ *Землю Благополучія* и не могла уже найти ее. Наконецъ , лишена будучи всего , должна она была прибѣгнуть къ *Сожалѣнію* и

просишь у него помощи; смерть была для нее единственнымъ утѣшеніемъ. Желала бы она призвать къ себѣ на помощь вестру свою, но не знала, гдѣ ее найти. Какъ часто проклинала она тогда богатство свое и великолѣпіе, которыя принесли ей больше вреда, нежели пользы! какъ часто проклинала она ложныхъ своихъ пріятельницъ *Суетность* и *Гордость*, обманщицу *Роскошь*, и слѣпую *Безразсудность*, коюрой она во всемъ слушалась и коюрая указывала ей дорогу!

Сестра ея *Софія* имѣла совсѣмъ другую участь. Она шла скоро; легкое платье невинности не опягощало ее и не причиняло ей никакихъ препятствій; она перескакивала съ легкостію чрезъ камни, копорые лежали на дорогѣ. Не будучи окружена пышностью, находила она палаты *Роскоши* по большей части заперты; когда жь и случалось, что ее приглашали шуда, то зеркало правды показывало ей опасныя болота, на копорыхъ сіи воздушныя замки были построены, и благоразуміе совѣщало ей удалиться и не слушать такихъ приглашеній. Уставши находила она отдохновеніе подъ древесною тѣнью; умѣренная пища и спокойной сонъ въ надлежащее вре-

мя всегда возобновляли ея силы, такъ, что она могла продолжашь свое путешесствіе со всемъ возможнымъ успѣхомъ. Ненависть и зависть почивали не спящимъ пруда нападать на нее, для того, что по ихъ мнѣнію не въ чемъ было ей завидовашь. — Такимъ образомъ скоро дошла она до *Земли Благополучія*. *Миръ и Радость* встрѣтили ее тамъ съ пальмовыми вѣтвями. Щасливые жители сея земли, обладаемые непрерывнымъ согласіемъ и любовью, приняли ее съ удовольствіемъ и старались снискать ея дружбу. Небо надъ нею всегда было ясно; вездѣ встрѣчали ее ласковость и дружество; въ себѣ самой чувствовала она невинность и спокойствіе совѣсти. Часто говорила она: „Какъ я щаслива тѣмъ, что мать моя пренебрегла меня! какъ я щаслива, научившись заблаговременно обходиться безъ такихъ вещей, которыя не только не служатъ средствами къ истинному благополучію, но по большей части еще препятствуютъ достигъ его!“, — и такъ дни ея протекали въ пріятной тишинѣ и удовольствіи, пока не преселилась она въ страну еще благополучнѣйшую, въ страну вѣчнаго блаженства. Смерть ея была такъ же мирна,

на,

на, какъ и жизнь, для того, что она не имѣла причины перзашься раскаяніемъ.

III.

Потерянной сынъ.

Въ нѣкошоромъ Азіяшскомъ городѣ жилъ одинъ доброй человекъ, по имени Мирца. Онъ былъ не богатъ, однако жъ имѣлъ довольно досташку, чшобъ питашься честнымъ образомъ и проводилъ жизнь безъ заботъ. Главное его сокровище былъ четырехлѣшній его сынъ, которой подавалъ хорошую надежду, и котораго Мирца любилъ больше всего на свѣшъ.

Но какъ всякова человекъ щастіе подвержено разнымъ перемѣнамъ, то и Мирца испыталъ сію общую человеческую участь. Нѣкогда случилось въ помѣ городѣ чрезвычайное публичное шоржество; маленькой Али (шакъ назывался сынъ Мирцы) выбѣжалъ на улицу пошморѣшь церемоніи, замѣшался въ народъ и пропалъ, шакъ, что послѣ не могли уже его сыскать. Родители его вездѣ рачишельно о немъ развѣдывали, но не могли ничего узнать.

Чрезъ нѣсколько времени, лишившись совсѣмъ надежды найши маленькаго

своего Али, Мирца вознамѣрился продать свой домъ и всупить въ торговлю, дабы въ семъ упражненіи скорѣе успѣшился о потерѣ любезнаго своего сына. Онъ продалъ свой домъ, переселился въ другой городъ и торговалъ споль удачно, что въ короткое время нажилъ значное богатство: Но потеряннаго своего сына не могъ онъ позабыть; Али никогда не выходилъ изъ его мыслей.

Будучи нѣкогда въ дорогѣ по торговымъ своимъ дѣламъ, нашелъ онъ на полѣ синій кошелекъ, наполненный золотомъ. Сперва обрадовался онъ тому, но подумавъ, что господинъ сихъ денегъ, потерявши ихъ, можетъ быть разорился, вознамѣрился подождать на томъ мѣстѣ, не придетъ ли ктонибудь искать кошелька. Онъ пробылъ тамъ цѣлой день, однако никого не дождавшись отправился опять куда ему было надобно.

Путешествовавъ нѣсколько дней, остановился онъ въ одномъ постояломъ домѣ вмѣстѣ съ другими купцами и познакомился съ ними. Между прочими разговорами говорили они о разныхъ несчастіяхъ, какія могутъ претянуться купцу въ торговлѣ. Одинъ изъ нихъ сказалъ вздохнувши:

нувши: „Ахъ! я испыталъ одно изъ пакихъ несчастныхъ приключеній. Пять дней тому назадъ потерялъ я на дорогѣ кошелекъ съ деньгами, въ кошоромъ была большая часть моего имѣнія. По несчастію примѣшилъ я это не прежде, аккъ уже на ночлегѣ. Я поѣхалъ было погачасъ искашь моего кошелька; но подумавши, что по этой дорогѣ почти безпреспанно проѣзжаетъ множество людей и деньги мои вѣрно къмъ нибудь уже подныпы, рѣшился возвратиться назадъ. „

Чеспной Мирца услышавъ сіе обрадовался и пригласилъ купца опужинашь вмѣспѣ съ нимъ въ его комнашѣ. Банда (такъ назывался сей купецъ) охотно на по согласился. Послѣ ужина Мирца положилъ на споль свою находку. Банда, узнавши свой кошелекъ, изумился и вскричалъ: „Эпо онъ! эпо мой кошелекъ! „ Мирца обнялъ своего гостя и рассказалъ ему, какимъ образомъ нашелъ онъ кошелекъ на дорогѣ. Изумленной купецъ былъ почти внѣ себя отъ радости: „Гдѣ можно найши другога такова чеспнова человѣка? „ говорилъ онъ. „Добродѣпельной Мирца, скажи, чѣмъ могу я оказашъ тебѣ мою благодарность. Ты возвратилъ мнѣ спокойствіе. — Я не при-

приспрашенъ къ богатству, но стараюсь собирать его для моей дочери, которая у меня одна и ешь, и которую люблю я со всею горячностью. —

Бѣдной Мирца не могъ при сихъ словахъ отъ слезъ удержаться; онъ вспомнилъ о своемъ сынѣ. „Ахъ! вскричалъ онъ: „и я имѣлъ нѣкогда сына, котораго любилъ такъ же горячо, какъ ты дочь свою любишь. Но восемь лѣтъ уже прошло, какъ онъ пропалъ, и я не могъ ничего о немъ узнать. „

Сие восклицаніе привело Банду въ удивленіе; онъ задумался, и по помѣ спросилъ у Мирцы: „какихъ лѣтъ былъ твой сынъ въ то время, какъ ты его лишился, и какъ его звали? „ — „Онъ былъ тогда четырехъ лѣтъ, ошвѣчалъ Мирца: „а звали его Алиемъ. „

Банда позвалъ своего слугу и приказалъ ему нѣчто на ухо. Слуга вышелъ и вскорѣ опять возвратился съ молодымъ человекомъ, которой повидимому имѣлъ не болѣе двѣнадцати или шринаццати лѣтъ отъ роду. Сей молодой человекъ подошелъ съ учтивостію къ Бандѣ, и спросилъ у него, что ему угодно? — „Ты потчасъ это узнаешь, Али, ошвѣчалъ Банда: „останься здѣсь и подожди

жди меня. „ — Сказавши это, онъ вышелъ.

Мирца услышавъ имя Алія, почувствовалъ въ себѣ внутреннее движеніе и беспокойство. Онъ смотрѣлъ пристально на молодаго человѣка, и чѣмъ больше онъ на него смотрѣлъ, тѣмъ больше сердце сказывало ему, что это сынъ его. Молодой Али также пришелъ въ беспокойство, и сердце его также говорило ему: „вошъ отецъ пвой! „ какъ то онъ послѣ рассказывалъ. — Наконецъ Мирца не могъ долѣе удерживаться; онъ подбѣжалъ съ восхищеніемъ къ Алію и вскричалъ обнимая его: „нѣшъ! я не обманываюсь! ты сынъ мой! „

Въ то время вошелъ къ нимъ Банда, и какъ скоро первыя движенія отеческой и сыновней нѣжности упишились, то онъ рассказалъ имъ, какъ онъ принялъ къ себѣ малолѣпнаго Али отъ одного бѣднаго старика и воспиталъ его, какъ роднаго своего сына. — „Любезной Банда! говорилъ Мирца: „дражайшій другъ! я обязанъ тебѣ всемъ моимъ счастьемъ. „ — Банда весьма пронутъ былъ симъ произшествіемъ. „Добродѣтельной Мирца! сказалъ онъ: „небо награждаетъ тебя за твою честность. Можешь быть

всякой другой, будучи на своемъ мѣстѣ, удержалъ бы найденныя деньги, копорыя ты мнѣ великодушно отдалъ. За то небо привело тебя сюда, дабы возвратить тебѣ любезнаго своего сына, копорого ты сполько лѣтъ тщетно искалъ. Теперь узнавши, что Али швой сынъ, сожалѣю, что я не оказалъ ему еще больше знаковъ моей любви во все то время, какъ онъ у меня жилъ.»,

Они пробыли еще нѣсколько дней вмѣстѣ, а по томъ разбѣхались по своимъ жилищамъ. Съ того времени были они всегда искренними друзьями. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда Али пришелъ въ совершенной возрастѣ, женился онъ на дочерѣ Банды и жилъ съ нею благополучно.

IV.

Утренняя заря.

Утренняя заря открываетъ новое и великолѣпное швореніе. Темноша ночная закрывала отъ зрѣнія нашего небо и землю и не допускала наслаждаться симъ зрѣлищемъ. Но при возвращеніи дневнаго сіянія видимъ мы, какъ вся Напура молодѣетъ и украшается. Земля показывается

ваешся намъ въ самомъ великолѣпнѣйшемъ своемъ видѣ; показывающся горы со своими лѣсами, которыми- вершины ихъ увѣнчаны, и луга покрытыя зеленью и напаяемыя чистыми ручьями. Горизонтъ пламенѣетъ. Въ облакахъ видимо множество цвѣтовъ несравненной живописи, въ пріятнѣйшихъ перемѣнахъ. Легкіе пары кажутся золопомъ, а капли росы, на растеніяхъ лежація, блестящими перлами. Чѣмъ болѣе утренняя заря прирастаетъ, тѣмъ великолѣпнѣе становится зрѣлище. Натурь. Свѣтъ увеличивается постепенно, пока наконецъ явится прекраснѣйшее созданіе, какое только есть въ Naturѣ. Восходитъ солнце. Изъ-за горъ, останавливающихъ зрѣніе наше, проникаетъ одинъ лучъ и съ непосредственною скоростію раздается по всему горизонту отъ одного конца до другаго. Тотчасъ слѣдуетъ за нимъ еще болѣе лучей. Солнце показывается мало по малу полнѣе. Наконецъ представляется оно все глазамъ нашимъ, и по шомъ совершаетъ предписанной ему путь съ величествомъ несноснымъ для зрѣнія человѣческаго.

Кто можетъ смотрѣть равнодушно на сіе явленіе? Бодрость и радость всяя Naturь, обновленная жизнь всѣхъ шварей,

рей, кого не ободряють възвыситъ сердце свое къ Создателю съ радостнымъ благодареніемъ! Можеть ли человекъ оспашься нечувствительнымъ въ шѣ минушы, когда милліоны другихъ тварей Божіихъ приносятъ благодареніе Творцу своему? О! Ъ есть Творецъ красоты и великолѣпія завы упренней; Онъ же даровалъ намъ и способность чувствовашь красоту сію.

Не достойны ли сожалѣнія шѣ люди, которые никогда не наслаждаются удовольствіемъ видѣть упреннюю зарю? О когда бы имѣли они въ себѣ довольно челоувѣчества, дабы чувствовашь радость, какую сіе зрѣлище Напуры производить удобно! О когда бы они познали, что видѣ прекрасной Напуры можеть исполнять сердце чувствованіями радости и богочипанія! О когда бы уразумѣли они, что единая мысль, происходящая въ насъ при зрѣніи зари упренней, можеть содѣлаться основаніемъ помышленій Христіанскихъ, и что сіе стоить того, чтообъ сократить нѣсколькими часами сонъ свой! — Весьма нужно оставлять иногда сонъ упренній, дабы видѣть восхождение солнца. Многой радости лишился тотъ, кто никогда еще не видалъ упренней зари, или видя ее, не прославлялъ Творца своего.

V.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЕ,

Пастушеская драма
для дѣшей;

Въ одномъ дѣйствіи.

Дѣйствующія лица.

Юноша жрецъ *Доброй Богини.*

Циншія

Дафна

Алциндоръ

} *Дѣти одной пастушки.*

*Дѣйствіе происходитъ въ долину, посре-
дѣ которой стоитъ храмъ; подлѣ хра-
ма находится шалашъ, въ которомъ жи-
ветъ жрецъ. На правой сторонѣ виденъ
кустарникъ, изъ-за коего показывается нѣ-
сколько высокихъ деревьевъ. Начинается дѣй-
ствіе на разсвѣтѣ, а кончится по восхо-
жденіи солнца.*

ЯВЛЕНІЕ I.

Жрецъ (выходя изъ своего шалаша.)

Уже разсвѣтаетъ. — Едва, едва видны еще нѣкошныя звѣзды. — Но и онѣ скрываются отъ глазъ моихъ. Кажется, что западная сторона немигаетъ; а воспокъ озаряется приближающимся свѣтомъ. — Вершины лѣсовъ покрываются свѣшлымъ зеленымъ цвѣтомъ; но земля покрыта еще ночью. — Пшички начинаютъ пробужаться и пріятными головами поздравляютъ наступающій день. — И я встрѣчаю тебя съ радостію, день торжественной! Солнце да приводитъ тебя на луга наши отъ времени до времени прекраснѣе! Младая весна да украситъ тебя всѣми своими прелестями! — Добродѣтельнѣйшій изъ смертныхъ да ознаменуетъ тебя самымъ лучшимъ своимъ дѣломъ! Боги избрали тебя къ тому, чтобъ ниспослать щастіе на луга наши; да избираютъ они тебя и впредь для содѣланія добродѣтели щастливою.

ЯВЛЕНІЕ II.

Жрецъ и Цинтія.

Цинтія (въ сторону.) Такъ , эпо онъ. (жрецу) здравствуй , почтенной юноша.

Жрецъ. Здравствуй , любезная дѣвушка ! такъ рано приходишь уже ты къ богамъ ? —

Цинтія. И къ богамъ и къ тебѣ я пришла. Елмира — ты знаешь Елмиру ? Она живетъ недалеко отсюда за шпимъ кустарникомъ. Видишь ли ты два высокія орѣховыя деревья ? Онъ шалашъ нашъ прикрываютъ — Елмира посылаетъ меня къ тебѣ. „Дѣти мои ! сказала она — у меня есть еще братъ Алциндоръ и сестра Дафна — „дѣти мои ! сегодня топъ праздникъ , въ которой должно васъ въ первой разъ представитъ Добрая Богиня. Она сохраняетъ деревья наши ; она сохраняетъ наше спадо и молодыхъ нашихъ ягняткъ. Пойдите къ юношѣ , которой посвятилъ себя ко служенію богиня ; попросите его , чтобъ онъ васъ ей представилъ. Онъ скажетъ вамъ , что надобно принести въ жертву , и научитъ васъ , какъ жертву приносить. „

Жрецъ. Какая пріятная должность представляешь невинность богинѣ! — Я сдѣлаю все то, чего мать швоя желаетъ. Но скажи мнѣ, хочется ли самой тебѣ представлять предѣ богиню?

Цинтія. Давно уже ждала я неперпѣливо эпова дня. Любимой ягнечекѣ мой не такъ неперпѣливо ждетъ меня, когда я пойду нарвать для него свѣжей травы, не такъ не перпѣливо ждетъ онѣ меня, какъ я ждала нынѣшняго дня. Машушка говорила мнѣ: „ подожди, пока зима пройдетъ; весною представляешь себя нашей Нимфѣ. „ — Ахъ! какъ плохо проходила зима! какъ долго весна не наступала!

Жрецъ. Чшо жь хочешь ты принеши въ жертву богинѣ?

Цинтія. У меня есть улей пчелъ. Я пойду, возьму меду, самава чистова, возьму свѣжаго молока и сыру, нарву молодыхъ цвѣточковъ, сплешу изъ нихъ вѣнокъ, и все это поднесу богинѣ, и стану просить ее, чшобы она всегда была милостива къ моей машушкѣ; — шолько бы машушка была щасплива, тогда и я и Алциндоръ и Дафна будемъ щаспливы.

Жрецъ. Добрая дѣвушка! ты въ восхищеніе меня приводишь. — Но что, естльи

естьли богиня чего нибудь ошѣ тебя по-
шребуетѣ? —

Цинтія. Скажи, чего она шребуетѣ?
чего? — я принесу ей все, сѣ радостію
принесу.

Жрецъ. Послушай, пригошовъ вѣ
жертву богинѣ шо, что ты больше
всего любишь. Скажи брату своему и
сестрѣ, чшобѣ онѣ шакуюжѣ пригошвили
жертву. — Теперѣ пойдѣ кѣ своей ма-
шери; а когда солнце совсѣмѣ взоидетѣ
изѣ-за горѣ, тогда прійдите вы сѣ дарами
своими ко храму. (*Онѣ уходитѣ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Цинтія.

Чшо я больше всего люблю! — мало
ли чшо я люблю! я люблю смирную мою
овечку, кошорая не ошходитѣ ошѣ меня,
когда я сперегу спадо, и всегда ко мнѣ
ласкаетѣся; — маленькое мое зеркало,
кошорое нашла я на дорогѣ, идучѣ кѣ
городу. Сѣ шѣхѣ порѣ, какѣ оно у меня,
нѣшѣ уже мнѣ нужды бѣгать всякой разѣ
кѣ ручью, когда мнѣ надобно завязатѣ
волосы, либо приколотѣ цвѣтокѣ ко гру-
ди. Я ношу его всегда при сѣбѣ и смо-
шрюсь вѣ него, когда мнѣ захочетѣся.

(Она вынимаетъ зеркало и смотрится въ него.) — А платье мое, которое мапушка въ городѣ для меня купила, — оно очень ко мнѣ пристало. Недавно плясала я съ моими подругами; всѣ онѣ на меня смотрѣли. „Цинпія, говорили онѣ, платье швое такъ прекрасно, какъ лугъ со цвѣтами, когда лежишь на немъ свѣжая роса, и когда солнце на него свѣтитъ. „ — На что жь богинѣ мое платье? — Я лучше отдамъ любимую мою овечку и маленькое мое зеркало, только бы прекрасное мое платье у меня оспалось. — Пойду поскорѣе къ мапушкѣ, спрошу у нее, что мнѣ сдѣлать? — Что жь есшья богиня попребуешъ моего плашня? — Ахъ нѣтъ! она милоспива и вѣрно не попребуешъ его. (Хочетъ уйти, но Дафна и Алциндоръ се останавливаютъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Цинпія, Дафна и Алциндоръ (вбѣгая съ поспѣшностію.)

• Дафна и Алциндоръ (вмѣстѣ.) Сестрица! представляшъ ли насъ сегодня богинѣ?

Цинтія. Представляшъ. Жрецъ обѣщаль исполнить наше желаніе. Что жь дадите вы мнѣ за эту радоспную вѣсть?

Ал-

Алциндоръ. Все, что тебѣ угодно. Хочешь ли взять мой посошекъ, копорой Палемонъ для меня вырѣзалъ, какъ онъ въ лѣсу рубилъ дерево, разрубилъ себѣ ногу, и мапушка дала ему лѣкарства? — Или я опдамъ тебѣ мою свирѣлку, на копорой недавно игралъ я любимую твою пѣсенку; мапушка услышала тогда, какъ я игралъ, и заставила меня еще проиграть эту пѣсенку. Хочешь ли взять мою свирѣлку; я опдамъ тебѣ ее за радостную твою вѣсть, опдамъ тебѣ все, — кромѣ пшички моей, копорую я прешьягодня поималъ.

Цинтія. И ты, Дафна, вѣрно что нибудь мнѣ подаришь?

Дафна. Я подарю тебѣ корзинку, въ копорой ношу я къ тебѣ хлѣбъ, когда ты со спадомъ въ полѣ бываешь. Кромѣ этой корзинки, нѣчего мнѣ подарить. Ты сама это знаешь, сестрица. Есть у меня вишни; вчера только я ихъ набрала; онѣ уже спѣлы и черны, черны какъ, какъ твои глаза — однако эшѣхъ вишенъ я тебѣ не опдамъ.

Цинтія. Такъ ты, Алциндоръ, больше всего любишь свою пшичку, а ты, Дафна, свои вишни? Ахъ! естли бы вы знали —

Алциндоръ и Дафна (вмѣств.) Что, сестрица?

Цинтія. Что богиня пребуешъ себѣ въ жершву швоей ппички и швоихъ вишенъ. Жрецъ приказалъ намъ пригото- вишь на жершву шо, что мы больше всего любимъ, — Вамъ не о чемъ псчалинсья. Ты, Алциндоръ, можешъ поймашь себѣ другую ппичку; ты, Дафна, можешъ еще набратъ себѣ вишенъ; а я — ахъ! я должна отдашь хорошее мое плашье. — Однако солнце уже всходитъ. Жрецъ топчасъ сюда прійдетъ; подожди его здѣсь, а мы съ Дафною поидемъ за нашими дарами — и ппичку твою прине- семъ. (*Цинтія и Дафна уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Алциндоръ. Жрецъ (*выходитъ изъ- за храма и подслушиваетъ, что говоритъ Алциндоръ, которой его не видитъ.*)

Алциндоръ. Мамушка всегда гово- ритъ мнѣ: „добрымъ бышь гораздо лег- че, чѣмъ злымъ.“ Изрядно. Однако жъ не легко мнѣ отдашь ппичку мою на жер- шву. Бѣдная ппичка! жаль мнѣ тебя; ты должна умерешъ. — Что дѣлашь? Не сказашъ ли мнѣ, что я ппичку мою не люблю?

Жрецъ.

Жрецъ. Ты очень дурно сдѣлаешь, естли солжешь. Мальчикъ! я знаю твою хитрость. Видишь ли, что Богиню обмануть не можно? Ты только еще думаешь; а она знаетъ уже твои мысли. Узнала бы она, естлибѣ ты захошѣлъ пришвориться. Пришворство твое было бы непослушаніе и прогнѣвало бы богиню. Тогда шрудно бы тебѣ было умилошвивить ее.

Алциндоръ. Нѣтъ; я не хочу быть непослушнымъ. Но машушка сказывала мнѣ, что боги могутъ имѣть все, чего только захошатъ. На что жъ Добрая Богиня моя пшичка? Она можетъ сама поимать десять пшичекъ, которыя пакъ же поютъ и съ такими жъ прекрасными перышками.

Жрецъ. Добрая Богиня не для того шребуетъ твоей пшички, чтообъ она имѣла въ ней нужду. Мы все отъ боговъ получаемъ, и дары наши имъ не нужны. Но мы приносимъ имъ жершву въ знакъ нашего послушанія, въ знакъ благодарности и любви къ нимъ. Благодарности и любви не лзя оказатъ такимъ даромъ, безъ котораго легко можемъ обойшисъ. Богашей пастухъ приноситъ на жершву двашцать овецъ; но это множесшво не примѣтно въ безчисленныхъ его стадахъ.

Бѣдной пастухѣ, у котораго нѣтъ больше двухъ козъ, принося одну изъ нихъ на жертву, половину своего имѣнія приносишь.

Алциндоръ. Я люблю богиню, люблю и себя за добрыя твои наставленія. Теперь побѣгу я на встрѣчу къ моимъ сестрамъ и принесу къ тебѣ птичку въ знакъ моего послушанія и любви моея къ богинѣ.

Жрецъ. Вотъ онѣ сами идушь.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Презніе. Цинтія. Дафна.

Алциндоръ (береть у Цинтіи свою птичку и подлетѣть жрецу.) Вотъ она! — будешь ли, добрая Богиня ко мнѣ милоспива за то, что я съ охотою приношу ей мою птичку.

Цинтія. А я приношу ей мое плащье. Оно еще новое и очень ко мнѣ приснало; нѣтъ у меня ничего, что бы я любила больше эшова плащья. Однако жъ я съ радостью отдаю его богинѣ.

Дафна. Вотъ и мои вишни. Я хотѣла половину ихъ отдать мапушкѣ, а другую раздѣлишь съ Алциндоромъ и Цинсіею. Однако шеперь пусть Богиня прі-

пріймешъ ихъ въ жершву. Только бы она была милоспива къ нашей мапушкѣ.

Жрецъ. Богиня будетъ къ вамъ милоспива, любезныя дѣпи! и сохранишъ васъ отъ всякаго нещастія. Добро-сердечіе ваше достойно того, чего вы просите. Пойдемъ; я введу васъ во храмъ. Тамъ воспоемъ мы пѣснь богинѣ; а по томъ научу я васъ, какъ должно прине-сти жершву.

(Они подходятъ ко храму, которой отворяется. Во храмъ видна статуя богини, поставленная на високомъ под-ножій; въ одной рукѣ держитъ она рогъ изобилія и сыплетъ изъ него цѣтвы на стоящую подлѣ нее дѣвушку; а другую руку подаетъ мальчику, которой сто-итъ предъ нею на колѣняхъ. Вверху надъ статуею находится надпись: **ДОБРАЯ БОГИНЯ.**)

Пѣснь.

Всѣ. „Богиня, нисшедшая сегодня на луга наши и обипающая въ семъ храмъ! пребывай всегда съ нами; не возвращайся никогда ко звѣздамъ, добрая Богиня!“

Жрецъ. „Благосклонно прійми нашу жершву, копорую мы шебъ приносимъ съ“

„ СЪ чистыми сердцами! Прійми жершву
 „ невинныхъ юношей и дѣвицъ! „

Дафна. „ Помоги намъ всегда хра-
 „ нить нашу незинность. „

Цинтія. „ И всегда чувспвоваць сожа-
 „ лѣніе къ несчастнымъ. „

Алциндоръ. „ Чшобъ мы никогда не пер-
 „ пѣли недоспашка для помощи бѣд-
 „ нымъ! „

Цинтія, Дафна и Алциндоръ. „ Удо-
 „ спой своего покровительсства мирное
 „ наше жилище! „

Всѣ. „ Вотъ чего мы просимъ у пе-
 „ бя, Богиня, нисшедшая сегодня на
 „ луга наши и обитающая въ семъ хра-
 „ мѣ! пребывай всегда съ нами; не воз-
 „ вращайся никогда ко звѣздамъ, Добрая
 „ Богиня! „

Жрецъ. Теперь подойдите сюда съ
 вашими дарами! (*Цинтія*) Пойди по бе-
 регу этова ручайка, кошорой извивается
 по лугу. Прійдешь ты къ высокому дубу
 и подъ нимъ увидишь низкой шалашъ,
 соломою покрышой. Опдай свое плашье
 бѣдной спарушкѣ, кошорая живешъ въ
 эпомѣ шалашѣ, и скажи ей: „ бѣдная
 спарушка, вотъ плашье для швоей до-
 чери; Добрая Богиня приказала мнѣ оп-
 дать его тебѣ. „ — (*Дафнѣ*) А ты,
 Даф-

Дафна , взойди на эшомѣ пригорокѣ ; съ него увидишь пы дорожку ; эша дорожка приведетѣ шебя кѣ пещерѣ . Немощной спарикѣ лежишѣ вѣ пещерѣ ; быѣ всѣми оставленѣ и никакой помощи не имѣетѣ . Опдай ему свои вишни и скажи : „ несчастной спарикѣ ! Добрая Богиня эшо шебѣ посылаетѣ . „ — (*Алциндору.*) Твоя пшичка останетѣся жива ; оппусти ее на волю . Скажи ей : „ маленькая пшичка ! колѣпи вѣ рошу и пой памѣ милосшѣ богини опѣ самага разсвѣта до тнишины ночной . Для доброй Богини оппускаю шебя на волю ! „

Алциндорѣ. Ты останетѣся жива , любезная пшичка ! Ахѣ , какѣ я эшому радѣ ! (*Онѣ обнимаетѣ клетку и обращаетѣся кѣ богинной статуѣ.*) Милосердая Богиня !

Цинтія. Чудная жертва !

Жрецѣ. Вошѣ какѣ приносятѣ жертву Доброй Богинѣ . Служашѣ ей подражаніемѣ , а подражаютѣ благошвореніемѣ .

VII.

*Благодѣтельное дѣйствіе солнечной
теплоты.*

Когда весна приближается, тогда предѣ глазами нашими происходящѣ пакія перемѣны, копорыя должны приводить въ удивленіе внимательнаго примѣчающаго. Мало по 'малу возвращается Нашурѣ жизнь, копорой, казалось, лишилась она зимою. Земля производитъ первые: цвѣты. Цвѣтущѣ дерева. Безчисленное множество несѣкомыхъ и другихъ живошныхъ родятся и получающѣ жизнь, чувство и способность радоваться. Причиною сея новой жизни въ двухъ высшихъ царствахъ нашурѣ бываетъ возвращеніе теплоты, копорая пробуждаетъ спящія побужденія въ растеніяхъ и живошныхъ и приводитъ обновленныя силы ихъ въ движеніе. Солнце производитъ сію пріятную перемѣну; благодѣтельное дѣйствіе его разливаеця по всѣмъ царствамъ нашурѣ. Сѣмя, лежащее въ землѣ ощущаетъ его силу и развиваетъ. Оно способствуетъ растенію произрастать изъ земли и созрѣвать. Живошныя чувствуютъ въ себѣ укрѣпленіе, когда оно приближается. Все, что имѣетъ дыханіе, живетъ,

жетъ , чувствуешь и растешь , — все ощущаешь благодѣтельные вліянія сего величественнаго свѣтила.

Что естли бѣ лишены мы были свѣта и теплоты солнечной? Какой печальной видѣ имѣла бы тогда земля наша! Въ какомъ бѣдственномъ состояніи находились бы тогда всѣ швари! Какова источника радости лишилось бы сердце человѣческое , естлибѣ не было лучей упреннаго солнца , естлибѣ не лъзя было видѣть яснаго неба! Свѣтило сіе ничѣмъ замѣнено быть не можетъ. Самая теплѣйшая ночь , самая пріятнѣйшая теплота въ комнатѣ , искусствомъ произведенная , не имѣютъ никакой оживляющей и грѣющей силы , какую солнечной свѣтъ всѣмъ существамъ сообщаетъ. Въ солнечной теплотѣ находится нѣчто болѣе обыкновеннаго дѣйствія огня земнаго. Всѣ звѣри сіе знаютъ и всѣ люди какъ на нихъ , такъ и на себѣ , испытываютъ сіе. Немоцной человѣкъ при всемъ стараніи не можетъ въ попеленой комнатѣ въ нѣсколько недѣль оправиться и прійти въ силу , такъ , какъ оправляется онъ въ короткое время , наслаждаясь вліяніями теплоты солнечной въ ясные весенніе дни. Распенія выводимыя изъ

земли — искусственной теплотою никогда не получаютъ такой крѣпости, какую тѣ растенія имѣютъ, которыя выросли дѣйствиємъ солнца.

Но кто сотворилъ солнце? Кто даровалъ ему такія силы? — Всемогущій Создатель всяческихъ. Онъ сотворилъ его; Онъ даровалъ ему оживляющую теплоту и чистой свѣтъ. И такъ Онъ есть источникъ жизни и свѣта. Солнце есть только орудіе благости его, исполнишель Его повелѣній, и провозвѣстникъ всемогущества его, возбуждающій насъ къ благодаренію и любви.

Подобенъ свѣтилу сему въ дѣйствіяхъ своихъ человекъ, одушевляемой любовью къ ближнему. Онъ также разпространяетъ въ кругъ своемъ благословеніе и радость; онъ ободряетъ унылыхъ, подкрѣпляетъ изнемогающихъ, просвѣщаетъ незнающихъ и несчастнымъ подаетъ отраду. — И онъ есть щастливое орудіе благости Всемогущаго.

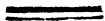
Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

VII.

Разговоръ о жалости къ животнымъ.

Нѣкогда пріятель Добросердовъ, пришедши вмѣстѣ съ нимъ домой, засталъ дѣшей своихъ въ ссорѣ. Николай и Володинька ѿпоимали жука и привязавши его за нипочку, заставляли возить бумажныя санки, въ копорья наклали они мухъ, оборвавши у нихъ крылья. Алексѣй и Лизанька бранили ихъ за то и спарались опнять у нихъ бѣднаго жука. — Увидѣвъ опца, прибѣжали онѣ всѣ къ нему и жаловались другъ на друга. Опецъ взялъ спорону послѣднихъ и говорилъ, что весьма дурно лишать бѣдныхъ невинныхъ животныхъ свободы безъ всякой причины, а еще хуже мучить ихъ такимъ образомъ. „Онѣ такія жь пвари Божіи, продолжалъ онъ, какъ мы и какъ всѣ большія животныя, такъ же чувствуютъ боль и удовольствіе, Творецъ такъ же печется

Часть VI. No. 17. Г 0

о нихъ, какъ и о самыхъ благороднѣйшихъ своихъ шваряхъ. Онъ назначилъ имъ пищу и снабдилъ ихъ способами кишпашься, и орудіями для обороны соразмѣрными ихъ сосшаву; а эшо и показываешъ намъ, что Онъ созворилъ ихъ не для шого, чтобъ онъ спрадали. Хотя гораздо безчеловѣчнѣе оскорбляшъ существо одного съ нами роду, однако весьма немилосердо мучишъ и всякое животное, какое бы оно ни было. Эшо не такъ маловажно, какъ многимъ кажешся. Самое Священное Писаніе имянно повелѣваешъ намъ бышъ милосердыми и къ безсловеснымъ животнымъ. Помнише ли вы спихъ изъ Священнаго Писанія: „*Праведникъ милуетъ души скотовъ своихъ.*“

Николай. Я слышалъ эшо; однако я думалъ, что шупъ говорится только о большихъ скопахъ, копорыя намъ служашъ. Есть люди, копорые и ихъ не жалбюшъ. Третьяго-дни видѣлъ я извощика; онъ наклаалъ такой большой возъ, что бѣдная лошадь и съ-мѣспа сдвинуть его не могла, какъ ни силилась; а онъ шо и дѣло билъ ее плешью такъ немилосердо, что я не могъ болше на эшо смотрѣшъ и отбѣжалъ ошъ окошка. Послѣ уже сказывали мнѣ, что лошадь упала

упала и пушѣ же издохла. Извѣщикъ послѣ того плакалъ и реваъ, какъ корова; однако мнѣ не жаль его; онъ до-стоинъ былъ наказанія.

Володинка. Въ самомъ дѣлѣ не лзя смотрѣшь, когда мучашъ какое нибудь бѣдное животное. Я видалъ, какъ нашъ поваръ цыпляшъ колешъ; бѣднымъ пичики бьются крылышками; кровь течетъ изъ нихъ — ахъ! я никогда эпова не позабуду. — Еще видѣлъ я, какъ моло-дова барашка кололи; мнѣ кажется, что я и шеперь еще слышу, какъ жалко онъ тогда кричалъ. Если бы онъ говорить могъ, вѣрно бы сказалъ онъ: „злые лю-ди! за что вы меня убиваете?“

Лизанька. Я также это видѣла, и послѣ того не хотѣла ѣсть мяса; бѣдой барашикъ все мнѣ казался.

Алексѣй. А мнѣ вздумалось тогда, хорошо ли мы это дѣлаемъ, что уби-ваемъ животнохъ себя въ пищу? Можно бы намъ и безъ того прирашъся молокомъ, хлѣбомъ, плодами, копорыкъ такъ мно-го. Я хотѣлъ было тогда же спросашъ у васъ объ этомъ, но позабылъ. — Если бы мясо не такъ было вкусно, люда не спалъ бы ѣшь ничего, кромѣ плодовъ.

Отецъ. Такъ ты оставилъ свое сомнѣнiе для того только, что мясо тебѣ нравится. Причина очень рѣшительная!

Алексѣй. Вы сами кушаете мясо; а ели бы было въ этомъ чтонибудь худое, то вы вѣрно не съели бы его кушать.

Отецъ. И это несправедливо; я такъ же могу ошибаться. — Но я постараюсь располковать тебѣ, что намъ можно употреблять животныхъ въ пищу, и что онъ, какъ кажется, опчаспи для того и сотворены.

Вопервыхъ, мы видимъ во всемъ творенiи, отъ самаго малаго несккомаго даже до самыхъ большихъ животныхъ, до льва на землѣ, до орла на воздухѣ и до кита въ морѣ, что одно изъ нихъ служишь пищею другому, и что гораздо меньше родится ихъ животныхъ, которыми надобно для пропитанiя очень много, нежели ихъ, которыми мало надобно. Комаровъ гораздо больше; нежели маленькихъ пшичекъ; маленькихъ пшичекъ гораздо болѣе, нежели хищныхъ пшичъ, и такъ далѣе. — Самой внутренней соспавъ животныхъ таковъ, что по немъ можно различать ихъ животныхъ, которыми опредѣлено питаться мясомъ,

и пѣхъ, которыми распеніями питаются опредѣлено.

Вовторыхъ, естли бѣ люди не употребляли въ пищу нѣкоторыхъ живошныхъ, шо бы онѣ шакѣ размножились, што и самимъ людямъ не было бы опѣ нихъ мѣста, или бы дикіе звѣри спали ихъ пожирать, и шакѣ они все умирали бы насильственною жѣ смерщю.

Вѣ шрешнихъ, безсловесныхъ живошныхъ не имѣютъ никакова понятія о смерщи, и по шому спрадаютъ онѣ шолько въ шу минушу, вѣ которую лишаються жизни, — Напослѣдокѣ, вѣроятно, што нѣтъ б льшова различія, какѣ онѣ лишаються жизни, натуральною ли смерщю, или опѣ челошеческихъ рукѣ. Вѣ первомъ случаѣ спраданіе ихъ продолжается иногда еше гораздо долѣе; разумѣется, естли люди опнимаютъ у нихъ жизнь шакѣ скоро, какѣ шолько можно. Но кто продолжаетъ время ихъ спраданія, муча ихъ безѣ нужды, шопѣ показываешь себя жестокосердымъ челошѣкомѣ.

Алексѣй. Ахъ какѣ много шакихъ жестокосердыхъ людей! почши всякой день вижу я и взрослыхъ людей и дѣщей, которые бьютъ и мучатъ бѣдныхъ живошныхъ понапраешу. Я немогу шерпѣшь на-

шего сосѣда; онѣ сказывалъ мнѣ, что онѣ часто ловилъ чужихъ собакъ и кошекъ, и отпускаетъ ихъ опять, опрубивши имѣ хвосты, за то только, что однажды собака его укусила, а кошка съѣла у него чижика.

Добросердѣ. Видно, что онѣ злой рабенокъ. — Правда, многіе поступающъ немилосердо съ животноными, не думая, какъ больно спрадатъ бѣдному животноному, или думая, что оно для того только и создано, чтобы все терпѣть отъ человѣка. Но и это дурно; кто такъ думаетъ, тотъ показываетъ, что онѣ не дальняго разсудка. Вы сдѣлаете доброе дѣло, естли шакому человѣку дадите поняшіе, что онѣ не хорошо поступаетъ.

Алексѣй. Я читалъ въ одной книжкѣ, что не помню гдѣ-то осудили одного человѣка за такой немилосердой поступокъ. Онѣ убилъ маленькую пшичку, которая спасалась отъ хищной пшицы и прилѣпѣла къ нему.

Добросердѣ. Кажется, что это случилось въ Аѣинахъ. Древніе Греки такъ были жалоспильны, что у нихъ даже публичными законами опредѣлено было наказаніе за немилосердіе къ животнонымъ.

Отцуѣ.

Отецъ. Гораздо лучше приучать дѣшей къ жалости, чѣмъ онѣ не имѣли нужды въ такихъ законахъ.

Николай. Однако такихъ живошныхъ, которыя намъ вредъ дѣлають, напримѣръ медвѣдей, волковъ, лисицъ, мышей, либо мухъ и комаровъ, которые насъ беспокоятъ, жалѣть не надобно; ихъ можно немножко и помучить.

Отецъ. Ты ошибаешься. — Это правда, что когда уже намъ позволено употреблять въ пищу невинныхъ живошныхъ, то еще болѣе позволено для собственной своей безопасности убивать хищныхъ звѣрей, которыя могутъ намъ вредъ дѣлать; но нарочно ихъ мучить, непростительно. Я не такъ думаю, какъ нѣкоторые люди въ Индіи, называемые Браминами, которые больше всего оспергаются, чѣмъ не умертвить какоенибудь живошное; они носятъ полошную повязку на рпу, чѣмбы не проглотить съ воздухомъ какованибудь маленькаго несѣкомаго, не убивають въ домахъ своихъ никакой гадины, сколько бы она имъ ни была стѣгостна, и за преступленіе почитають снимать со спящихъ паутины. Такая осторожность вздорна и смѣшна;

однако она показываетъ жалость и добросердечіе, и гораздо простишельнѣе того, чшобѣ мучить живошныхъ и находить въ шомѣ удовольствіе. Онѣ дѣлающъ намѣ вредѣ не изъ злости и не для того только, чшобы вредѣ дѣлашь, но по нуждѣ; всякое живошное хочешъ жить и должно чѣмѣ нибудь питаться. Для того - шо хищной звѣрь ищешъ добычи, мышъ дѣлаешъ свои подкопы, и для того - шо комарѣ насѣ кусаешъ. Мы можемъ избавляться опѣ нихъ, чшобѣ онѣ вреда намѣ не дѣлали; но смѣшно бы было, естльи бѣ мы захошѣли наказывающъ ихъ за шо мученіемѣ. Виноваты ли онѣ въ шомѣ, что пекутся о своей жизни?

Алексѣй. А когда онѣ не виноваты, такѣ мы совсѣмѣ не имѣемѣ права и убивашь ихъ.

Добросердѣ. Я расскажу шобѣ небольшую повѣсть, которая можешъ служить на эшо опвѣшомѣ. — „Одинѣ Гофмейстерѣ пошелѣ со своимѣ пипомцомѣ въ лѣсѣ. Комары кусали ихъ очень больно. „Вопѣ я вамѣ опплачу!“, вскричалѣ маленькой его пипомецѣ: „лишь шолько бы мнѣ поймашь хошъ одного изъ васѣ, шо ужъ не бышь бы ему живому.“ — „Виноваты ли бѣдные комары?“

ГОВО-

говори́лъ Го́фмейстеръ: „они хопятъ жишь; кровь наша служи́тъ имъ пищю; они для шого и снабдены своимъ жаломъ, чшобъ ее высасывать. За что жь ты мспишь имъ хочешь? „ — „Такъ и я невиновашъ, отвѣчалъ шотъ, что долженъ ихъ бишь; они не могу́тъ обойшисъ безъ шого, чшобъ не кусать меня, а я немогу обойшисъ безъ шого, чшобъ не бишь ихъ. „ Онъ поималъ комара и хопѣлъ оборвать у него жало, крылы и ноги. „Нѣтъ, сказалъ Го́фмейстеръ: „эшо правда, что ты можешь спарашся избавишь себя отъ нихъ; и шакъ убѣи эшова комара; а мучишь его не имѣешь ты никакова права. „

Володинька. И! что эшо за важность шпорвашъ крылышко у комара, либо у мухи. Я всегда обрываю у нихъ и ножки и крылышки, когда удаётся мнѣ поимать ихъ. Не ужь ли имъ эшо чувствивельно?

Отцуъ. Не уже ли ты вѣ самомъ дѣлѣ думасшь, что шакія маленькiя нѣжныя живопныя и маленькiе червячки, кошорые и ихъ еще нѣжнѣе, ничего не чувствуюшъ?

Володинька. Какъ же имъ чувшвовать? Они не кричаптъ, когда что ни-

будь у нихъ опорвешь, да и крови изъ нихъ не течетъ.

Отецъ. Развѣ и намъ иногда только бываетъ больно, когда мы кричимъ, или когда кровь течетъ? — Ты говоришь теперь какъ рабенокъ, и какъ рабенку эшо тебѣ еще простибельно. Но есть много и большихъ людей, которые не умѣе думаютъ. Они удерживаются нѣсколько мучить большихъ животныхъ, которые прогаютъ ихъ своимъ ревомъ или жалоснымъ крикомъ; напрошивъ того маленькаго несѣкомаго или червячка ни мало не жалѣютъ, для того, что не слышатъ отъ него никакова голосу и не примѣчаютъ, какъ онъ вѣсится у нихъ въ рукахъ. Но знайте, дѣти мои, что такія маленькія швари, даже и шѣ, которые такъ малы, что мы и видѣть ихъ не можемъ, такъ же способны чувствовать боль и удовольствіе, какъ и самыя большія животныя, способны чувствовать великую разность между шѣмъ, когда онъ играютъ на солнцѣ и когда ихъ давятъ, либо колютъ; да еще могутъ быть чѣмъ нѣжнѣе сосавъ ихъ, шѣмъ понѣе ихъ чувство. Всѣ животныя имѣютъ такое жь право пользоваться удовольствіемъ, которое натура имѣ

опре-

опредѣлила, какъ и вы; лишашь ихъ эшоа удовольствія, прошивно справедливости. — Пользуясь превосходствомъ нашего разсудка и силы, заставляемъ мы большихъ животныхъ служить намъ, работашь для насъ и перевозишь тягости съ мѣсна на мѣсто; а за эшо справедливость не требуешь ли, чшобъ мы были къ нимъ жалосшливы, пеклись о нихъ и спарались облегчашь ихъ неволю? Другія животныя, живущія вмѣстѣ съ нами на землѣ, питаются шравою и древесными плодами, кошорыя принадлежатъ имъ шолько же, какъ и намъ. Творецъ, кошорой даровалъ имъ жизнь, пекся и о нихъ шакъ же, какъ о насъ; а намъ ничемъ они не обязаны. — И шакъ довольно ясно, что весьма несправедливо лишашь жизни какое нибудь животное безъ всякой причины; а мучишь его не шолько несправедливо, но безчеловѣчно и свирѣпо. — Есльибъ я зналъ, что кто нибудь изъ васъ, дѣши мои, находишь удовольствіе въ жалосшномъ крикѣ какой нибудь мучимой швари, шо спалъ бы о немъ плакашь и былъ бы въ сосшояніи желашь ему заблаговременной смерти, для шого, что я опасался бы воспиташь въ немъ опаснаго общешву злодѣя.

По

По томъ отецъ пошелъ въ свой кабинетъ, принесъ опшуда микроскопъ, и показалъ дѣтямъ удивительной составъ мухи и нѣкоторыхъ другихъ несѣкомыхъ въ увеличенномъ видѣ. — Николай и Володинка смотрѣли съ жаалостью на бѣдныхъ мухъ, у которыхъ они оборвали крылья и ножки. Они хотѣли пошчасъ выпустить на воду плѣннаго своего жука; но Добросердъ сказалъ имъ, чтобъ они сперва разсмотрѣли его чрезъ микроскопъ, а по томъ хотѣлъ имъ разсказать нѣчто изъ натуральной исторіи, касающееся до сего несѣкомаго. „Когда вы услышите, говорилъ онъ, сколько времени натура употребляетъ на образованіе этого небольшоа живошнаго и подобнаго ему, то еще больше будете осперегаться истреблять ся дѣло въ одну минушу безъ всякой нужды. „

„Въ безчисленномъ родѣ несѣкомыхъ жуки принадлежатъ къ первому классу, Надрѣзы, по которымъ несѣкомыя вообще такъ называются, на нихъ видны очень ясно и раздѣляютъ ихъ шло на голову, грудь и заднюю часть. Отъ прочихъ классовъ несѣкомыхъ различаются они швердыми покрывками, которыми прикрыты ихъ тонкія на пергаменту похожія крылья.

крылья. Многоразличность ихъ весьма велика; нынѣ извѣстно уже до 800 различныхъ родовъ жуковъ. Родясь они почти всѣ одинакимъ образомъ, съ тою только разностию, что иные въ короткое время проходятъ всѣ перемѣны своей жизни, а другимъ потребно для того еще чешуею до пясти лѣтъ. Кроме того еще примѣтно различаются они величиною, цвѣтомъ и образомъ, пищею жилищемъ и движеніемъ. Есть жуки величиною меньше булавочной головки; напримѣръ того другіе шириною и толщиною бывають въ большой кулакъ, напримѣръ Американской слонъ и Африканской Голиаѣ. Цвѣтомъ бывають они по большей части черные; однако жъ нѣтъ почти ни одного шакова цвѣту, какова бы не имѣли нѣкоторые роды жуковъ: находятся между ими зеленые, голубые, красные, желтые, и проч. Нѣкоторые бывають покрыты блестящею пылью, похожею на золото, либо на серебро. Эта пыль много имѣетъ сходства съ тою пылью, какую видали вы на крыльяхъ у бабочекъ. Другіе отличаются красивыми фигурами, полосками, пятнами — и нѣкоторые испещрены бывають такъ прекрасно, что самой искусной

снoй живописецѢ точнo изобразить ихѢ не можеть. По всѣмѢ эшимѢ различіямѢ раздѣляются они на разные роды, извѣстные подѢ разными именами. Рассказывать вамѢ обо всѣхѢ ихѢ родахѢ, было бы слишкомѢ пространно. И такѢ мы будемѢ говорить только обѢ эшомѢ, которой теперь передѢ нами. „

„ Вы видите, что онѢ имѣеть на крыльяхѢ скорлупы или покрывки, темнова и нѣсколько красноватаго цвѣту, усыпанныя бѣловатою пылью, которая легко съ нихѢ сширается. ОнѢ весьма ему нужны, для того, что онѢ часто живеть подѢ землю, гдѢ бы нѣжныя его крылья удобно могли повредиться, естѣльнѢ эша скорлупа ихѢ не прикрывала. Поднимаясь на воздухѢ производить онѢ ими шoпѢ шумѢ, которой чайпельно случалось вамѢ слышать. — Грудь у нѣкоторыхѢ бываетѢ покрыта чернымѢ, а у другихѢ краснымѢ щипкомѢ, что также щипается между знаками ихѢ различія. Переднія ноги нѣсколько короче заднихѢ, и снабжены маленькими зубчиками, которые способствуютѢ жуку рыться въ землю. Въ мускулахѢ своихѢ имѣеть онѢ силу удивительную, что она по мѣрѢ малаго его тѣла въ тысячу кратѢ

крапѣ больше человѣческой. Такая сила нужна ему для того, чпобѣ вырывать подземное свое жилище, вѣ которое часпо скрывается онѣ и тогда уже, когда получаетѣ крылья и дѣлаеця такимѣ лепучимѣ несѣкомымѣ, какое мы здѣсь видимѣ. „

Лизанька. Такѣ онѣ не всегда имѣетѣ крылья?

Добросердѣ. Когда онѣ бываецѣ жукомѣ, то всегда имѣетѣ крылья: но прежде бываецѣ онѣ червемѣ, и изѣ червя уже превращаеця вѣ жука. Вы пошчасѣ услышите, какѣ это происходитѣ.

(Продолженіе сообщено будетѣ вѣ слѣдующемѣ листѣ.)

VIII.

Награжденіе прилѣжности и бережливости.

„ Скажи мнѣ, банюшка, говорилѣ десятилѣтній сынѣ благоразумнаго паспуха Палемона: „на чпо содержишь ты такія большія спада? На чпо ловимѣ мы такое множеснво рыбы вѣ нашей рѣкѣ? На чпо привозишь ты вѣ городѣ наши плоды, рыбу и молоко, продаешь тамѣ все это за деньги, и бережешь эти деньги? „

„ Опытнѣ

„Опышѣ покажетѣ себѣ, для чего я все это дѣлаю, спѣвчалъ Палемонѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того сынѣ Палемоновѣ привелѣ къ отцу своему бѣднаго старика. — „Башюшка, говорилѣ добросердечной мальчикѣ со слезами, — посмотрише, какой бѣдной старичокѣ. Онѣ разорился отѣ наводненія, и теперѣ нѣчемѣ ему утолить свой голодѣ и нѣгдѣ укрышья отѣ дурной погоды. Я нашелѣ его у дверей бѣднаго нашего сосѣда Аминша. Аминшѣ жалѣлѣ о немѣ, однако не могѣ ему помочь. „Ахѣ!“, говорилѣ онѣ, естѣлибѣ у меня были деньги, я помогѣ бы тебѣ съ радостью. „— Я услышалѣ это, вспомнилѣ, что у тебѣ естѣ деньги, и пригелѣ сюда этого старичка; можетѣ быть ты въ состояніи помочь ему. „

Палемонѣ радовался добросердечію своего сына. Онѣ принялѣ несчастнаго старика навремя въ свой шалашѣ и далѣ ему довольно денегѣ, чтобы онѣ могѣ построить себѣ новой шалашѣ и начать жить по прежнему. — „Вошѣ награжденіе прилѣжноспи!“, сказалѣ онѣ своему сыну: „онѣ доставляющѣ намѣ великое щастіе, доставляющѣ способѣ помогашѣ несчастнымѣ. „

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

*Продолженіе разговора , начатаго въ
последнемъ листѣ .*

Самцы между жуками во всѣхъ родахъ бывающъ нѣсколько поменьше самокъ. Онѣ сходящя весною. Послѣ того самки вырываютъ ямки въ землѣ , и кладутъ туда свои яйца , которыя бывающъ продолговатыя и цвѣтомъ свѣтложелтыя. Положивши яйца , самка опять улешаетъ къ своимъ деревьямъ и кустарникамъ и питается еще нѣсколько времени листьями.

Изъ яицъ рождается червь или ларва (такъ называющся черви , изъ коихъ несѣкомыя происходятъ) , и чрезъ примѣсяца начинаетъ онъ пробивать свою оболочку и выходить изъ нее. Сперва бываетъ онъ малъ и питается кореньями всякихъ растеній , какія только ему попадутся. Кажется , что онъ ѣстъ всякія коренья безъ разбору , хотя и вѣроятно , что матка приговорясь къ яйцу , выбираетъ такое мѣсто , гдѣ бы будущія дѣти ея могли находить любимую пищу. Въ этомъ состояніи прожор-

ливья швари проводятъ долѣе трехъ лѣтъ. Они прорываются подъ землею съ великою скоросью и легкостью. Часно находятъ ихъ, когда землю копаютъ. Птицы ищутъ ихъ съ жадностію. Садовники также не щадятъ ихъ, для того, что они подгрызаютъ корни у растений и чрезъ то причиняютъ въ садахъ немалой вредъ. Цвѣшомъ бываютъ они прожелшова-тые; по бокамъ имѣютъ по девяти дырочекъ для дыханья и по три ножки; голова ихъ снабжена двумя зубчиками, которыми они прорѣзываютъ корни и высасываютъ изъ нихъ сокъ; глазъ они не имѣютъ, да не имѣютъ въ нихъ и нужды, для того, что живутъ всегда подъ землею. Въ такомъ видѣ несѣкомое живетъ нѣсколько лѣтъ подъ землею, перемѣняетъ всякой годъ свою кожу, на зиму всегда уходитъ глубже въ землю, чтобъ отъ стужи быть безопасну, и проживаетъ до весны безъ пищи.

Въ концѣ четвертаго года готовится оно выйти изъ подземнаго своего жилища. Это происходитъ такимъ образомъ: Въ концѣ осени червь начинаетъ чувствовать, что превращеніе его приближается. Онъ зарывается гораздо глубже

же въ землю, и дѣлаетъ себѣ довольно просторную комнашку, коюрой спѣны выдѣлываетъ онѣ такъ гладко, что онѣ лоснятся. По томѣ спановится онѣ короче, начинаетъ раздуваться, скидываетъ послѣднюю свою кожу и превращается въ куколку или Хризалиду. Эта куколка бываетъ сначала желтаго цвѣту, но мало по малу перемѣняетъ его, пока наконецъ сдѣлается почти совсѣмъ красною. Въ видѣ ея показывающся ясно всѣ признаки будущаго крылашаго несѣкомаго, котораго переднія части можно разсмотрѣть, а задняя часть бываетъ какъ бы пеленками обернута.

Въ этомѣ состояніи молодой жукъ проводитъ опять три мѣсяца. Въ началѣ Января освобождается онѣ изъ своего заключенія и принимаетъ подлинной видѣ крылашаго несѣкомаго, въ какомѣ мы шенерь его видимъ.

Володинька. Бѣдненькой! насилу выбрался ты на вольной воздухъ, чтобы аѣшать по деревьямъ и пицаться зелеными листочками.

Алексѣй. Да, въ Январѣ мѣсяцѣ много найдешъ онѣ зеленыхъ листочковъ! Развѣ ты видалъ въ это время зеленыя деревья?

Добросердѣ. Онѣ не вдругѣ получаетѣ всю свою силу и хорошій аппетитѣ. Сперва бываетѣ онѣ еще весьма слабѣ, подобно младенцу; а не такѣ, какѣ многія другія несѣкомыя, которыя попочасѣ начинаютѣ всюду лѣзать, какѣ скоро выйдутѣ изѣ состоянія куколки. Въ то время цвѣтѣ его гораздо живѣе, нежели послѣ, когда уже онѣ выросшетѣ; онѣ бываетѣ тогда весь мякочѣ, и кажется, что онѣ позабываетѣ на нѣсколь-ко времени свою прожорливостѣ.

Алексѣй. Прошедшаго году видѣлъ я въ саду такую молодова жука; однако садовникѣ сказывалѣ мнѣ, что онѣ прошлогодній, и что онѣ на зиму зарывался въ землю и опять вышелѣ, какѣ скоро тепло стало.

Добросердѣ. Онѣ ошибся; жуки этого рода не живутѣ долѣе одного лѣта; есть другой ихѣ родѣ, которые на зиму какѣ бы засыпаютѣ и такимѣ образомѣ лежатѣ въ землѣ до другаго лѣта.

Въ концѣ Мая сіи несѣкомыя, живши чешыре года подѣ землею, выходятѣ опшуда, какѣ скоро первой теплою вечерѣ ихѣ выманишѣ. вмѣсто кореньевѣ питающся онѣ тогда древесными листьями, а пьютѣ росу. Когда погода бываетѣ имѣ

при-

пріятна, но онѣ лѣтаютъ повсюду и ударяются обо все, что попадется имъ на полетѣ. Однако полуденной жарѣ для нихъ слишкомъ силенъ; онѣ укрываются отъ него подъ вѣтвями и листьями шѣнистыхъ деревъ. Вскорѣ по выходѣ изъ своего заключенія онѣ сходяща, и какъ скоро самка обереманѣетъ, что прорываетъ въ землѣ ямочку, и кладетъ въ нее свои яицы, которыхъ числомъ по большей части бываетъ по шестидесяти; а изъ нихъ родятся черви и проходящъ всѣмъ превращенія, о которыхъ я вамъ рассказывалъ. Множество такихъ нестѣкомыхъ было бы весьма пагубно для деревъ, если бы сами онѣ не служили любимюю пищею для птицъ, а особливо для молодыхъ пшеницъ. Вороны и свиньи весьма ихъ любящъ и на поляхъ пожираютъ ихъ великое множество.

Мы не могли бы окончать эпова разговора и въ нѣсколько дней, еслибы захотѣлъ я рассказывать вамъ обо всѣхъ родахъ жуковъ, какіе только извѣстны, однако расскажу еще о нѣкоторыхъ особливо отличныхъ величиною, видомъ и другими обстоятельствомъ.

Въ Америкѣ есть родъ жуковъ, которые цвѣтомъ совсѣмъ черные, величи-

ною не больше здѣшнихъ обыкновенныхъ жуковъ, но круглѣ ихъ, и шакъ сильны, что естли посадишь одного изъ нихъ подѣ мѣдной подсвѣшникѣ, то онѣ можетѣ двигать его съ мѣста на мѣсто очень скоро.

Володинька. Такова жука эспавилѣ бы я возить деревянные санки, а не бумажныя. На что имѣ шакая сила?

Добросердѣ. Опчасти на то, чтобѣ доставать себѣ пищу, опчастижь, чтобѣ дѣлать мѣста для своихъ яицѣ. Обоняніе ихъ чрезвычайно остро. Примѣпивши гдѣ нибудь изпаженіе какова нибудь животноаго, слѣпающа они туда, саятся на калѣ, и всѣ вмѣстѣ дѣлаютѣ изъ него шарики, въ которые кладутѣ свои лица, и въ Септябрѣ мѣсяцѣ зарывають довольно глубоко въ землю. Подѣ землю лежатѣ онѣ до весны, пока несѣкомыя родятся, и какѣ гнѣзда ихъ перегорятѣ, то онѣ выходятѣ изъ-подѣ земли. — Перекашывая шарики на по мѣсто, куда имѣ надобно, помогаютѣ они другѣ другу весьма прилѣжно; они дѣлають то по большей части заднею частью ж обѣими задними ножками. Обыкновенно провожаютѣ ихъ при этой работѣ другіе жуки, которые величиною больше ихѣ

ихъ, и у которыхъ грудь покрыта краснымъ блестящимъ щиткомъ, голова не совсемъ черная, но съ прозеленью, и на ней черной блестящей рогъ загнутой нѣсколько назадъ.

Слонъ между жуками естъ самой большой изъ всѣхъ нынѣ извѣстныхъ родовъ. Сии несѣкомые находятся въ Южной Америкѣ, а особливо въ Гвианѣ и Суринамѣ, также и при рѣкѣ Ороноко. Онѣ совсемъ черные, и все шло ихъ прикрыто швердою и плошною покрывкою, похожею на раковую скорлупу. Рога ихъ очень шверды. Также имѣютъ онѣ хоботъ, копорой могутъ сжимать и распускашь.

Еще заслуживаетъ примѣчаніе родъ жуковъ, копорые называются могиляками, по шому, что они обыкновенно зарываютъ въ землю мертвыхъ кроповъ, мышей и лягушекъ, прежде, нежели начинаютъ ѣсть ихъ. Это странное свойство ихъ открыто еще не очень давно такимъ образомъ: въ одномъ саду убили кроша и оставили его на землѣ; чрезъ нѣсколько часовъ пришли и хотѣли его выбросить изъ саду, но его шупъ уже не было. Разрывши землю на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ лежалъ, нашли его подъ землею въ небольшой ямкѣ, и около него бѣгало нѣ-

сколько жуковъ. Чшобы увѣришься, въ самомъ ли дѣлѣ жуки зарыли кроша въ землѣ и какимъ образомъ они это сдѣлали, выняли его и положили на другое мѣсто недалеко отъ шуда. Не долго спустя жуки и шуда прибѣжали; они подползли подъ кроша и вырывали изъ подъ него землю весьма проворно, отъ чего мало по малу здѣлалась ямка, въ которую мертвой крошѣ самъ собою опустился; они прикрыли его вырышою землею, и по помѣ уползли въ ямку, чшобы надосугѣ съ ѣсть свою добычу.

Лизанька. Конечно ихъ было очень много, либо они очень долго вырывали эту ямку?

Добросердѣ. Ихъ было только чешыре, а работали они не больше трехъ часовъ. — Въ другое время привязали также мертзаго кроша веревочкою къ палкѣ, которая была воткнута въ землю, и повѣсили его такъ, чшобъ онъ едва только дошрогивался до земли. Жуки не упустили и этого случая. Они вырыли подъ нимъ ямку, но крошѣ не упалъ въ нее; они догадались, что этому причиною, и подкопали палку, такъ, чшо она упала и крошѣ долженъ былъ провалишся въ ихъ ямку. — Сія жуки имѣ-

имѣютъ на крыльяхъ черныя покрывки съ двумя широкими краснобашными полосками. Они кладутъ свои яйца въ какое нибудь падалище подъ землю. Черви, которые рождаются изъ этихъ яицъ бываютъ зеленыя съ померанцовыми пятнышками, и превращаются сперва въ куколокъ, а по томъ уже въ жуковъ.

Вѣрно случалось вамъ часто, разгрысши орѣхъ, находить въ немъ вмѣстѣ ядра маленькаго червяка и нѣсколько гнили?

Николай. Это правда, и не очень пріятно, когда эша гниль въ ротъ попадется.

Алексѣй. Я не могъ при томъ никогда догадаться, какъ это червякъ можетъ войти въ орѣхъ; на немъ не видно никакой скважины; а на копоромъ орѣхѣ есть дырочка, въ томъ уже нѣтъ червя и одна только гниль осмается.

Доброе сердце. Лѣтомъ, когда еще орѣхи не поспѣли, ползаютъ по орѣховымъ кустарникамъ маленькіе жуки. Самки этого рода жуковъ имѣютъ довольно длинной хоботокъ, прокалывающій имъ въ зеленыхъ и еще мягкихъ орѣхахъ дырочки, и кладутъ въ нихъ свои яйца. Дырочка по томъ зарастаетъ, и остается на орѣхѣ

только маленькое пятнышко. Черезъ двѣ недѣли родится изъ яйца небольшой червячокъ, копорой находить въ орѣхѣ довольно пищи, сколько ему надобно, пока онъ придетъ въ надлежащую силу; а по томъ пробдаетъ онъ скорлупу и выползаетъ опшуда. Выползши изъ орѣха скрывается онъ подъ землею и проводитъ тамъ зиму и весну даже до Юня. Въ Юнѣ дѣлаетъ онъ себѣ гнѣздо и превращается въ куколку. Въ началѣ Августа превращается онъ изъ куколки въ маленькаго жука; но какъ шѣло его не вдругъ приходить въ надлежащую крѣпость, то онъ живеть еще недѣлю подъ землею, и по томъ уже выходитъ на вольной воздухѣ.

Лизанька. Въ яблокахъ и грушахъ бывають такія жь червяки; и они также не превращаются ли въ жуковъ?

Добросердъ. Нѣтъ, они превращаются въ маленькихъ бабочекъ, о копорыхъ можетъ быть случится намъ вредъ когда ибудь говорить.

Есть еще одинъ родъ такихъ же маленькихъ жуковъ, копорые извѣстны по вреду, какой они дѣлають въ житницахъ, естли не взята бываетъ нужная противъ нихъ предосторожность. Самки ихъ

ихъ также прокалываютъ въ хлѣбныхъ зернахъ маленькія дырочки и вкладываютъ въ нихъ свои яйца. Онѣ кладутъ множество такихъ яицъ. Червячекъ, родящійся изъ такого яйца, извѣстной подѣ названіемъ краснаго хлѣбнаго червя, начинаетъ пицаться — внутренностію зерна. Но какъ онъ въ половину уже выросшетъ, то прежде его жилище становится для него шѣсно и не доставляетъ уже ему пищи. Ипакъ онъ принужденъ бываетъ дѣлать себѣ новое жилище изъ нѣсколькихъ зеренъ, которыя лежатъ подлѣ него, и которыя умѣетъ онъ склѣивать нѣкопсырыми тонкими волокнами, а скважинки между ими залѣпляетъ своимъ пометомъ, похожимъ на бѣлую песчинку. Онъ выѣдаетъ новое свое гнѣздо такъ же, какъ и прежде; а по томъ наступаетъ время его превращенія; онъ превращается въ куколку, и чрезъ нѣсколько времени выходитъ въ видѣ маленькаго жука, находитъ въ хлѣбѣ пылячи своихъ поварищей, знакомливается съ ними и расположеніемъ своимъ причиняетъ новыя опустошенія. Такія жь черви бываютъ въ овсяной крупѣ, во пшени, въ горохѣ, и пр.

Всѣмъ вамъ случалось слышать такъ называемаго кузнечика, которой спучишь въ деревянныхъ стѣнахъ похоже на бой карманныхъ часовъ —

Лизанька. Да, я помню еще, какъ онъ часто стучалъ у насъ въ дѣтской комнатѣ. Однажды пришла къ нашей нянькѣ сестра ея; она услышала этотъ стукъ и говорила, что это не къ добру, и что вѣрно кто нибудь у насъ въ домѣ скоро умретъ. Однако нянька наша сказала ей, что эта примѣта пустая, хотя она въ самомъ дѣлѣ и не знаетъ отъ чего происходитъ такой стукъ.

Добросердѣ. Стукъ этотъ происходитъ отъ маленькаго червячка, которой живетъ въ деревѣ и послѣ также превращается въ маленькаго жука.

Есть червячки, которые блестятъ и свѣтятся на подобіе каленаго угля. Самцы ихъ составляютъ родъ жуковъ, но шому, что имѣютъ крылья и могутъ лѣзать. Напротивъ того самки принадлежатъ къ ползающимъ несѣкомымъ.

Алексѣй. Отъ чего жъ онъ такъ свѣтятся?

Добросердѣ. Нѣкоторые думаютъ, что это происходитъ отъ электрической силы, которую онъ въ себѣ имѣетъ; а
дру-

другіе думаютъ, что нѣкоторыя ихъ частіи наполнены блестящею матеріею, которая такъ свѣшится. Последнее кажется мнѣ вѣроятнѣе перваго. — Самыя ларвы и куколки эшѣхъ несѣкомыхъ издаютъ уже отъ себя блескъ, хотя и весьма слабой. Примѣчено, что когда возьмешь это несѣкомое въ руки, то блескъ его начинаетъ мало по малу уменьшаться, а наконецъ и совсѣмъ пропадаетъ; но еслии допронешься до него и заставишь его ползти, то оно опять начнетъ свѣшиться; кажется, что отъ него зависитъ свѣшиться и не свѣшится, когда оно захочетъ.

Еще осталось мнѣ рассказать вамъ объ одномъ родѣ жуковъ, которые называются Шпанскими мухами. Вы конечно о нихъ слышали?

Лизанька. Недавно одинъ изъ нашихъ людей былъ боленъ, и мнѣ сказывали, что лѣкарь приписалъ ему Шпанскія мухи. Я не знала, что это такое, и хотѣла у васъ спросить.

Добросердъ. Не иное что, какъ родъ небольшихъ жуковъ. Они весьма различны величиною, видомъ и цвѣтомъ. Иные бываютъ всѣ синіе, другіе золошова цвѣшу, а въ другихъ оба цвѣта смѣшаны. Пре-
жде

жде вывозили ихъ только изъ Испаніи; по чему и называющся они Шпанскими мухами. А нынѣ находятъ уже ихъ въ Германіи, въ Голландіи, во Франціи, въ Италіи и въ другихъ земляхъ. Ищутъ ихъ по непріятной вони, какая отъ нихъ происходитъ, и копорая пакъ сильна, что можно ее издалека чувствовать. Набравши ихъ, кладутъ въ полошнныя мѣшечки, морятъ въ пару горячаго уксусу, по томъ сушатъ на солнцѣ и держатъ въ коробочкахъ. Они употребляющся въ разныхъ болѣзняхъ съ хорошимъ успѣхомъ; когда прикладываютъ ихъ снаружи, то дѣлаются отъ нихъ пузыри и чрезъ то вышягивающся дурныя микроты. —

Добросердѣ обѣщалъ достать для дѣшей всѣхъ сихъ несѣкомыхъ, о копорыхъ онъ имъ рассказывалъ. Бѣдной жукъ, копорой подалъ поводъ къ этому разговору, выпущенъ былъ на волю.

Въ дополненіе къ сему разговору со-
общимъ здѣсь мѣсто изъ одной Англій-
ской книги, въ кошорой чипашели най-
дунѣ крашкое повѣрженіе того, что въ
предъидущемъ лиснѣ говорено было о
жалости къ живошнымъ.

„Должноспѣ бытъ милосердыми такъ,
какъ Отецъ нашъ милосердѣ, и шворить
всякое дѣло милосердія, обязываетъ насъ
разпространять милосердіе наше на вся-
кой предметъ, надъ какимъ только можемъ
оказать оное. Нѣмъ швари спель мало-
важной, кошорая бы имѣя жизнь не имѣ-
ла купно и права на благополучіе. И такъ
весьма неразумно измѣрять жалость
нашу къ прочимъ шварямъ по мѣрѣ цѣны,
какую мы шварямъ приписываемъ, или
думать, будто разность величины либо
красоты живошныхъ производитъ суще-
ственную разность и въ ихъ чувствованіи.
Муха такъ же имѣетъ чувство, какъ и
быкъ; жаба сполькожъ имѣетъ права на
благополучіе, какъ и канарейка: одинъ
Богъ сошворилъ быка и муху, канарейку
и жабу. Отъ нѣкошорыхъ шварей имѣ-
емъ мы ошвращеніе, а другихъ больше
любимъ; но сіе не подаетъ намъ причи-
ны мучить первыхъ, естли можно безъ
того обойтись. Хулы и ошвращенія до-
стойно

стойно немилосердіе кѣ живошнымѣ , ка-
кія бы онѣ ни были , скопы или ппицы ,
рыбы или черви. Никакая пварь не дол-
жна казаться намѣ споль подлою , чшобѣ
мы за ничшо почипали мучишь ее ; вся-
кая живая пварь ешь дѣло Бога , все-
общаго Творца. „

„ По закону Божію милосердіе ешь
должность споль обширная , чшо не упус-
кается изѣ виду , и при самомѣ случай-
номѣ и обыкновенномѣ обспоятельствѣ ,
а имянно ешьли найдешь ппицье гнѣздо.
Во Священномѣ Писаніи повелѣвается :
*Аще улущиши гнѣздо птице предѣ лицемѣ
твоимѣ напути , или на древѣ нѣкоемѣ .
или на земли , и въ немѣ птенцы , или
яица , и мати сѣдитѣ на птенцѣхѣ или
ѣицѣхѣ , да не возмши матери со птенцы :
отпущеніемѣ да отпустиши матери , птен-
цы же возмши себѣ , да благо тсбѣ бу-
детѣ , и долгоденственѣ будещи. „*

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

ІХ.

Разговоръ о птицахъ.

Въ одинъ прекрасной день нынѣшняго пріятнаго мѣсяца Добросердѣ ѣздилъ за городъ съ дѣтьми своего пріятели. Вышедши изъ кареты, поспѣшнѣ пошли они по лугу, покрытому первою зеленью, въ ближнюю рощу, гдѣ прелестны молодой весны предспавляли всѣмъ ихъ чувствамъ великолѣпное празднество. Воздухъ наполненъ былъ улаживательнымъ благовоніемъ, шихой вѣтерокъ наносилъ пріятную прохладу, и громкой концертъ птицъ поражае слухъ при входѣ въ рощу.

Они сѣли подъ первымъ деревомъ, которое имъ попалось. Дѣти имѣли свободу ходить вездѣ, гдѣ только имъ хотѣлось; но радостное пѣніе воздушныхъ пѣвцовъ было для нихъ еще ново и шакъ пріятно, что онѣ не могли ничѣмъ больше заниматься, какъ только слушать его. — „Милинкія пшички!“, сказала Лизанька: „какъ онѣ прекрасно поютъ! онѣ не боятся насъ и летаютъ около насъ“

насъ такъ близко; вѣрно примѣчаютъ онѣ что мы ихъ любимъ. Я не видала еще большихъ пщицъ, копорыя лезали бы такъ близко около людей, да онѣ и не поютъ такъ пріятно, по крайней мѣрѣ я еще никогда не слыхала, чтобъ у большой пщицы былъ хорошій голосъ. „

Доброе сердце. Это правда. Большія пщицы живутъ въ густыхъ лѣсахъ, въ каменныхъ ущелинахъ и на высокихъ горахъ. Однако жъ и маленькія пщички летаютъ близко около насъ не по склонности къ намъ; нужда заставляетъ ихъ жить около селеній. Въ песчаныхъ степяхъ и въ дремучихъ лѣсахъ не могли бы онѣ находить хлѣбныхъ зернышекъ, копорыя онѣ любятъ; да и самыхъ несѣкомыхъ, копорыми онѣ по большей части кормятся, мало шамъ бываетъ. Зашедши далеко въ большой и густой лѣсъ, не услышишь въ немъ такова пріятнаго концерта, какой мы здѣсь слышимъ. Тамъ царствуетъ тишина, и только перерывается иногда крикомъ коршуна или ворона, либо какихъ нибудь другихъ хищныхъ пщицъ, копорыя живутъ въ такихъ пустыняхъ. Можетъ быть и страхъ отъ эшихъ разбойниковъ заставляетъ маленькихъ пщичекъ искать прибѣжища поблизости къ селеніямъ.

Алек.

Алексѣй. Худое прибѣжище! люди для нихъ еще опаснѣе хищныхъ птицъ. Сколько стараются ихъ ловить разными хитростями; запираютъ ихъ въ клешки, а иногда и убиваютъ. Если бы я власть имѣлъ, то бы я запрешилъ ловить маленькихъ птичекъ; пусть летали бы онѣ въ рощахъ и пѣли бы на волѣ.

Николай. Однако если бы ихъ не ловили, то сегодня пѣли бы онѣ здѣсь, а завтра перелетѣли бы въ другое мѣсто, и ты бы ихъ уже и не услышалъ.

Добросердѣ. Ты ошибаешься, другъ мой; онѣ рѣдко оспаваютъ то мѣсто, гдѣ онѣ вскормлены, или гдѣ вывели своихъ птенцовъ, если только находятъ себѣ кормъ, и безъ крайней нужды никогда не залетаютъ далеко отсюда. И самыя тѣ птички, которыя на зиму перелетаютъ въ теплыя земли, возвращаясь на старое свое мѣсто, какъ скоро наступитъ то время, когда онѣ опять могутъ тамъ жить.

Лизанька. Если бы мы имѣли маленькую рощицу, то бы я приманила въ нее множество птичекъ, спала бы кормить ихъ, и имъ было бы у меня такъ хорошо, чтобы онѣ никогда не разлетѣлись.

Алексѣй. Я самъ съ охопою покупалъ бы для нихъ кормъ на свои деньги.

Николай. Я спалъ бы разсаживанъ кусточки, на копорыхъ онъ вьетъ свои гнѣзда.

Володинька. А я спалъ бы дѣлалъ имъ гнѣздышка.

Добросердѣ. Да, ты надѣлалъ бы очень много. Видалъ ли ты когда нибудь пшичье гнѣздо?

Володинька. Нѣтъ еще; однако я думаю, что это очень немудрено.

Добросердѣ. Для тебя также мудрено сдѣлать пшичкѣ гнѣздо, какъ и для пшички было бы мудрено связать тебѣ чулки, или платье сшить. Онъ дѣлаютъ свои гнѣзда, особливожь маленькія пшички, такъ искусно, что это ва перенять у нихъ не можно. Ты это самъ узнаешь, когда случится тебѣ пшичье гнѣздо увидѣть.

Алексѣй. Всѣ ли пшицы вьютъ свои гнѣзда одинакимъ образомъ?

Добросердѣ. Нѣтъ; онъ дѣлаютъ ихъ не только различнымъ образомъ, но также изъ разныхъ матеріаловъ и на различныхъ мѣстахъ. Нѣкопорыя вьютъ себѣ гнѣзда на деревьяхъ, а другія на землѣ. Снаружи дѣлается гнѣздо изъ проспнику, изъ

изъ мелкаго хворосту , изъ крупной сухой травы , или изъ гусова моху , а внутри выдѣлывается изъ чего нибудь мелче и нѣжнѣе , такъ искусно и такъ плотно , что вѣсперѣ продувать его не можешъ и никакое несѣкомое не можешъ въ него проползти. Нѣкоторыя пшички укладываютъ свои гнѣзда внутри маленькими перышками , шерстью , либо шелкомъ.

Алексѣй. Гдѣ жъ онѣ все это берутъ?

Добросердѣ. Напура весьма добрая мать для всѣхъ пварей ; она обо всемъ печется. Когда пшички надобно перышковѣ для своего гнѣзда , то она щиплетъ ихъ у себя изъ груди. Щеглява собираютъ пухъ съ нѣкоторыхъ цвѣточковъ. Есть гнѣзда , въ которыхъ шерсть весьма искусно свита съ хворостомъ ; инья связаны бывають нитками , которыя пшички сами дѣлаютъ изъ коноплей , изъ шерсти , либо изъ паушинъ. Нѣкоторыя пшички покрываютъ свои гнѣзда нѣкоторою подмазкою , и сверхъ того укладываютъ ихъ шерстью или мохомъ , отъ чего онѣ бывають очень крѣпки. Ласточки умѣютъ весьма искусно дѣлать себѣ гнѣзда изъ грязи ; онѣ купаются въ водѣ , распусшивши крылья , по шомъ даютъ водѣ

стекають съ нихъ на песокъ, перемѣшивають его своимъ носикомъ, и изъ этой грязи выдѣлываютъ себѣ гнѣздо.

Володинька. Кто ихъ этому учитъ?
Добросердъ. А какъ ты думаешь?
 — Конечно не у людей онѣ это переняли. Онѣ знали свое искусство и тогда уже, когда еще люди укрывались отъ непогоды въ пещерахъ и жили въ шалашахъ. Кто могъ ихъ научить, кромѣ самого всеобщаго Отца природы? Онѣ сообщили имъ врожденное побужденіе, которому должны мы удивляться. Это побужденіе научаетъ ихъ дѣлать гнѣзда свои столь искусно и въ надлежащей мѣрѣ; оно показываетъ имъ и время, когда гнѣздамъ ихъ должно быть готовымъ. Примѣчено, что если пшичье гнѣздо бываетъ разорено, то пшичка въ другой разъ дѣлаетъ его уже не такъ; какъ прежде, но торопится, чтобъ не пропустишь времени. Свивши гнѣздо, самка кладетъ въ него яйца, садится на нихъ и высидиваетъ птенцовъ. Во все это время она не спарается уже о своемъ кормѣ, не оплешаетъ отъ своего мѣста и отказывается отъ всѣхъ забавъ, какія весна ей представляетъ;
 между

между шѣмѣ самецъ печется о ней, приносиль ей корму и ушѣшаетъ ее своимъ пѣніемѣ.

Вы спрашивали у меня, откуда пшички берутъ разныя матеріалы для своихъ гнѣздѣ, какъ то шерсть, или что нибудь другое тому подобное. Я вспомнилъ шеперь маленькую повѣсть, кошорую ксшапи шеперь вамѣ разказашъ.

„Вѣ нынѣшнее время одинѣ опецѣ сидѣль съ маленькимѣ своимѣ сыномѣ на пригоркѣ, показывалъ ему захожденіе солнца и училъ его замѣчашъ красоты нашурь. Осмаприваясь вокругѣ, увидѣли они пасхуа, кошорой гналъ домой свое спадо изѣ ближнего лѣсу. дорога съ обоихѣ споронѣ поросла шерновникомѣ, и ни одна овца не проходила безѣ того, чшобѣ не зацѣпиться за шерновникѣ и не оспавить на немѣ клочка своей шерспи. Маленькому Андрею (шакѣ назывался мальчикѣ) было эшо досадно. „Посмоптрите, башюшка, говорилъ онѣ, на эшотѣ шерновникѣ, какѣ онѣ вырываетъ шерсть изѣ бѣдныхѣ овецѣ. Я не знаю, для чего вы не прикажете обрубить его! на чшо онѣ шупѣ расшеть? Позвольте мѣ завтра поушру прійши сюда съ моимѣ песакомѣ; я не оспавляю

ни одного куста; мнѣ жаль бѣдныхъ овецъ. „ — „ Изрядно, сказалъ отецъ; „ однакожь ты знаешь, что мы сами сприжемъ овецъ и пользуемся ихъ шерстью; для чего не хочешь ты, чтобъ онѣ и съ перновникомъ немножко ею подѣлились? „ — Андрей. „ Эпо другое дѣло; намъ шерсть ихъ надобна на плащье; а перновнику нѣтъ въ ней нужды. „ Отецъ. „ Развѣ можно намъ опнимать что нибудь у другихъ для того, что намъ эпо надобно? „ — Андрей. Мы не дѣлаемъ овцамъ никакова вреда, когда ихъ сприжемъ; шерсть опять на нихъ вырастаетъ; а намъ не лзя безъ эпова обойтись. Всякое животное имѣетъ свою одежду; мы только должны занимать ее отъ другихъ животныхъ, чтобы отъ холоду прикрываться и не ходить нагими. А перновнику нѣтъ нужды въ одеждѣ; на что жь онѣ вырываетъ шерсть изъ бѣдныхъ овецъ? — Такъ позвольте мнѣ завтра обрубить его „ — „ Хорошо отвѣчалъ отецъ: „ но для эпова надобно тебѣ завтра рано встать; я пойду съ тобою и посмотрю, что ты сдѣлаешь. „ —

Андрей радовался тому, что онѣ завтра будутъ имѣть случай оказать надъ перновникомъ свою храбрость. На другой

гой день проснулся онъ еще за долго до восхожденія солнца, и одѣвшись поспѣшнѣе побѣжалъ къ опцу, чѣмъ напомнить ему о вчерашнемъ обѣщаніи. Опцу было это пріятно, для того, что Андрей въ другое время имѣлъ привычку вспавать поздно; и такъ онъ хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чѣмъ показать ему восхожденіе солнца и красоту и пріятность ушра. Пришедши къ шерновнику, увидѣли они около его множество маленькихъ пшичекъ, которыя со всѣхъ сторонъ прилешали и опять улешали. — „Подожди немного, сказалъ отецъ Андрею: „сядемъ на шѣшъ пригорокъ, гдѣ мы вчера сидѣли, и посмотри, за чѣмъ пшички прилешаютъ сюда въ такомъ множествѣ, и что онѣ дѣлаютъ около эшова шерновника. „ — Они сѣли на пригорокъ и смотрѣли, какъ пшички своими носиками собирали съ шерновника шерсть, которая осталась на немъ послѣ того, какъ овцы проходя мимо его за него цѣплялись, и улешали съ эшою добычею. Андрей удивился. „Что это такое? „ вскричалъ онъ. — „Ты видишь примѣръ, говорилъ ему отецъ, какъ Провидѣніе печется обо всѣхъ своихъ шваряхъ, и доставляетъ имъ нужное такими способами, о

какихъ пы и вздумашь не могъ. Маленькія пшички находятъ здѣсь матеріалы, изъ которыхъ онѣ дѣлаютъ себѣ гнѣзда. Терновникъ, на которой пы вчера сердил-ся, не иное что, какъ средство, чрезъ которое онѣ получаютъ что имъ надобно. Хочешь ли пы теперь его обрубить? — „Ахъ! нѣтъ!“ ошвѣчалъ Андрей: „пусть онѣ оспаеся попрежнему, когда онѣ такъ полезны.“ — —

Добросердъ окончавши свою повѣсть, хотѣлъ продолжать прежній разговоръ; но тогда началъ пѣть соловей и обратилъ на себя вниманіе. Дѣти долго слушали несравненнаго эпова пѣвца, передъ которыми и другія пшички какъ бы спыдились своихъ голосовъ и молчали, какъ скоро онѣ начиналъ пѣть. Но помѣ Лизанька просила Добросерда, чпобъ онѣ рассказалъ чтонибудь о соловѣѣ.

Добросердъ. Эта пшица такъ извѣстна, что я сомнѣваюсь, могу ли сказать вамъ о ней чтонибудь такое, чего бы вы еще не знали. — Издавна уже предпочитается она всякой другой пшицѣ по своему пѣнію. Особливо спихониторцы ее любящъ и нѣтъ почти ни одного между ими, которой бы описывая красоты нашуры, не сдѣлалъ между прочимъ

чимъ и соловью комплиментъ, хотя мимоходомъ. Плиній, одинъ изъ славныхъ древнихъ писателей, въ натуральной исторіи говоритъ о соловьѣ, что онъ недѣли по двѣ просиживаетъ въ густой пѣни день и ночь, поетъ безпрестанно и заслуживаетъ наше удивленіе.

Алексѣй. Мнѣ кажется, это не правда, что соловей поетъ и день и ночь непрестанно; я много видалъ соловьевъ, однако жъ не видалъ ни одного, копорой бы безпрестанно пѣлъ.

Доброе сердце. Мнѣ очень пріятно, что ты это замѣтилъ. Въ самомъ дѣлѣ у насъ они не такъ щедры своимъ пѣніемъ; но въ Италіи, гдѣ жилъ Плиній, поютъ они гораздо больше и чаще. — Я не знаю ничего пріятнѣе, и торжественнѣе въ натурѣ, какъ тихая ночь, въ копорой глубокое молчаніе ничѣмъ инымъ не перерывается, кромѣ соловьиного пѣнія. Никогда не позабуду я благополучныхъ часовъ, какими однажды наслаждался я еще въ молодыхъ лѣтахъ. Я жилъ цѣлое лѣто въ деревнѣ у одного моего пріятели, копорая имѣла весьма пріятное положеніе. Представьте себѣ прекрасную долину, копорой протекаетъ рѣка; съ одной стороны рѣки покрытыя цвѣтами луга, а

сѣ

съ другой пригорокъ, обросшій густымъ кустарникомъ и высокими березами. Въ этомъ кустарникѣ жило множество соловьевъ. Часто слушая ихъ просиживалъ я до полуночи, а иногда и утро шамъ меня заспавало.

Соловьи начинаютъ пѣть въ Апрѣлѣ, а перестаютъ въ концѣ Юня. Они любящъ жить въ густыхъ и низкихъ кустарникахъ и скрываются въ нихъ такъ, что трудно ихъ увидѣшь. По большей части поютъ они съ вечера и чрезъ всю ночь. Они долго просиживаютъ на одномъ мѣстѣ. Не всѣ они поютъ равно, но иные гораздо лучше, а другіе хуже; также въ одномъ мѣстѣ бывають лучшіе пѣвцы, нежели въ другомъ.

Въ Маѣ начинаютъ они вить себѣ гнѣздо, и дѣлають его изъ древесныхъ листьевъ, понкихъ соломинокъ и изъ моху. Чѣмъ прилѣжнѣе ищутъ ихъ гнѣздъ, тѣмъ хитрѣе стараются они ихъ скрывать. По большей части вьютъ они гнѣзда свои очень низко въ самой густотѣ кустарника. Между тѣмъ, какъ самка сидитъ на яйцахъ, самецъ часто садится на ближнее дерево и забавляетъ ее своимъ пѣніемъ, также особливымъ голосомъ предостерегаетъ ее отъ опасности

спей. Они кладутъ по четыре и по пяти яицъ. Жалко, что у насъ старающа-ся такъ много ихъ ловить, и по тому не часто удается слышать соловья, ко-торой бы пѣлъ на свободѣ; а если бы меньше ихъ ловили, то ихъ водилось бы весьма много въ такихъ мѣстахъ, гдѣ много густыхъ кустарниковъ и при томъ есть рѣчка.

Николай. За то много ихъ бываетъ въ домахъ; у нашего сосѣда соловьи по-ютъ такъ громко, что иногда не даютъ мнѣ спать.

Добросердъ. Однако жь здѣсь ихъ пѣніе гораздо пріятнѣе моему слуху, и больше прогаешь мое сердце, нежели въ городѣ; не знаю, отъ того ли это происходитъ, что они въ неволѣ бываютъ унылы, такъ, какъ и люди; или отъ того, что они не могутъ перенимать другъ у друга; или отъ того, что въ пѣсномъ пространствѣ между каменными стѣнами голосъ ихъ бываетъ слишкомъ силенъ и пронзителенъ, напрошивъ же того въ лѣсахъ теряется онъ нѣсколько въ открытомъ воздухѣ и чрезъ то бы-ваетъ слуху пріятнѣе.

Алексѣй. Правда ли это, будто со-ловьи такъ глупы, что и маленькимъ рабшамъ не трудно ихъ ловить? *До-*

Добросердѣ. Я не могу себѣ представить, чтобы птица, которая поетъ такъ хорошо и которую я такъ люблю, могла быть глупа; хотя это и не можешь еще служить неоспоримымъ доказательствомъ въ ея пользу. Правда, что она скоро сдается на самыя бездѣльные приманки и допускаетъ себя поимать. Но по этому можно бы почитать глупыми и всѣхъ тѣхъ людей, которые прельщаются иногда пустою похвалою, либо другими такими жь маловажными выгодами, и склоняются на такія дѣла, которые вредны ихъ здоровью или благополучію. Люди часто такъ заключаютъ, и почти всегда, когда кому нибудь приключится несчастіе, говорятъ: *ему бы надобно было умире и сдѣлать то и то — поступить такъ и такъ.* — Но не можно ли приписывать такихъ ошибокъ той любви достойной проситъ, которая заставляетъ добросердечныхъ, опкровенныхъ людей, не знающихъ обмана и лести, вѣрить другимъ слишкомъ много и даваться въ обманъ лукавымъ людямъ?

Алексѣй. Что касается до соловья, то какая намъ нужда, что онъ такъ проситъ? Это не дѣлаетъ его хуже. Мы любимъ его не за осторожность, а за то,

то, что онъ хорошо поетъ. Да и мудро ли человѣку обмануть бѣдную маленькую ппичку!

Добросердѣ. Это правда, другъ мой. Не дурно и объ людяхъ такъ же судишь и замѣчаешь въ нихъ больше доброе, нежели худое. — Но пора уже намъ возвращишься домой; на дорогѣ расскажу я вамъ еще маленькую повѣсть, которую вспомнилъ я при разговорѣ нашемъ о соловьѣ. — —

Добросердѣ поѣхалъ съ дѣтьми домой и рассказывалъ имъ на дорогѣ слѣдующую повѣсть:

„Одинъ маленькой принцъ воспитанъ былъ дурно; его приучали больше къ пышности и блеску искусства, нежели ко красотамъ природы. Онъ ничему не научился, пока не приставили къ нему, по щастію, добраго Гофмейстера, копорой началъ стараться исправить его. — Нѣкогда Гофмейстеръ купилъ себѣ соловья, заплатилъ за него довольно дорого и посадилъ его въ хорошую клетку. Принцъ увидѣвши соловья, вскричалъ: „ахъ! какъ васъ обманули! можно ли заплатить такъ дорого за эту ппичу? Она ничѣмъ не лучше воробья. Поваръ нашъ гораздо лучше васъ умѣетъ ппичу“

пшицѣ покупатьъ. Онѣ купилѣ сегодня большую пшицу, втрое больше вашей, и съ прекрасными перьями.,, — ,, А какѣ ее называютѣ ? ,, спросилѣ Гофмейстерѣ. ,, Эпова я не знаю , опвѣчалѣ Принцѣ. — Послали кѣ повару , спросилѣ , что онѣ купилѣ , и узнали , что то былѣ жирной каплунѣ , кошораго онѣ хопѣлѣ кѣ сполу пригошовилѣ. ,, Вотѣ еще ! ,, продолжалѣ Принцѣ : а ваша пшичка должна быть очень вкусна. ,, — Гофмейстерѣ. ,, Не заботьтесь обѣ эпомѣ ; я не для того ее купилѣ , чтобѣ сѣбѣсть. ,, — Принцѣ. ,, А для того , чтобы только смотрѣть на нее ? ну подлинно , и есть на что. — ,, Между тѣмѣ соловей началѣ пѣть. ,, Что это такое ? ,, спросилѣ Принцѣ удивившись. Гофмейстерѣ. Это пшичка моя поетѣ. Она не такѣ велика , не имѣетѣ такихѣ перьевѣ и не такѣ жирна , какѣ каплунѣ. Но каплунѣ завтра будетѣ сѣбденѣ и всѣ его достоинства кончатся ; а пшичка моя можетѣ быть еще нѣсколько лѣтъ будетѣ меня увеселять своимѣ пѣніемѣ. Что вы теперь скажете ? ,, — Принцѣ. ,, Признаюсь , что я очень ошибся ; теперь я вижу , что по наружности обо всемѣ заключать не можно.

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

ВЕЛИКОДУШІЕ ВЪ НИЗКОМЪ
СОСТОЯНІИ.

Комедія для дѣшей,
Въ одномъ дѣйстви.

Дѣйствующія лица.

Г. Добромыслѣ, богатой дворянинѣ.

Гжа. Добромыслова, жена его.

Фединька
Лизанька

} дѣти ихъ..

Петръ, садовниковъ сынѣ.

Слуга.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, въ
домѣ Г. Добромыслова.

Часть VI. No. 20. Ж ЯВЛЕ

ЯВЛЕНІЕ I.

Г. Добромысловъ и Гжа. Добромыслова.

Г. *Добромысловъ*. Какъ я радъ, что мы опять уже здѣсь! Городъ со всею своею пышностью ничѣмъ не можетъ замѣнить здѣшнихъ пріятностей.

Гжа. *Добромыслова*. Я въ этомъ съ тобою согласна; мнѣ самой здѣсь гораздо пріятнѣе, нежели въ городъ; только дѣти наши беспокоятъ меня.

Г. *Добром*. Дѣти наши? Развѣ для нихъ здѣсь худо? Я думаю, что свѣжій воздухъ, свобода, зрѣлище природы —

Гжа. *Добром*. Правда, все это очень хорошо для ихъ здоровья и для веселья. Но одно ли здоровье имъ нужно?

Г. *Добром*. Чего жъ имъ недостаётъ? Ученья? — Учитель, кошараго мы наняли, человекъ очень доброй и знающій. Онъ пріѣдетъ вѣрно послѣ завтра, и дѣти наши могутъ учиться у него всему, чему онъ началъ учиться, еще лучше, нежели прежде.

Гжа. *Добром*. Но съ кѣмъ будутъ онъ здѣсь обращаться? Съ кого будутъ брать примѣры? Вѣрно съ любимаго швего Петра, садовникова сына?

Г. *Добром*. Я знаю, что ты скажешь хочешь. — Петръ доброй мальчикъ

чикъ; однако я никогда не захочу, что-бы мой сынъ бралъ съ него примѣръ; а что касается до обращенія, то я не вижу, для чего бы сыну моему не обращаться съ нимъ такъ же, какъ и съ равнымъ себѣ.

Гжа. Добром. Нашему сыну обращаться съ грубымъ, бѣшенымъ деревенскимъ мальчишкой? —

Г. Добром. Это правда, что Петръ и родился и выросъ въ деревнѣ; но почему называешь ты его грубымъ и бѣшенымъ мальчишкой, эпова я не знаю. Я часто говаривалъ съ нимъ и примѣшилъ въ немъ изрядныя способности и доброе сердце.

Гжа. Добром. При томъ же онъ очень вѣжливъ; ухватки его очень пріятны! —

Г. Добром. Пусть Ѳединька научитъ его вѣжливости.

Гжа. Добром. А самъ пусть перейметъ его ухватки.

Г. Добром. Это не иное что, какъ увертка нашей гордости. Мы всегда удаляемъ дѣшей нашихъ отъ бѣдныхъ дѣшей, будто бы для того, чтобы онѣ не перенимали у нихъ чегонибудь худова. Но не гораздо ли бы человеколюбивѣе и благороднѣе мы думали, есѣли бы до-
Ж 2 пу-

пускали бѣдныхъ дѣтей къ нашимъ дѣтямъ, для того, чтобъ онѣ у нашихъ дѣтей перенимали доброе? — Я сомнѣваюсь, изъ одной ли только любви къ нашимъ дѣтямъ мы такъ поступаемъ; нѣтъ ли другой причины гораздо хуже этой?

Гжа. Добром. Не уже ли ты считаешь нашихъ дѣтей хуже подлыхъ рабашишекъ? — Я думаю, что весь свѣтъ знаетъ, какая разность во нравахъ между благородными людьми и между чернью.

Г. Добром. Справедливо; великая разность и съ худой и съ доброй стороны. Невѣжливость, грубость, завидливость, обыкновенные пороки людей низкаго сословія; но за то рѣдко найдешь между ими припворное учтивство, ласкательство и гордость. Сколь же часто находимъ мы между такими людьми примѣры отличной честности, любви ко правдѣ, терпѣливости, трудолюбія, опважности въ опасностяхъ и поспоянства! —

Гжа. Добром. Довольно! Чернь имѣетъ въ себѣ сильнаго защитника. Ты сообщишь Оединкѣ высокія понятія о достоинствѣ его сословія.

Г. Добром. Я не сообщу ему никакихъ другихъ понятій, кромѣ тѣхъ, какія самъ я имѣю. Всѣ мы по природѣ равны,

равны, а значность тогда только оплачивается насъ, когда мы заслуживаемъ ее добрыми свойствами и похвальными дѣлами.

Гжа. Добром. А этому долженъ онъ учиться изъ обращенія съ подлымъ рабенкомъ?

Г. Добром. Не знаю, къ чему клонился весь этотъ разговоръ. Развѣ ты хочешь, чѣмъ мы никогда сюда не прѣзжали? или чѣмъ я разлучилъ бѣднаго рабенка съ его опцомъ, для того только, чѣмъ бы онъ не имѣлъ обращенія съ нашими дѣтьми?

Гжа. Добром. Какъ можешь ты подумать, чѣмъ я чего нибудь такова опъ себя потребовала? — Нѣтъ, я желала бы только, чѣмъ бы ты запрешилъ Оединкъ дружить съ этимъ мальчишкой; а опцу его приказалъ смотрѣть за нимъ строже. — Но вмѣсто того слышу я, что ты позволилъ ему бѣгать съ нимъ въ праздные часы по лугу, копать землю въ саду, лазить на деревья; да еще хочешь позволишь ему и учиться вмѣстѣ съ нашими дѣтьми, когда училъ сюда прѣдетъ. Никогда бы я этому не повѣрила, еслибы рабенокъ самъ не сказалъ мнѣ, что ты ему это обѣщаль.

Г. Добрысль. Правда, я это объявил, и сдержу мое слово. — Не уже ли ты во всем этом находишь чтонибудь странное? — Мальчик имѣетъ чрезвычайную охоту къ ученью и довольно оспрошны. Онъ умѣетъ уже чищать, пишеть недурно, и имѣетъ хорошия понятія о многихъ вещахъ. Дѣшамъ нашимъ весьма полезно учиться съ нимъ вмѣстѣ; онъ будеть прилѣжнѣе. Къ тому жь мы сдѣлаемъ доброе дѣло, когда поможемъ бѣдному рабенку сдѣлаться полезнымъ человекомъ, и намъ ничего не будеть эпошопить.

Гжа. Добром. Ничего не будеть эпошопить? — Ты смопришь только на пользу, какую эпошъ рабенокъ можеть получить, а не думаешь, какъ вредно можеть эпобыть для своихъ дѣшей. — Посмошримъ, что изъ эпова выдеть!

Г. Добром. Да, посмошримъ! Но я увѣряю тебя, что прекращу всякое сообщеніе между нашими дѣшми и между садовниковымъ сыномъ, какъ скоро примѣчу въ немъ признаки злова и подлова сердца, или какіянибудь непристойности и безчинства. Надѣюсь, что эпо тебя успокоитъ. (*уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ II.

Гжа. Добромыслова, одна.

Изрядно! я надѣюсь скоро найсти случай избавишься отъ него. — Мужъ мой имѣетъ страннѣе предразсудки. Какая странная мысль — воспиывать подлова рабенка вмѣстѣ съ роднымъ своимъ сыномъ! надобно мнѣ спараться зашавишь его перемѣнить эшо намѣреніе.

ЯВЛЕНИЕ III.

Гжа. Добромыслова. Лизанька.

Гжа. Добром. А! Лизанька — что ты скажешь?

Лизанька. Мапушка! я хопѣла было принести вамъ цвѣшовъ изъ саду и послала садовникова сына нарвать ихъ, однако не могла дождашься эшова бездѣльника.

Гжа. Добром. Говори съ почшеніемъ о такомъ человѣкѣ, кошорой будешъ учишься вмѣстѣ съ шобою и съ швоимъ брашомъ.

Лизанька. Какъ эшо можетъ спашься? Сшану ли я съ нимъ вмѣстѣ учишься?

Гжа. Добром. Опець швой эшова хочешъ. Развѣ ты будешъ прошивишься его волѣ?

Лизанька. Нѣтъ, мамушка; вы шутите. Захочетъ ли бапюшка, чтобъ мы учились вмѣстѣ съ подлымъ мальчишкой!

Гжа. Добром. Безъ шутокъ. Какъ скоро учитель вашъ сюда пріѣдетъ, то онъ будетъ съ вами учиться. Опецъ швой выбралъ его поварищемъ Ѳединькѣ.

Лизанька. Изрядной поварищѣ! — Слава Богу, что у нашего садовника нѣтъ дочери; вѣрно бы она пригодилась мнѣ въ подруги.

Гжа. Добром. Здѣсь въ деревнѣ много дѣвокъ; можешъ бышь швой, бапюшка и для шебя выберешъ подругу.

Лизанька. Посмотрѣла бы я, какъ бы эша подруга осмѣлилась дружески со мной обойпись; я приняла бы ее такъ, чшобы она впредь и подойши ко мнѣ не отважилась.

Гжа. Добром. Не опасайся; я шебя до эшова не допущу. Твое воспитаніе мнѣ одной на волю оставлено, и я не стерплю того, чтобъ ты имѣла сообщеніе съ подлыми людьми.

Лизанька. Бапюшка слишкомъ милосивѣ, и вы часто уже сказывали мнѣ, что онъ забываетъ иногда свое соспояніе и мало отличаетъ благородныхъ людей отъ подлыхъ.

Гжа.

Гжа. Добром. Эшо правда. Однако я надѣюсь, что Фединька недолго будетъ имѣть шакова друга. Отецъ свой обѣщаль мнѣ запрешить имъ всякое сообщеніе, какъ скоро примѣшитъ за своимъ любимцомъ чтонибудь дурное; а случай къ тому, я думаю, същещся очень скоро.

Лизанька. Я спану за нимъ присматривать; онъ вѣрно сегодня же еще сдѣлаетъ какуюнибудь пакость. Какъ мы прошлаго году здѣсь жили, не проходилъ почти ни одинъ день безъ того, чтобы онъ чегонибудь не разшибъ и не испортилъ, или не поссорился съ кѣмънибудь. Однако бабюшка никогда не хопѣла этому вѣрши, либо извиняла его.

Гжа. Добром. Такъ скажи же мнѣ, когда ты чтонибудь узнаешь. — Теперь пойду я на ппичій дворъ; мнѣ хочется посмотреть, какія есть у насъ ппицы. Не хочешь ли и ты со мною ишти?

Лизанька. Я сей часъ прійду къ вамъ, мапушка; только посмотрю, не принесъ ли Пепръ цвѣты, за которыми я его послала.

Гжа. Добром. Хорошо, а послѣ пойдёмъ мы въ роцу;

ЯВЛЕНІЕ IV.

Лизанька одна.

Хорошо, что мапушка такъ обѣ насѣ спарается; ешьли бы не она, то бапюшка вѣрно бы заспавилѣ насѣ играшь съ деревенскими рабляшишками. — —

ЯВЛЕНІЕ V.

*Лизанька. Оединька вбѣгаетъ
задыхаясь.*

Лизанька. Что тебѣ сдѣлалось? Куда ты бѣжишь?

Оединька. Ахѣ сесприца! — подумай, что со мною случилось — не знаю какѣ бышь.

Лизанька. Что такое? Что съ тобою случилось?

Оединька. Изѣ любопытства пошелѣ я на пшичій дворѣ, посмошрѣшь маленькихѣ. цыпляшѣ. —

Лизанька. Ты всегда изѣ любопытства шалости дѣлаешь.

Оединька. Лишь только я подошелѣ къ нимѣ и хотѣлѣ взять вѣ руки одного цыпленочка, вдругѣ кинулся на меня большой Индѣйской пѣшухѣ; я хотѣлѣ оборониться опѣ него, схватилѣ палку, которая шамѣ вѣ углу спояла; однако
палка

палка была для меня тяжела, она выпала у меня изъ рукъ, и ушибла до смерти пятерыхъ либо шестерыхъ цыпленочковъ, а можеть быть и больше; я испугался и убѣжалъ.

Лизанька. Смотри, что тебѣ будетъ! — Мамушка теперь только пошла на ппичій дворъ; она узнаеть что ты надѣлалъ, и тебѣ вѣрно быть сегодня бранену.

Вединька. Ахъ сестрица! я знаю, что безъ эпова не миновать, ешьли она узнаеть. Скажи, что мнѣ дѣлать?

Лизанька. Ты и спомнись эпова; всегда ты шалишь и рѣзвишься. —

Вединька. Пожалуй перестань дѣлать выговоры, а скажи лучше, не знаешьли ты, какъ бы мнѣ избавиться отъ брани?

Лизанька. Послушай, мнѣ пришло нѣчто на умъ, и ешьли ты такъ сдѣлаешь, то и себя бранишь не будешь, и мамушкѣ будетъ это очень приятно.

Вединька. Что такое? что? — скажи поскорѣе.

Лизанька. Скажемъ мамушкѣ, что садовниковъ сынъ это сдѣлалъ.

Вединька. У него самого есть языкъ; онъ можеть и самъ сказать, что это неправда. Ли-

Лизанька. Нѣтъ, онѣ малой доброй; да мы и принудимъ его можемъ, естли онѣ не захочетъ добровольно. Намѣ уже не въ первой разѣ складывашь на него свои вины.

Фединька. Нѣтъ, Лизанька, я не могу эпова сдѣлать; эшо очень дурно, да и бѣдной Пётрѣ мнѣ жалокѣ.

Лизанька. Такѣ шерпи же, когда тебя бранишь будущѣ, а можетъ бышь еще и запрушъ на цѣлой день одного въ комнашѣ. Тогда уже я не пожалѣю о тебѣ.

Фединька. Да, въ самомѣ дѣлѣ — эшо правда — я очень бы радѣ былѣ, естлибѣ дѣло безѣ брани обошлось.

Лизанька. Такому пню, какѣ Пётрѣ, ничего не стоитѣ шерпѣшь пощечины двѣ. Машушкѣ было бы очень прѣятно, естлибѣ мы эшо на него сказали. Ей хочешь сыскашь какую нибудь причину опущишь его ошѣ насѣ, для того, что батюшкѣ угодно, чтообѣ онѣ вмѣстѣ сѣ нами учился.

Фединька. Чшобы онѣ учился вмѣстѣ сѣ нами? — Эшо бы не дурно было. Тогда бы и я гораздо охотнѣе учился.

Лизанька. Какія у тебѣ подлыя мысли! ты хочешь вмѣстѣ сѣ нимѣ учиться?

са? — Прости; дожидайся здѣсь добраго поученья. (*хочетъ уйти.*)

Өединька (*останавливаетъ ее.*) Постой, сестрица, за что ты вдругъ на меня осердилась? — Хорошо, когда бы Пётръ самъ добровольно согласился снять всю вину на себя.

Лизанька. Я тебѣ говорю, что мы и принудимъ его можемъ, естли онъ добровольно не согласится. Надобно только, чтобъ ты показался ему печальнымъ, а впрочемъ положишь на меня.

Өединька. Изрядно; я постараюсь послѣ ему заплашить, подарю ему что нибудь.

Лизанька. На что это? — Ты такъ же прости, какъ и онъ. — Да вотъ онъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Лизанька. Өединька. Пётръ несетъ корзинку со цвѣтами.

Лизанька. Насилу ты пришелъ! — ты долго заставляешь себя дожидаться.

Пётръ. Нѣтъ, сударыня; я шоронился прійти какъ можно скорѣе. Вотъ цвѣты! (*подаетъ ей корзинку.*)

Ли-

Лизанька. Подай мнѣ. — Фи! что эшо за дрянъ! (бросаетъ корзинку.)

Вединька! И! сестрица, цвѣшны право хороши; когда онѣ тебѣ не надобны, такѣ я ихѣ себѣ возьму. (подбираетъ цвѣты.)

Петръ. Какая дрянъ? У насѣ во всемѣ саду нѣтъ луше эшихѣ цвѣшовѣ. — У васѣ вѣ городѣ будто луше естѣ?

Лизанька. И конечно естѣ! гіациншы, розы, гвоздики —

Петръ. Онѣ бываюшѣ и здѣсь, да толькѣ не вѣ эшо время: первые ужѣ опцвѣли, а другіе разцвѣшупшѣ еще недѣли черезѣ двѣ.

Лизанька. Молчи! — я тебѣ говорю, что твои цвѣшны ни куда негодяшся.

Петръ. Для чего же братацѣ вашѣ ихѣ не бросилѣ?

Лизанька. Братацѣ мой со спраху самѣ не знаешѣ, что дѣлаешѣ; ему сегодни безѣ слезѣ не пробышѣ.

Петръ. Какѣ эшо? о чемѣ ему плакашѣ?

Вединька. Ахѣ! другѣ мой Петръ, естѣлибѣ ты зналѣ, какую шалостѣ я сдѣлалѣ —

Петръ.

Петръ. Ну, вѣдь эшо ужь вѣрно не впервые?

Лизанька. Слушай, ты грубиянъ! будь учтивѣе, когда ты говоришь со мною, либо съ моимъ брашомъ.

Петръ. Да онъ самъ говоритъ, что онъ сдѣлалъ шалость.

Өединька. Машушка прогнѣваешся на меня и будешъ меня бранишь, а можешъ бышь и накажешъ какъ нибудъ.

Петръ. Да за что же?

Өединька. Я убилъ ненарочно шестперыхъ Индѣйскихъ цыплятъ на пшичьемъ дворѣ.

Лизанька. А ты знаещъ, какъ машушка ихъ любитъ.

Петръ. Ну, эшо и вѣ самомъ дѣлѣ не хорошо. — Бѣдные цѣпляшка! у меня бы и одного убить рука не поднялась, а шестперыхъ — шестперыхъ —

Лизанька (передражнивая его.) Шестперыхъ! шестперыхъ! — тебѣ шолько цыплята дороги, а о Өединькѣ ты и не жалѣешь.

Өединька. Я право ненарочно эшо сдѣлалъ.

Петръ. Этому я вѣрю; да что вѣ помѣ нужды? нарочно ли, ненарочно ли; намъ ужь ихъ не оживишь.

Лизанька. Эшо мы и безъ тебя знали.

Петръ. Не лъзя ли какъ нибудь эшому пособишь? — (*Фединька притворяется, будто плачетъ*) И! нѣтъ, не плачь, сударь, а не шо я самъ съ тобою заплачу.

Фединька. Да какъ же пособишь? я не знаю.

Петръ. Мы сдѣлаемъ попрежнему; я сниму всю вину на себя.

Лизанька (*въ сторону.*) Насилу довели мы его до того, чего намъ хопѣлось. Пойду поскорѣе къ мапушкѣ и скажу ей, что Петръ во всемъ виноватъ. (*Она уходитъ.*)

Фединька. Однако жъ ты будешь перпѣшь за эшо побои; мнѣ жаль тебя.

Петръ. Такъ и бытъ; у меня такой обычай, что я не могу слышать, чтобы другихъ били либо бранили, а лучше самъ побои вышерплю. Когда моя мапушка съчешъ меньшова моего брата, и онъ кричитъ, тогда я самъ отъ жалости плачу, и часто прошу ее, чтобы она меня вмѣсто его сѣкла. — Прости, сударь; я пойду въ садъ.

(Продолженіе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.)

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

*Продолженіе комедіи, начатой въ
последнемъ листѣ.*

Я В Л Е Н І Е VII.

Өединька, одинъ.

Бѣдной Петрѣ! сколько онѣ за меня
терпитѣ! А я — хорошо ли я эшо
дѣлаю, что заславляю его терпѣть за
мою вину. Онѣ меня любитѣ. Прошлою
осенью и такѣ уже много досталось ему
за меня. — Нѣтъ — я дурно сдѣ-
лалѣ. Пойду, разскажу все такѣ, какѣ
было. Лучше пусть самага меня высѣ-
кушѣ! — пойду! — ахѣ! вошѣ ба-
тюшка идетѣ.

Я В Л Е Н І Е VIII.

Г. Добромьсловѣ. Өединька.

Г. Добром. Чшо можешѣ бышѣ эшова
досаднѣе! вѣ самое шо время, какѣ я его
защищашѣ старался — сдѣлашѣ такую
пакость! (*увидѣвши Өединьку*) А! Өединь-
ка, сестра швоя сказывала мнѣ, что
Петрѣ сдѣлалѣ изрядное дѣло; не былѣ
ли и ты сѣ нимѣ вмѣспѣ?

Вединька. Я, башюшка? — а что онъ сдѣлалъ?

Г. Добро. Не ужели ты и въ самомъ дѣлѣ не знаешь? — Онъ убилъ не знаю сколько по цыплятѣ на пшичьемъ дворѣ.

Вединька. Да, палкою ненарочно; я это слышалъ.

Г. Добро. Дорого бы заплашилъ я, за то, чтобъ онъ этого не сдѣлалъ. Шалость его мнѣ очень досадна. — Сестрѣ твоей также не прощу я никогда ея поспупка; она прибѣжала съ такою радостью рассказывать объ этомъ маперѣ, какъ бы о какомъ нибудь нечаянномъ щасіи. — Но что съ тобою сдѣлалось? Ты въ лицѣ перемѣнился. —

Вединька. Мнѣ жаль бѣднаго Петра; я думаю, что отецъ будетъ бить его очень больно.

Г. Добро. Мнѣ это пріятно, что ты о немъ жалѣешь. Однако пусть перепитъ онъ наказаніе за свою глупость; онъ разстроилъ все мое намѣреніе, какое имѣлъ я въ его пользу. Я вѣрно знаю, *Вединька*, что ты бы радъ былъ, если бы я позволилъ ему учиться вмѣстѣ съ тобою. Съ охотою бы согласился я и учишело твоему прибавишь за это пла-

ны

ты — но теперь не могу уже я эпова сдѣлать.

Вединька. А для чего жь, батюшка?

Г. Добром. Мать швая не хочетъ эпова; она имѣетъ на шо свои причины, а я далъ ей слово перемѣнить свое намѣреніе, какъ скоро Петрѣ сдѣлаетъ чтонибудь дурное. Бѣдной мальчикъ! онъ не знаетъ еще, чего онъ лишился. Я знаю охоту его къ ученю и увѣренъ, что онъ согласился бы лучше десять разъ выперпѣть побои, нежели пошеряшь такой случай.

Вединька (въ сторону) Ахъ! я во всемъ эпомъ виноватъ.

Г. Добром. Что ты говоришь?

Вединька. Батюшка, позвольте мнѣ койши скорѣе къ мапушкѣ и попросить ее, чтобы она простила бѣднаго Петра и чтобы не били его.

Г. Добром. Ты очень хорошо вздумалъ; мнѣ бы надобно эшо тебѣ приказать. Пойди!

ЯВЛЕНИЕ IX.

Г. Добромысловъ, одинъ.

Пойди! — однако тебя не похвалятъ за доброе швое сердце. — Мнѣ очень досадно! Какъ? не уже ли доброй эшотъ рабенокъ долженъ лишиться своего шаспя за то шолько, что онъ изъ неосторожности сдѣлалъ шросшупокъ, да при томъ еще и шакон шросшупокъ, которой почти ничего не значитъ? — Нѣшъ, надобно мнѣ подумать, какъ бы сдѣлалъ ему добро не огорчивши мою жену. (*Увидѣвши Гжу. Добром.*) А! вошъ и она; я ожидалъ ее.

ЯВЛЕНИЕ X.

Г. Добромысловъ. Гжа. Добромылова.

Гжа. Добром. Что ты шеперь скажешь о поступкѣ своего любимца?

Г. Добром. Что шолько можно сказать о шаконъ дѣлѣ; оно не шпойшъ шото, шшобъ о немъ говорить.

Гжа. Добром. Эшо несносно! — я напередъ уже знала, что ты станешь его извинять.

Гжа. Добром. Для чего жъ не извинять его? Онъ заслуживаетъ извиненіе. Вся вина его состоитъ шолько въ неосторожности.

Гжа.

Гжа. Добром. А я увѣряю тебя, что онъ сдѣлалъ это въ досаду мнѣ.

Г. Добром. Чего не можно полковашь разнѡ, какъ кому хочешся? Ты считаешь по злобою, что я считаю рабаческою неоспорожностію.

Гжа. Добром. Чего и извинишь не можно, когда только захочешь извиняшь? Но что бы ты ни говорилъ, а я теперь еще больше увѣрена, что онъ самой негодной мальчишка. При этомъ случаѣ узнала я, что онъ великой упрямецъ. Отецъ билъ его очень больно; однако онъ ни одной слезы не выронилъ, да еще говорилъ отцу, чтобы онъ билъ его больше. Видно ли когда нибудь такое ожесточеніе?

Г. Добром. Какъ можно назвашь это ожесточеніемъ или упрямыствомъ? Изъ этого видно, что онъ чувствуетъ свою вину, видно великодушіе —

Гжа. Добром. (съ насмѣшкою.) Великодушіе? — Не пріучишь ли намъ и своихъ дѣтей къ такому великодушію?

Г. Добром. Желалъ бы я, чтобы дѣти мои имѣли такое жь сердце, какъ Петръ, ни хуже, ни лучше. Сколько бы онъ ни дѣлалъ такихъ проступковъ, какой сегодня сдѣлалъ, однако я знаю, что у него очень доброе сердце.

Гжа. Добром. А я не могу его больше терпѣть; и сегодня же скажу отцу его, чтобы онъ либо его куда нибудь сослалъ, либо и самъ себѣ искалъ друга мѣста.

Г. Добром. Нѣтъ, я никогда не соглашусь сослать отъ себя честнаго человѣка, которой уже нѣсколько лѣтъ порядочно намъ служилъ, зя по шолько, что сынъ его рѣзовъ и неоспороженъ.

Гжа. Добром. Вспомни, что ты мнѣ общалъ.

Г. Добром. Что я общалъ, то и сдѣлаю. Петрѣ не будешь учиться вмѣстѣ съ нашими дѣтьми; да естли можно, то онъ и никакова сообщенія съ нимъ имѣть не будешь. Однако я надѣюсь, что ты не спавещь преняшествовать мнѣ, естли я захочу дать ему особливо такое воспитаніе, какое пристойно хорошимъ его способностямъ.

Гжа. Добром. Воспитывай его, какъ тебѣ угодно, шолько не вмѣстѣ съ нашими дѣтьми. (*Съ насмѣшкою.*) Вѣрно будешь онъ великимъ человѣкомъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Презніе. Слуга.

Слуга (вбѣгаетъ съ поспѣшностію.)

Ахъ сударь! — не испугайшесь! — какое было несчастіе —

Гжа. Добром. Чшо такое?

Г. Добром. Какое несчастіе?

Слуга. Дѣши ваши —

Гжа. Добром. Чшо съ ними сдѣлалось?

Слуга. Упали въ прудъ —

(*Гжа. Добром. падаетъ въ обморокъ.*)

Г. Добром. А шы прибѣжалъ сюда, вмѣсто шого, чшобѣ бѣжать къ нимъ на помощь?

Слуга. Миѣ уже не за чѣмъ было бѣжать къ нимъ; онѣ и безъ меня выпашены изъ воды благополучно; для шого - шо я напередѣ еще сказалъ вамъ, чшо нѣчего бояшсья.

Г. Добром. Ты очень умно эшо сдѣдалъ! впредѣ научу я тебѣ рассказывать ошпорожниѣ шакія вѣсти. — И шакѣ дѣши мои живы? — Не сдѣлалось ли имѣ шакое нибудѣ вреда?

Слуга. Никакова; онѣ шолько перепугались и шакѣ вымочились, чшо ни одной шипки сухой на нихъ не ошалось. Правда, ешть ли бы не Петрѣ —

Г. Добром. Петрѣ? — Не сдѣлалъ ли онѣ еще шалости? Не онѣ ли сполкнулъ ихѣ вѣ прудѣ.

Слуга. Ахѣ, сударь! что вы это говорите? Такова доброва малова, какѣ Петрѣ, прудно другова сыскашь. Есть-ли бы не онѣ, такѣ дѣши ваши оба вѣр-но бы пошонули; онѣ - то и спасѣ ихѣ.

Г. Добром. Что ты говоришь? — Эша вѣсть для меня дороже золоша.

Слуга. Не позвать ли мнѣ кого ни-будь на помощь кѣ баринѣ?

Г. Добром. Нѣтъ, эщо обыкновен-но сѣ нею случается, когда она чего ни-будь испугается, и пройдетѣ само собою; лучше всего оставишь ее теперь вѣ по-коѣ. Между тѣмѣ расскажи мнѣ, какѣ все это случилось.

Слуга. Я сидѣлъ вѣ той комнатѣ, что окошками кѣ саду, и вдругѣ услы-шалѣ шамѣ крикѣ, посмопрѣлъ вѣ окош-ко и увидѣлъ дѣпей обоихѣ вѣ прудѣ. Я побѣжалѣ туда; однако Петрѣ рабо-талѣ что-то тутѣ же недалеко; онѣ также прибѣжалѣ кѣ пруду и покамѣспѣ я сходилѣ сѣ лѣсшницы и бѣжалѣ по са-ду, онѣ успѣлъ ужѣ кинушься вѣ воду и обоихѣ ихѣ выплацишь на берегѣ.

Г.

Г. Добром. Гдѣ жь онѣ шеперь?

Слуга. Онѣ шеперь въ своихъ комнашахъ переодѣваются.

Г. Добром. Пойди скорѣе, пошли ихъ сюда.

(*слуга уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XII.

Г. Добромысловъ. Гжа. Добром. Петръ
приходитъ немного спустя.

Г. Добром. Какой щасливой случай, естѣли дѣшамъ моимъ ничего больше худова не приключилось! (*подходитъ къ Гжѣ. Добром. которая начинаетъ приходитъ въ себя.*) Слава Богу! она начинаешъ уже оправляшьяся.

Петръ. Я здѣсь, сударь.

Г. Добром. Вижу, другъ мой; что тебѣ надобно?

Петръ. Ничего, сударь; мнѣ сказали, будто вы —

Г. добром. Изрядно; останяся здѣсь. Ты сдѣлалъ мнѣ великое одолженіе.

Петръ. Я вамъ? (*смѣется.*) какъ эшо? я право не знаю.

Г. Добром. Такіе люди, какъ ты, часто дѣлають добро, и сами шого не знаютъ.

Гжа. Добром. (открываетъ глаза.)
 Ахъ! — гдѣ дѣши мои? (увидѣвши
 Петра.) За чѣмъ привели сюда эпова
 злодѣя?

Г. Добром. Ты не знаешь еще, чѣмъ
 мы ему обязаны.

Гжа. Добром. Дѣши мои! гдѣ онѣ?
 — Ахъ! избавьше — избавьше меня
 отъ эпова злодѣя.

Г. Добром. Безъ него дѣши наши
 уже не были бы теперь живы. —

Гжа. Добром. Такъ онѣ еще живы?
 Онѣ живы еще? — Опведише меня къ
 нимъ скорѣе.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Прежніе. *Өединька* и *Лизанька* (прихо-
 дятъ переодѣтые; волосы у обоихъ
 вычесаны и мокры.)

Өединька (увидѣвши Петра, подбѣ-
 гаетъ къ нему и обнимаетъ его.) А! другъ
 мой! избавишель мой! ты спасъ меня отъ
 смерти — Чѣмъ могу я тебѣ запла-
 тить за твое великодушіе? Я не заслу-
 живалъ эпова. —

Лизанька (также подходитъ къ нему
 и беретъ его за руку.) И я одолжена тебѣ
 жизнию — давеча отъ страху не вида-

ла я и не чувствовала, какъ ты меня изъ воды вытащилъ.

Гжа. Добром. Какъ? что я слышу? Вы благодарите энова злодѣя — не онъ ли хотѣлъ васъ утопить?

Вединька. Ахъ! нѣтъ, мапушка; — я во всемъ виноватъ.

Лизанька. Это правда, мапушка. Его шумъ и не было, какъ мы упали въ воду.

Гжа. добром. Такъ вы сами виноваты! — какъ же это случилось?

Вединька. Мы ходили около пруда; ненарочно уронилъ я въ него свою палочку, хотѣлъ ее достать, оступился и самъ упалъ въ воду.

Г. Добром. Ты наказанъ за непослушаніе; я давно тебѣ запретилъ подходить близко къ пруду.

Лизанька. А я хотѣла удержать его, однако онъ и меня спасилъ за собою.

Гжа. Добром. Боже мой! какое несчастіе могло бы случиться!

Вединька. Я помню только, что я громко закричалъ; а что послѣ съ нами было, и какъ Петръ вытащилъ насъ на берегъ, энова уже не знаю.

Гжа. Добром. Правда ли это? — Петръ! въ самомъ ли дѣлѣ ты не былъ съ ними? Г.

Г. Добром. (в сторону.) Какая недовѣрчивость!

Петръ. Правда, сударыня; я прибѣжалъ ужъ на крикъ, бросился въ воду и вышацилъ ихъ.

Гжа. Добром. Гдѣ жъ ты былъ въ то время, какъ онѣ закричали?

Петръ. Я шелъ тогда опѣ бапюшки, чшобы поплакашь въ саду послѣ шого, какъ бапюшка меня побилъ.

Всдинька. Ахъ! другъ мой, прости мнѣ; я спыжусь — машушка я долженъ вамъ признашься. —

(*Петръ разными знаками старается заставить его молчать.*)

Гжа. Добром. Чшо такое? Въ чемъ долженъ ты признашься?

Всдинька. Петръ напрасно наказанъ; онъ ни въ чемъ не виноватъ. Я давича убилъ цыплятъ на пшичьемъ дворѣ; а онъ взялъ эшо на себя, чшобы вы на меня не гнѣвались и не бранили меня.

Лизанька. Эшо уже и не въ первой разѣ, машушка; прошлова году мы такъ же складывали на него много нашихъ прощупковъ, и онъ все эшо сносилъ шерпѣливо. — Ахъ, другъ мой! мы посшупали съ шобкою шакъ дурно, а шы опомещилъ намъ шакъ великодушшо! —

Петръ.

Петръ. Все это неправда; не вѣрьте имъ, сударыня! — Послушайте, я расскажу вамъ, какъ я вышацилъ ихъ изъ воды. Онъ —

Г. Добром. (*Гжѣ Добром.*) Что ты на это скажешь?

Гжа. Добром. Я вѣ себя отъ удивленія и отъ спыда. Какъ могла я сполько ненавидѣшь шакова добросердечнаго мальчика! — Какое великодушіе! послѣ такихъ побой, копорыя онъ безвинно вытерпѣлъ, не пощадишь своей жизни, чпобы спасши такихъ дѣшей, копорыя ему сполько зла сдѣлали. — Подойди ко мнѣ, другъ мой; дай обнять себя.

(*Она обнимаетъ Петра; дѣти также подходятъ къ нему.*)

Вединька. Впредь мы никогда уже такъ злы не будемъ.

Лизанька. Я всегда буду спыдишься прежнихъ моихъ поступковъ.

Петръ. И! сударыня, я этого шакова не сдѣлалъ, за что бы вы ко мнѣ такъ милоспивы были. Это не великое дѣло броситься вѣ воду; я умѣю плавать, да и отъ берегу было не далеко —

Гжа. Добром. Проси у насъ, чего ты захочешь; мы ни вѣ чемъ тебѣ не отка-

опкажемъ. Я дамъ тебѣ денегъ, сколько тебѣ надобно.

Вединька. Я отдамъ тебѣ все, что у меня ни есть.

Лизанька. А я попрошу бабюшку и мамушку, чтобы они приказали сдѣлать тебѣ новое платье.

Петръ. На что мнѣ деньги и платье? — Мнѣ хотѣлось бы кое-чего, да я не смѣю просить васъ объ этомъ.

Гжа. Добром. Говори смѣло, другъ мой! нѣтъ ничего шакова, чѣмъ бы не постаралась я замѣнить прежнюю мою несправедливостъ прошивъ тебя.

Петръ. Когда учитель изъ города къ вамъ пріѣдетъ, позвольте мнѣ чему нибудь у него поучиться.

Гжа. Добром. Со всею охотою. Ты будешь не только здѣсь учиться вмѣстѣ съ нашими дѣтьми всему тому, чему онъ участь, но мы и на зиму возьмемъ тебя съ собою въ городъ, и уговорилъ твоего отца, чтобы онъ намъ совсѣмъ тебя поручилъ.

(*Дѣти показываютъ Петру свое удовольствіе и ласкаютъ его.*)

Г. Добром. Этова я и ожидалъ. — Другъ мой! ты слышишь мою благодарностъ послѣ всѣхъ; однако не думай, чтобы

чтобъ она была слаба. Я знаю, сколько ты добра намъ сдѣлалъ. Ты спасъ жизнь моихъ дѣшей. Но это еще не все. Ты увѣрилъ насъ своимъ примѣромъ, что въ самыхъ бѣдныхъ и презрѣнныхъ людяхъ бывающъ благородныя души, и чрезъ то вывелъ насъ изъ ложнаго мнѣнія, какое гордость въ насъ вселяла. —

Гжа. Добром. Не говори больше объ этомъ; я признаюсь въ своей несправедливости и спыжусь ее.

Г. Добром. Ты унижилъ нашихъ дѣшей предъ собою; но впредь научашся онъ изъ своего примѣра быть истинно благородными.

Петръ. Боже мой! — что вы говорите? чѣмъ я это заслужилъ? — Я буду изъ благодарности къ вамъ стараться быть добрымъ человекомъ.

Г. Добром. Ты и теперь доброй человекъ, и впредь таковъ же будешь. Такое сердце, каково свое, достойно лучшей участи. Провидѣніе даровало его тебѣ; Оно же поможетъ и мнѣ произвести въ дѣйство мои намѣренія.

 XI.

Какъ должно поступать со своими врагами.

Одинъ Спартанской Царь часто говорилъ : „ Царю пристойно дѣлать друзьямъ своимъ добро , а врагамъ зло. „ — „ Еще пристойнѣе , говорилъ другой , дѣлать враговъ своихъ друзьями. „

Такимъ образомъ поступилъ Филиппъ , Царь Македонской , отецъ Александра Великаго. Ему доносили на одного знашнаго Македонянина , что онъ худо о немъ говоритъ , и совѣщовали наказать его за то. „ Онъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ людей въ Македоніи , отвѣчалъ Царь : „ не лучше ли намъ изслѣдовать , за что онъ мною недоволенъ ? можешъ быть я самъ подалъ къ шому причину. „ Нашлось , что сей Македонянинъ жилъ въ крайней бѣдности и никшо не хотѣлъ ему помочь. Царь послалъ ему знанную сумму денегъ , и съ шого времени онъ началъ столько же хвалить его , сколько прежде говорилъ о немъ худова.

ХІІ.

Восточная повѣсть.

Расселасѣ, принцѣ Абиссинской, хопѣлѣ узнать, въ какомѣ состояніи можно найти истинное благополучіе. Онѣ услышалѣ объ одномѣ пустынникѣ, копорой жилѣ на берегу рѣки Нила и славилсѣ безпорочною жизнію. Принцѣ вознамѣрилсѣ посѣтитѣ сего пустынника, дабы испытать, не въ уединеніи ли находишсѣ по благополучіе, копораго онѣ искалѣ, или не можетѣ ли сей спарецѣ, почтенный по своимѣ лѣшамѣ и добродѣтели, научитѣ его какому нибудѣ особливому искусству избѣгать опѣ зла во всякомѣ состояніи, а естѣли оно не избѣжимо, по крайней мѣрѣ сноситѣ его безѣ большаго урона благополучію.

Принцесса Имлашѣ, сестра Расселасова вознамѣриласѣ провожатѣ его на семѣ путешествіи, и шакѣ оба они опправились въ путь. Они проѣзжали по лугамѣ, на копорыхѣ паслухи пасли свои стада. „Вошѣ состояніе, говорила Принцесса,

Часть VI. Но. 22. И цесса,

цесса, которое стихотворцы споль часто прославляющъ за невинность и спокойствіе. Укроемся отъ полуденнаго жару въ паспущьихъ шалашахъ, и посмошримъ, не найдемъ ли здѣсь того, чего мы ищемъ.

Они старались ласкою и небольшими подарками склонить паспуховъ къ тому, чтобъ они искренно сказали имъ, какъ они думаютъ о своемъ состояніи. Но сіи люди были такъ дики и грубы, такъ неспособны размѣрять добро и зло въ образъ своей жизни, разговоры ихъ и описанія такъ были безпорядочны, что Принцъ и Принцесса не могли узнать отъ нихъ, чего желали. Однакожь могли они выразумѣть то, что неудовольствіе не отдалено отъ паспущьихъ шалашей, что сіи люди почитали себя несчастными и осужденными работать для того только, чтобъ жили щасливо богатые люди, на которыхъ они смошрѣли съ завистью и шайною злобою.

Принцесса изъяснилась съ живосшію, что она не хочетъ быть долѣе съ такими завидливыми людьми, и что она довольно уже узнала ихъ состояніе. Однакожь не могла она повѣрить, чтобъ всѣ стихотворческія описанія паспущеской жизни

жизни были одна только выдумка, и сомнѣвалась, чтобы можно было чтонибудь предпочесть спокойной жизни на поляхъ и въ пріятныхъ рощахъ. Она надеялась, что наступитъ такое время, когда она съ немногими добродѣтельными и разумными пріятельницами будетъ срывать цвѣты насажденные своими руками, пастись молодыхъ ягнятъ, или заниматься пріятными разговорами сидя подъ прохладною тѣнью на берегу прозрачнаго ручайка. —

На другой день продолжали они свое путешествіе, пока жаръ не принудилъ ихъ искать прістанища. Они увидѣли въ небольшомъ разстояніи густой лѣсъ, и подѣхавши къ нему примѣтили, что они приближаются къ мѣстамъ обитаемымъ. Между кустарниками прорублены были довольно широкія дорожки, которыя вели къ небольшимъ площадкамъ; гдѣ сдѣланы были мѣста для отдохновенія, покрытыя дерномъ и окруженныя цвѣтами. Въ разныхъ мѣстахъ прошекали ручайки, восхищавшіе пріятнымъ своимъ журчаніемъ.

Принцъ и Принцесса шли тихо по лѣсу, восхищаясь симъ неожиданнымъ прістанищемъ, и занимались догадками, кто бы въ столь дикой и почти никогда

непосѣщаемой пупешественниками споронѣ, могѣ имѣшь сполько вкуса, чшобѣ искусствомѣ увеличивашь пріяшности напуры?

Идучи далѣе слышали они музыку и увидѣли молодыхъ людей и дѣвушекъ, кошорыя плясали на одной площадкѣ. Прощедши жѣ еще далѣе, увидѣли они великолѣбныя палашы, поспроенныя на высокомѣ мѣстѣ и окруженныя лѣсомѣ. Законы Воспочнаго госпепрімспва позволяли имѣ войши вѣ сіи палашы, гдѣ они пріяшпы были хозяиномѣ пакѣ, какѣ сполько могли ожидать шого опѣ богашаго и ласковаго челошѣка.

Онѣ примѣшилѣ по плашью, чшо они были люди знашнаго сосшоянія, и угощаль ихѣ со всемѣ возможнымѣ великолѣпиемѣ. Разговоры Расселасовы привлекали на себя вниманіе, а благородной видѣ Принцессы Имлашѣ возбуждалѣ кѣ ней пошпеніе. Кѣ вечеру кошѣли они продолжашь свое пупешествіе; но хозяинѣ удержалѣ ихѣ и просилѣ провести у него нѣсколько дней. Они согласились на шѣ. Скоро взаимная ихѣ учшивосшь перемѣнилась вѣ дружеское обхожденіе и довѣренность.

Принцѣ

Принцъ , видя вокругъ жилища своего хозяина всю напуру улыбающуюся и всѣхъ домашнихъ его всегда радостными , ласкался надеждою , что онъ нашелъ уже то , чего искалъ . Но какъ онъ открылъ свои мысли своему хозяину , по сей опвѣчалъ ему вздыхая : „ въ самомъ дѣлѣ мое соспоянiе кажется благополучнымъ ; но наружной видѣ обманывается . Щаспiе мое подвергается жизнь мою опасности . Египетской Паша врагъ мнѣ ; онъ ненавидитъ меня за мое богатство и гостепрiимство . Поынѣ защищали меня отъ него Арабскiе Принцы ; но я не могу положиться на ихъ вѣрность и опасаюсь , чтобъ они не согласились съ Пашею ограбить и погубить меня . Для того переслалъ я большую часть моихъ сокровищъ въ опдаленную землю и самъ гоповѣ бѣжаешь туда же , какъ скоро узнаю , что прежнiе мои защитники перемѣнили свои мысли . Тогда враги мои будутъ шоржесествовать въ моемъ домѣ и веселишься въ садахъ , копорые самъ я насадилъ . „

Принцъ и Принцесса сожалѣли о семъ несчастномъ человѣкѣ , копорой жилъ въ непреспанномъ безпокойствѣ и всегда подверженъ былъ опасности лишиться не только имѣнiя своего , но и жизни . Чрезъ

нѣсколько дней простились они съ нимъ и отправились въ путь къ берегу рѣки Нила, гдѣ жилъ пустынникъ.

Въ претій день прибыли они къ пещерѣ пустынника. Пещера сія находилась въ горѣ, обросшей палмовыми деревьями, въ такомъ распояніи опѣ большова водопада, что слышно въ ней было только тихое журчаніе, удобное склоняшь къ пріятному размышленію, а особливо когда оно сопровождается было шумомъ древесныхъ листьевъ, движимыхъ шкхимъ въ-шкеркомъ. Сама напура сдѣлала въ горѣ основаніе сея пещеры; а человѣческое искусство придадо ей удобности и раздѣлило ее на разныя комнаты, дабы путешественники, копорыхъ ночь или непогода заспигала, могли находить въ ней прібѣжище.

Пустынникъ сидѣлъ у входа въ его жилище. Съ одной стороны лежали подлѣ него попребности нужныя для письма, а съ другой разныя механическія орудія. Онъ не примѣшилъ, какъ путешественники къ нему подошли. Но Принцесса еще издали примѣшила, что по виду не можно было почестъ его такимъ человѣкомъ, которой нашелъ путь ко благополучію и можетъ другимъ указать оной.

Они

Они подошли къ нему съ почтеніемъ. Пустынный отвѣчалъ на ихъ привѣтствіе съ такою учтивостію, изъ которой можно было заключить, что онъ не всегда жилъ въ пещерѣ. „Естьли вы потеряли дорогу, дѣти мои, говорилъ онъ, то я съ охотою укажу вамъ, куда надобно выѣхать. Между тѣмъ поспешаю здѣсь угостить васъ — какъ только могу. У меня есть все, чего напура потребуешь; а роскоши вѣрно и сами вы не надѣетесь найти въ пустынной пещерѣ. „

Путешественники благодарили его и вошли въ пещеру. Они удивились ея чистотѣ и правильности. Пустынный приготовилъ для нихъ мясную пищу и принесъ имъ вина; самъ же довольствовался только плодами и водою. Разговоры его были веселы безъ легкомыслія, и важны безъ лицемерія. Онъ скоро снискалъ почтеніе отъ своихъ гостей, и Принцесса перемѣнила прежнее свое о немъ мнѣніе.

„Теперь не удивляюсь уже я, сказалъ Рассиласъ, что слава твоя такъ далеко разпространилась. Мы слышали о твоей мудрости и прибыли сюда издали, просить тебя, чтобъ ты далъ намъ наставленіе, какой родъ жизни должно намъ избрать, чтобъ быть счастливыми. „

„Всѣ роды жизни равны для того, кто живетъ добродѣтельно, ошнвѣчалъ пустынникъ. „Убѣгайте зла и дѣлайте добро, сколько вамъ возможно. Вотъ самое лучшее наставленіе, какое только могу я вамъ дать.

„Но естьли лучший способъ убѣгать зла, какъ послѣдовашъ своему примѣру и посвятитъ себя уединенію?

„Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ пустынникъ, пашьнашцашь уже лѣтъ живу я въ уединеніи; но не желаю, чшобы ктонибудь захотѣлъ подражать моему примѣру. Лѣта молодости провелъ я въ воинской службѣ и мало по малу дослужился до самаго высшаго чина. Предводительствуя войскомъ, проходилъ я многія земли, имѣлъ много сраженій и много городовъ осаждалъ. Наконецъ предпочтенъ мнѣ былъ одинъ молодой человекъ. Тронушъ будучи сею обидою и при томъ чувствуя, что силы мои ослабѣвають, рѣшился я окончать жизнь мою въ уединеніи. Свѣтъ казался мнѣ наполненнымъ обманами, раздоромъ и бѣдностію. Нѣкогда спасся я въ этой пещерѣ отъ непріятелей, и для того выбралъ ее мѣстомъ моего уединенія. Съ помощію нѣкошорыхъ искусныхъ людей учредилъ я здѣсь все такъ,

такъ , какъ вы видите , и запасся всемъ , въ чемъ могу имѣть нужду. „

„Нѣсколько времени радовался я пакъ , какъ корабельщикъ избавившійся отъ кораблекрушенія и входящій благополучно въ гавань — радовался перемѣнѣ воинскаго шума на тишину и спокойствіе. Какъ же скоро удовольствіе новопи миновалось , по я употреблялъ время на узнаніе правъ , распущихъ въ этой долинь , и минераловъ , копорья находилъ я въ горѣ. Но и это упражненіе мнѣ наскучило , и оно не имѣетъ уже для меня пріятности. Съ того времени мучашъ меня пысячи безпокойныхъ мыслей. Иногда спыжусь я самъ себя , что не умѣлъ иначе уклониться отъ пороковъ , какъ лишивши себя купно и случаевъ дѣлать добро. Я начинаю подозрѣвать , что не сполько любовь къ добродѣтели , какъ огорченіе и досада побудили меня уединиться. Воображеніе мое занимается разными нелѣпостями , и я сожалѣю о томъ , что потерявши весьма много , получилъ за то весьма мало. Въ уединеніи моемъ избѣгаю я примѣровъ злыхъ людей ; но шакже лишенъ и обращенія съ добрыми людьми. Долго сравнивалъ я вредъ , происходящій отъ сообщества , съ выгодами

его, и рѣшился при первомъ случаѣ возвращеніи въ свѣтъ.

Принцъ и Принцесса слушали съ удивленіемъ что говорилъ пустынникъ. Они предложили ему, чтобъ онъ переселился въ ихъ городъ. Пустынникъ съ радостію принялъ сіе предложеніе, выкопалъ свое сокровище, которое лежало зарыто подъ землею, и отправился вмѣстѣ съ ними; а Расселасъ увѣрился, что благополучіе не соединено ни съ какимъ особеннымъ состояніемъ.

XIII.

Великодушной непріятель.

Во время Крестовыхъ походовъ Англійской король Едуардъ I осаждалъ Турецкой городъ Яффу. Въ одинъ день пришелъ въ его лагерь Турокъ, и пребывалъ, чтобъ его допустили къ самому Королю. Будучи допущенъ къ Королю и разговаривая съ нимъ, прокололъ онъ его кинжаломъ, которой намазанъ былъ ядомъ. Рана вдругъ сдѣлалась такъ опасна, что почли ее неизлѣчимою и думали, что Король въ тотъ же день умретъ. Но былъ найденъ одинъ врачъ, которой увѣрялъ, что ему можно еще спастись отъ смерти, если кто нибудь согласится пожерт-

зовашь за него своею жизнію и высосашь ядъ изъ раны.

Молодая Едуардова супруга Леонора рѣшилась на сіе геройское дѣло; не можно было отвратить ея отъ того никакими предостереженіями и никакими прозьбами. Король уже близокъ былъ къ смерти и лежалъ почти совсѣмъ безчувственъ, какъ она исполнила свое предпріятіе, послѣ чего онъ скоро выздоровѣлъ и какъ бы пробудился отъ глубокаго сна — но пробудился къ такому зрѣлищу, которое для него было страшнѣе самой смерти, ибо онъ увидѣлъ супругу свою въ томъ состояніи, въ какомъ прежде самъ находился. Не лзя описать его опчаянія, особливо жь когда онъ узналъ, что она за него умираетъ; онъ клялся казнить всѣхъ тѣхъ, которые допустили Королеву исполнить ея предпріятіе, и хотѣлъ самъ умереть вмѣстѣ съ нею.

Въ то самое время, какъ онъ ожидалъ уже ея кончины, доложили ему, что нѣкто иностранецъ желаетъ съ нимъ говорить. Легко можно себѣ представить, что сему иностранцу трудно было получить доступъ; но онъ говорилъ, что хочетъ объявить Королю нѣчто такое, отъ чего все его благополучіе зависитъ,

и такъ его впустили въ Королевскую палатку. Вошедши туда сказалъ онъ, что онъ Селимъ, градоначальникъ Каффской. Едуардъ, услышавъ это, осыпалъ его жестокими укоризнами, думая, что Селимъ хотѣлъ смертию его освободиться отъ осады, и что убійца, которой прокололъ его кинжаломъ, отъ него былъ посланъ. Селимъ оповѣщивалъ, что подозрѣніе его несправедливо, что убійца произвелъ свое предпріятіе въ дѣйство своевольно, почивая все дозволеннымъ противъ непріятеля, и что онъ, узнавши о томъ, подвергъ собственную свою жизнь опасности, дабы прійти къ Едуарду и увѣрить его о своей невиности. — Но чѣмъ болѣе онъ извинялся, тѣмъ жесточайшія укоризны долженъ былъ слышать. — „Изрядно!“, сказалъ онъ наконецъ: „я долженъ увѣрить тебя самымъ лучшимъ доказательствомъ“, — и сказавши сіе вышелъ.

Досада Едуардова еще увеличилась тѣмъ, что онъ отпустилъ непріятеля своего безъ отмщенія. Но какъ удивился онъ, увидѣвъ его вскорѣ по томъ вошедшаго къ нему съ любезною его Леонорою. Удивленіе и радость привели его внѣ себя, и какъ онъ успѣдился, когда супруга его сказала, что она одолжена
жиз-

жизнію великодушію его непріятеля! Селимъ зналъ лѣкарство прошивъ того яду, кошорымъ кинжалъ былъ намазанъ, далъ Королевѣ принять оное и чрезъ то спасъ ее отъ смерти. — Едуардъ сколько пронулъ былъ симъ великодушіемъ, что въ тотъ же день оставилъ осаду и спустился отъ города.

XVI.

Примѣръ честности.

Въ 1752 году одинъ Англійской купеческой корабль приспавалъ для торговли къ Гвинейскому берегу. Одинъ изъ Англичанъ, поимяни Муррай, занемогъ, и какъ кораблю необходимо надобно было вскорѣ отъправиться въ другое мѣсто на короткое время, то онъ оставленъ тамъ былъ до выздоровленія въ домъ одного Негра, съ кошорымъ онъ познакомился по торговлѣ, и кошорой назывался Кудьое. Выздоровѣвши жилъ онъ также у своего знакома и дожидался корабля. Между тѣмъ случилось, что Голландской корабль проходилъ мимо сего берега и останавливался тамъ, дабы записать нѣкошорыми потребностями. Голландцы приманили къ себѣ нѣсколько Негровъ и захвапавши ихъ обманомъ, увезли
вѣ

въ неволю. Родственники и друзья сихъ Негровъ прибѣжали въ великой ярости къ дому Кудьое, чшобы опмстить Англичанину. Кудьое оспановилъ ихъ у дверей и спросилъ, что имъ надобно? „Бѣлые люди, говорили они, увезли нашихъ брашій и и сыновей, и за то хопимъ мы побить всѣхъ бѣлыхъ людей. Отдай намъ бѣлаго человѣка, копорой у тебя живешъ; мы его убьемъ.“ — „Нѣтъ, опвѣчалъ Кудьое: „правда, что бѣлые люди, копорые родственниковъ вашихъ увезли, злые люди; однако эшопъ доброй человекъ, не убивайте его.“ — „Онъ бѣлой, кричали Негры: „а бѣлые люди всѣ злы; мы хопимъ всѣхъ ихъ побить!“ — „Какъ вамъ убить человека за то шолько, что онъ бѣлой? говорилъ Кудьое: „онъ не сдѣлалъ вамъ зла. Я далъ ему слово оберегать его, и долженъ слово свое сдержать. Онъ другъ мой, живешъ въ моемъ домѣ, и я долженъ его защищать. Не допущу убить его прежде, нежели вы самого меня убьете. Кшо бы захошѣлъ прійти ко мнѣ и жить у меня, ештли бы я не сдержалъ моего слова и позволилъ пролить въ моемъ домѣ кровь добраго человека?“ —

Негры, видя его твердость и повѣривши ему, ушли. Спустя нѣсколько дней послѣ того Англичанинъ отважился выйти вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ. Нѣкоторые изъ нѣхъ, которые хотѣли убить его, подходили къ нимъ, брали ихъ за руки и говорили: „мы радуемся, что мы не убили эшова блага. Онъ доброй человѣкъ; Богъ прогнѣвался бы на насъ, если бы мы его убили, и рыбная наша ловля была бы не удачна.

XV.

Анекдотъ изъ Испанской исторіи.

Молодой Испанецъ поссорился съ однимъ также молодымъ Мавромъ и убилъ его. Ему удалось избавиться отъ погони, которая за нимъ была послана, перескочивши чрезъ стѣну въ садъ. Господинъ саду, Африканецъ значнаго состоянія, былъ въ то время тамъ же. Испанецъ бросился къ ногамъ его, открылъ ему свое приключеніе и просилъ, чтобъ онъ его скрылъ. „Съешь это, сказалъ Мавръ, подавши ему половину сливы, и положишь на меня. „ — Потомъ заперъ онъ его въ бесѣдкѣ и обѣщалъ ночью проводить въ безопасное мѣсто, а самъ пошелъ домой. Лишь только вошелъ онъ въ свою комнату,

пу, що принесли къ нему шѣло роднаго его сына и рассказали, что онъ убилъ молодымъ Испанцомъ. Когда первыя движенія страха и горести упишились, несчастной отецъ догадался, что убійца находится въ его власти. Однако не сказавши о томъ никому, пошелъ онъ въ садъ, какъ скоро ночь наспушила. — „Молодой человекъ! „ говорилъ онъ Испанцу: „ ты убилъ моего сына; шѣло его лежитъ теперь въ моемъ домѣ. По справедливости надлежитъ тебѣ быть наказану. Но ты ѣлъ сомною и я далъ тебѣ слово, котораго не хочу нарушить. — По томъ повелъ онъ изумленнаго убійцу въ свою конюшню, далъ ему лошадь и сказалъ: „ Спасайся бѣгствомъ не теряя времени. Теперь ночь, и никто тебя не увидитъ, а завтра будешь ты уже въ безопасности. Ты пролилъ кровь моего сына — это правда; но Богъ правосуденъ и благъ. Я предаю тебя Его волю, и радуюсь тому, что я невиненъ въ пвоей крови и что я сдержалъ мое слово. „

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

XVI.

О нѣкоторыхъ птицахъ. Изъ натуральной исторіи.

I.

О Струсѣ.

Струсы находятся въ Африканскихъ степяхъ, въ Аравіи, въ Египти и въ Американской провинціи Перу; однако въ послѣдней землѣ родъ ихъ отъ другихъ отличенъ. Струсъ есть самая большая изъ всѣхъ птицъ. Въ вышину съ ногъ до спины бываетъ онъ обыкновенно отъ 5 до 6 футовъ. Спина его широка и крѣпка; она покрыта темносерыми перьями. Голова мала и болѣе широка, нежели круга. Носъ коропокъ, прямъ и широкъ; языкъ малъ. Какъ шея, такъ и голова покрыты вмѣсто перьевъ бллою блестящею шерстью. Глаза имѣютъ видъ яйца и обведены бровями. По длинной шеѣ и по высокой спинѣ струсъ весьма похожъ на верблюда. На груди есть у него швердая шишка, на которую онъ опирается, когда отдыхаетъ. Голову

держитъ прямо вверхъ поднявши. Кожа на ногахъ у него морщиноватая и цвѣтомъ серая. Хвостъ и большія перья въ крыльяхъ бѣлыя, а прочія синія, красныя и зеленыя. Лепашъ онъ не способенъ. Спрусовы перья весьма мягки и гибки. Волокны, изъ которыхъ онъ состоитъ, не имѣютъ никакихъ связей, однакожь крылья его крѣпки, хотя и коротки. Онъ служитъ ему такъ, какъ парусы какому нибудь судну, когда онъ бѣгаетъ. Бѣгаетъ онъ чрезвычайно быстро, такъ, что рѣдкія птицы столь быстро летаютъ.

Питается сія птица по большей части травами, бобами, хлѣбомъ, костями, также кожею и другими тому подобными вещами. Неправедливо говорятъ, что спрусъ можетъ ѣсть желѣзо, мѣдь и камни. Когда случается ему проглотить мѣдь, то она превращается въ желудкѣ его въ ядъ, отъ котораго онъ скоро умираетъ. Иногда находятъ въ желудкѣ спрусомъ частичицы нѣкоторыхъ металловъ, весьма мелкія; но изъ сего не можно еще заключать, чтобъ желудокъ его могъ варить металлы.

Спрусы чрезвычайно плодовиты; они кладутъ отъ 20 до 30 яицъ. Яйца ихъ круглы, какъ шаръ, и величиною бываютъ

юшѣ съ голову маленькаго младенца ; скорлупа на нихъ бѣлая , блестящая и шакѣ тверда , что изъ нея дѣлаются сосуды для пищи , конорыя можно употреблять вмѣсто фарфоровыхъ . Турки и Персіане привѣшиваютъ ихъ ко сводамъ въ своихъ мечешяхъ . Сказываютъ что спрусы не сидятъ на лицахъ , но зарываютъ ихъ въ теплой песокъ , дабы пшеницы выродились отъ солнечнаго жару . Но это безъ сомнѣнія выдумка ; ибо достоверные путешественники увѣряютъ , что спрусы высиживаютъ своихъ пшеницъ шакѣ же , какъ и другія пшеницы . Молодые спрусы всѣ бываютъ темнаго цвѣту .

На мыѣ Доброй Надежды и въ Перу находятся смирныя спрусы ; тамошніе жители содержатъ ихъ стадами , шакѣ , какъ домашнюю скотину .

Знатные люди въ Африкѣ забавляются по большей части ловлею спрусовъ . Когда гонятся за ними , то они стараются выбѣгать на открытое поле и укрываться въ обыкновенныхъ своихъ жилищахъ ; но они сполько глупы и безпамятны , что часто забѣгаютъ между охотничьихъ лошадей . Рѣдкая лошадь можетъ выдерживать ихъ удары , конорыя они даютъ пробѣгая мимо . Также выпуска-

ютъ на нихъ собакъ. Последнее средство, какое употребляютъ они будучи въ опасности, то, что прячутъ голову за дерево, воображая, что за ними уже не гоняся, когда они того не видятъ. Въ такомъ случаѣ подходятъ къ нимъ тихо, ловятъ ихъ нарочно для того сдѣланными крючьями живыхъ, усмиряютъ и по шемъ продаютъ путешественникамъ, копорые отвозятъ ихъ въ Европу.

2.

О соколѣ.

Соколъ есть одна изъ извѣстныхъ хищныхъ птицъ. Находится много различныхъ родовъ сея птицы. Обыкновенной соколъ величиною бываетъ съ курицу, цвѣту темнаго, и чѣмъ онъ старѣе становится, тѣмъ темнѣе становится цвѣтъ его. Когти его кривы и похожи на серпъ. Мясо довольно вкусно; въ немъ находится много соляныхъ и масляныхъ частицъ. — Соколы по большей части подвержены бываютъ нѣкоторой болѣзни, копорую Французы называютъ *кракъ*.

Бѣлой соколъ рѣдко попадается и къ ловлѣ способнѣе всѣхъ другихъ соколовъ. Датской Король всякой годъ посылаетъ нѣсколько сокольниковъ въ Исландію нарочно

рочно для того, чтобы ловить сихъ пщицъ, и опчаспи оставляешъ ихъ для себя, опчаспи жь разсылаешъ въ подарокъ.

Черной соколъ покрытъ черными перьями; нижняя часть его земляного цвѣту съ черными пятами; голова у него очень мала.

Красной соколъ менѣе обыкновеннаго сокола, и называется такъ по краснымъ пятнамъ, которыми онъ покрытъ; но сіи пятна тогда только бывающъ видны, когда онъ крылья распускаешъ.

Желтой Испаліанской соколъ, покрытъ желтыми полосами и пятнами.

Красной Индійской соколъ имѣешъ большую голову, которая сверху широка и какъ бы вжата; крылья его весьма длинны, а когти очень остры.

Въ другихъ частяхъ свѣта находящя еще много иныхъ родовъ сихъ пщицъ, но различность ихъ невелика. Цвѣтъ ихъ всегда бываешъ смѣсь сераго, пепельнаго, красноваатаго и чернаго.

Охотники приучающъ дикихъ соколовъ голодомъ и нѣсколько сушекъ не дающъ имъ спать; иныхъ же купающъ головою въ водѣ. Стараются приучить сокола сидѣть на рукѣ у охотника, и лешъшь когда охотникъ его броситъ;

также приучаютъ ихъ къ голосу и къ разнымъ знакамъ, которыми ихъ созываютъ. За день передъ шѣмъ, когда надобно выѣзжать на охоту, не даютъ имъ ничего ѣсть, дабы они шѣмъ жаднѣе гонялись за добычею. Къ ногамъ привязываютъ имъ позвонки, для того, чшобъ знать ихъ повороты. Также обыкновенно прикрѣпляютъ соколу къ одной ногѣ кольцо либо лиспокъ жести съ именемъ или съ гербомъ того, кому онъ принадлежитъ, дабы можно было его узнать, еслили онъ куда нибудь далеко залетитъ. Голова его на охотѣ обыкновенно покрыта бываетъ кожею, которая препятствуетъ ему видѣть что нибудь кромѣ того, что хопятъ ему показать; но возвратившись съ охоты, опять снимающъ съ него покрывку.

Иногда соколы приучаются ловить зайцовъ; а сильные и отважные гоняются даже за оленями и волками. Приучаютъ ихъ къ сему такимъ образомъ: набиваютъ чемъ нибудь оленью или волчью кожу и вмѣсто глазъ кладутъ корму для сокола; которому между шѣмъ нѣсколько времени не даютъ ѣсть; а дабы онъ почелъ набитую кожу за живаго звѣря, то шаскающъ ее съ мѣста на мѣсто за веревку.

Голодной соколъ примѣпивши кормъ, вцѣпляется въ голову мнимаго живописнаго и выклеываетъ изъ глазъ свой кормъ. По томъ когда вывозятъ его на охоту, то онъ бросается уже и на живыхъ звѣрей, какіе только ему попадутся и выклеываетъ имъ глаза, а чрезъ то даетъ охотнику время убишь звѣря.

Такихъ соколовъ, копорыхъ вынимаютъ изъ гнѣздъ, или копорые попадаются охотникамъ какъ скоро вылетаютъ изъ гнѣзда, легко приучать; но тѣ, копорые уже летали нѣсколько времени въ лѣсу, бываютъ очень хитры и по тому приучать ихъ стоить немалого труда.

3.

О лебедѣ.

Лебедь есть самая большая изъ водяныхъ птицъ. Живетъ онъ на озерахъ, на болошистыхъ прудахъ и въ мѣстахъ уединенныхъ. Видомъ весьма похожъ онъ на гуся, но больше его величиною. Все это тѣло покрыто бѣлыми перьями, между коими у молодыхъ лебедей бываетъ много серыхъ. Шея его очень длинна. Носъ широкъ; онъ захватываетъ имъ много илу и песку, и выбравши червей,

копорыя бывають въ песокъ, опять его выбрасываетъ. На верхней чашки носу есть у него скважина, такъ же, какъ у гусей и утокъ. Чрезъ сию скважину выпускаетъ онъ опять воду, которую вбираетъ въ себя для того, чтобъ глошашь находящихся въ ней несѣкомыхъ и икру. Носъ его красной, а на концѣ черной; у молодыхъ же лебедей, бываетъ онъ такъ-ва цвѣту, какъ свинецъ.

Самка кладетъ весною пять или шесть яицъ, надъ копорыми сидитъ она два мѣсяца. Яйца сии бывають велики и продолговаты, скорлупа на нихъ бѣлая и твердая. — Матка любитъ дѣшей своихъ чрезвычайно и защищаетъ ихъ всѣми силами. Идучи передъ ними, она часто оглядывается на нихъ съ удовольствіемъ и заботится весьма рачительно, какъ скоро услышитъ между ими хопя малой шумъ.

Лебеди питаются травами, яцами, рыбою и зернами. Также сказываютъ, что они въ нѣкоторой болѣзни ѣдятъ лягушекъ. Летаютъ они обыкновенно стадами, одинъ за другимъ, положивши носъ на хвостъ тому, копорой лепитъ впереди; когда жь первой, копорой лепитъ передъ всѣми, устанетъ, то дру-

гой

гой занимаетъ его мѣсто и оставляетъ его летѣть позади всѣхъ. Будучи на водѣ, распускаютъ они свои крылья на подобіе парусовъ, дабы въспрѣ способствоваль имъ плавать.

Орелъ и змѣи суть первые враги лебедя; однако жъ сказывается, что онѣ не усупаешь орлу, но прошивиися ему. Лебеди съ природы смирны, но когда ихъ раздражаютъ, то они любящъ мспить. Походка ихъ тяжела, но шѣмъ лучше умбющъ они плавать.

Жалобной и пронзительной крикъ, какой иногда поднимаетъ сія пшица съ напряженіемъ, споищъ ей жизни; и по тому - то думали нѣкогда, что она передъ смертію пріятно поетъ. Лебедиными перьями можно писать, пакъ же, какъ и гусиными. Пухъ ихъ весьма мякокъ и шеплъ. Мясо ихъ нѣкопорые народы употребляютъ въ пищу. Американцы дѣлаютъ изъ ихъ перьевъ пояски для своихъ владѣльцовъ, шляпы и пр.

Сіи пшицы живутъ очень долго, — нѣкопорые увбряютъ; что онѣ могутъ иногда жить болѣе двухъ сотъ лѣтъ; но сіе заподлинно еще не извѣстно.

О попугаѣ.

Попугай имѣетъ толстую голову, большіе глаза, языкъ подобной дынному зерну, чрезвычайно твердой черепъ, крошкія ноги съ кривыми когтями. Между всѣми птицами имѣющими кривой носъ, только онъ одинъ не питается мясомъ другимъ животныхъ. Онъ весьма перемчивъ, скоро научается свиспашъ и имѣетъ споль чистой выговоръ, что можетъ выговаривашъ слова довольно внятно.

До отккрытія Америки извѣстны были только зеленые попугаи съ красными шейками; но въ сей новой части найдено множество родовъ ихъ, весьма различныхъ величиною и цвѣтами. Бразильской попугай имѣетъ преимущество предъ другими какъ по своей рѣдкости, такъ и по красотѣ и различію цвѣтовъ. Онъ принадлежитъ къ роду большихъ попугаевъ. Содержать его легко; не даюшъ ему только мяса и ничего соленого, а кормяшъ его коноплянымъ семяемъ, хлѣбомъ размоченнымъ въ водѣ или винѣ, также всякими овощами. Отъ другихъ попугаевъ,

которыя хорошо говорятъ, навикаетъ онъ говорить такъ чисто и ясно, какъ человѣкъ, и перенимаетъ голоса всякихъ животныхъ.

Малые попугаи весьма смирны и забавны; они рѣдко молчатъ. На волѣ любящъ они жищъ вмѣстѣ и питающа сѣмянами и плодами.

На Анфильскихъ островахъ летаютъ они большими стадами, какъ скворцы. Мясо ихъ принимаетъ всегда вкусъ той пищи, какую они ѣдятъ. На примѣрѣ, есѣли ѣдятъ они горькія сѣмяна, то мясо ихъ бываетъ горько, какъ желчь. Сѣмя нѣкотораго дерева, называемаго Акайу, сообщаетъ мясу ихъ вкусъ чесноку. Плоды нѣкоторыхъ деревъ дѣлаютъ ихъ чрезвычайно жирными. Отъ плода масличнаго дерева становящя они какъ бы пьяными; и въ семъ состояніи часщо ихъ ловятъ. Они любящъ жить на мускатныхъ деревьяхъ. Хлѣбу причиняющъ они немалой вредъ, и для того жители стѣхъ странъ, гдѣ много попугавъ, заставляющъ рабятъ стеречь свои поля. Охотникамъ трудно ихъ стрѣлять, ибо они никогда долго на одномъ мѣстѣ не бываютъ, но уклянувши одного плода потчасъ перелетаютъ къ другому. Когда жъ случаетъ

ся

ся, что одинъ изъ ихъ спада бываешъ застрѣленъ, по прочіе поднимающъ жалостной крикъ. Дикіе Бразильскіе жипели, которые по большей части весьма искусны въ стрѣльбѣ изъ лука, стрѣляющъ въ попугавъ длинными стрѣлами, у которыхъ острый конецъ обвернутъ хлопчатого бумагою; такая стрѣла не можешъ ранишь попугая, но только отъ удара упадаешъ онъ на землю, и тогда можно его поймашь живаго.

По большей части стараются вынимать попугавъ еще молодыхъ изъ гнѣздъ, и послѣ выкармливать: Деревья, на которыхъ вьютъ они свои гнѣзда, обыкновенно высоки и прямы, такъ, что трудно на нихъ взлезать, и почти всегда должно подрубишь дерево, дабы достать гнѣздо, отъ чего многія гнѣзда повреждаемы бываютъ.

Путешественники повѣспвуютъ, что сіи пшицы гнѣздятся въ такихъ щеляхъ на деревьяхъ, гдѣ прежде было гнѣздо нѣкопорой пшицы, называемой плотникомъ. Иногда жъ привѣшивающъ онъ свои гнѣзда къ вѣтвямъ самыхъ высокихъ деревьевъ. Сіи гнѣзда имѣющъ видъ мяча и бываютъ сдѣланы такъ искусно и крѣпко, что дождь никогда ихъ не пробиваетъ.

ешѣ. Попугаи дѣлають ихѣ изѣ хворосту и тонкихѣ вѣтвей, а внутри укладываютъ своими перьями.

Попугаи кладуть обыкновенно по три яйца, а иногда по пяти и даже по семи яицѣ, копорья величиною бывають съ голубиныя. Самецѣ и самка сидять на яйцахѣ попеременно.

Вѣ здѣшнихѣ странахѣ сіи птицы рѣдко плодятся. Онѣ живутѣ иногда до пятидесяти лѣтъ, и какѣ мало имѣють движенія, по часто бывають подвержены болѣзни вѣ ногахѣ. Варенныя гранашныя яблока служатѣ лѣкарствомѣ вѣ ихѣ болѣзняхѣ. Индійцы украшаются ихѣ перьями и дѣлають изѣ оныхѣ поясы и повязки, которыми обвивають себѣ головы вѣ праздничные дни.

5.

О Колибри.

Пшичка Колибри есть одна изѣ удивительнѣйшихѣ пварей какѣ по своей малости, такѣ по множеству и различности цвѣтовѣ и по образу жизни. Самецѣ вѣ перьяхѣ своихѣ не больше орѣха, а самка еще меньше. Все шѣло сея пшички блестящаго зеленаго цвѣту, а крылья темнаго, или густаго виолешоваго цвѣ-

цвѣшу. Глаза ея такъ огненны, что блестящъ, какъ алмазы. Носикъ весьма малъ, понокъ, какъ булавка, и изогнутъ.

Въ Суринамѣ и въ Южной части Ямайки, гдѣ во весь годъ бывающъ цвѣшы, можно всегда видѣть сихъ ппичекъ въ великомъ множествѣ. Въ тѣхъ земляхъ, гдѣ цвѣшы скоро опадающъ, лежатъ онѣ на землѣ, какъ бы мертвыя.

Колибри летаетъ весьма быстро, и производитъ на полетѣ шумъ, такъ, что ея скорѣе услышатъ, нежели увидѣть можно. Она бываетъ въ безпрестанномъ движеніи и никогда на одномъ мѣстѣ не осѣдаетъ.

Гнѣзда сихъ ппичекъ видомъ похожи на маленькую корзинку, а величиною бывающъ почти въ половину куриного яйца. Онѣ вьютъ ихъ обыкновенно на вѣтвяхъ померанцовыхъ, лимонныхъ или гранатныхъ деревъ. Самецъ приноситъ матеріялы, состоящіе въ хлопчатой бумагѣ, которую самъ онъ собираетъ съ деревъ, въ самомъ мелкомъ мохѣ и въ мелкой корѣ нѣкоторыхъ деревъ; а самка дѣлаетъ гнѣздо такъ искусно, что никакой противной воздухъ не можетъ въ него проходить. Сдѣлавши гнѣздо, кладетъ она

два яйца, которыми величиною бываютъ съ горошинку, и цвѣсомъ бѣлые съ желтыми пятнышками. Самецъ и самка сидятъ на яйцахъ попеременно десять или двѣнадцать дней. Птенцы сперва бываютъ величиною не больше комара. Мало по малу покрываются они весьма иѣжнымъ пухомъ, а по помъ уже и перьями. Весьма вѣроятно, что мапка кормитъ ихъ не инымъ чемъ, какъ только даетъ имъ сосать свой языкъ набравши на него соку изъ цвѣшовъ.

Мондидеръ, Французской Миссіонеръ, жившій въ Америкѣ, имѣлъ гнѣздо сихъ пшичекъ съ чепырью птенцами. Онъ поставилъ его въ клеткѣ на окошко въ своей комнашѣ. Старые Колибри скоро узнали гдѣ были ихъ птенцы, приносили имъ корму, и наконецъ такъ привыкли, что не вылетали уже изъ комнашы, но безопасно ѣли и спали вмѣстѣ со своими птенцами. Мондидеръ кормилъ ихъ жидкимъ растворомъ изъ бисквиту, Испанскаго вина и сахару; пшички обмакивали въ эшопъ растворъ свои язычки, и когда бывали сыпы, то летали и пѣли. Онъ вылетали изъ комнашы и опять прилетали къ нему, когда онъ ихъ скликалъ, садились къ нему на руку и пѣли. Та-
кимъ

кимъ образомъ. Содержалъ онъ ихъ пять или шесть мѣсяцовъ, пока прожорливая крыса въ одну ночь всѣхъ ихъ поѣла.

Ловящъ сихъ пщичекъ шонкими пружиками намазанными клеемъ. Клей, употребляемой на то, дѣлается изъ соку вѣкошораго дерева, которое Французы называютъ шелковымъ деревомъ. Съ такими пружиками прятчуся за дерево, которое еще цвѣтетъ, и когда колибри прилетитъ и сядетъ на цвѣпокъ, то допрогивающя до нее пружикомъ; она легко прилипаетъ къ пружику, и обыкновенно умираетъ, какъ скоро бываетъ поймана.

Сии пщички живутъ въ Индіи и въ Южной Америкѣ. Находится нѣсколько различныхъ ихъ родовъ, изъ коихъ одинъ другога превосходитъ красою. Индійцы носятъ ихъ въ ушахъ, какъ серги.

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

XVII.

Разговоръ отца съ дочерью о красотѣ.

Отецъ Софіинъ вошедши въ комнату къ своей дочери, нашелъ ее передъ зеркаломъ. Сіе подало ему поводъ къ слѣдующему съ нею разговору :

Отецъ. Ты наряжаешься; конечно ты сегодня когонибудь къ себѣ ждешь, или сама куданибудь поѣдешь?

Софія. Да, бабушка; мадушка хотѣла меня взять съ собою.

Отецъ. Для чего жь ты наряжаешься?

Софія. Какъ же безъ эпова? въ безпорядкѣ со двора ѣхать не можно.

Отецъ. Развѣ ты безпорядочно одѣваешься, когда бываешь дома?

Софія. Нѣтъ, бабушка; однако есть разность —

Отецъ. Разумѣю; ты хотѣла сказать, что надобно получше одѣться, когда хочешь куданибудь выѣхать. Это и правда. Но мнѣ показалось, что ты передъ зеркаломъ дѣлала разныя мины и

смотрѣла, которая тебѣ лучше приспана-
нешь. Это для чего?

Софія (закраснѣлась и потупила глаза.) Мнѣ хочется, чшобѣ я не казалась дурною.

Отецъ. Дурною? — Развѣ ошѣ насѣ зависитѣ казаться хорошими или дурными?

Софія. Конечно не ошѣ насѣ; да я и не по хотѣла сказать, что обыкновенно подѣ эшимѣ словомѣ разумѣютѣ.

Отецъ. А что разумѣютѣ обыкновенно подѣ шѣмѣ, когда говорятѣ о комѣ либудь: онѣ дуренѣ?

Софія. Напримѣрѣ, кто очень рябѣ ошѣ оспы, или у кого носѣ либо ротѣ кривѣ, шакова человекѣ называютѣ дурнымѣ.

Отецъ. Но ты не имѣешь ни одного изѣ эшихѣ недоспашковѣ; и шакѣ ты не можешь дурною показаться.

Софія. Это правда, бапюшка; однако жѣ я не знаю, ошѣ чего это происходитѣ, что нѣкоторыя изѣ моихѣ знакомыхѣ мнѣ не нравятся, хотя онѣ и хороши лицомѣ; а другихѣ, которые гораздо ихѣ дурнѣе, люблю я ошѣ всего сердца.

Отецъ:

Отецъ. Скажи мнѣ о комъ нибудь изъ твоихъ, которыя со всею своею красою, не могушь тебѣ нравиться.

Софія. Вы знаете дѣвицу А**; она очень недурна: у нее блое и нѣжное лицо, прекрасныя глаза, маленькой ротъ; однако она часто кривляется страннымъ образомъ и нарочно старается говорить все просяжно, такъ, что мнѣ всегда бываетъ скучно слушать, когда она говоритъ. — Дѣвицу Б** всѣ называютъ красавицею; однако у нее такой гордой и насмѣшливой видъ, что мнѣ всегда кажется, будто она меня презираетъ, либо смѣется надо мною; когда я вмѣстѣ съ нею бываю. — Еще есть у меня одна знакомая —

Отецъ. Довольно; мнѣ жаль, что я заставилъ тебя говорить худое о своихъ знакомыхъ. Теперь скажи мнѣ, когда ты любишь не смотря на то, что онѣ дурны?

Софія. Вы знаете дочь Гжи Г**, которая часто у насъ бываетъ со своею матерью. Я не видала еще другой дѣвушки, у которой бы оспа такъ испортила лицо, какъ у нее; однако она имѣетъ такой пріятной видъ, что пошчасъ можно видѣть, что она имѣетъ очень

доброе сердце, какъ скоро не нее посмотришь. — Меньшая сестра дѣвицы Б** очень коса; однако всѣ ея знакомыя любилъ ее: она ко всѣмъ ласкова, всегда весела —

Отецъ. Изрядно; и шакъ ты думаешь, что одной красоты, или хорошаго лица, не довольно для того, чтобъ нравиться, а надобно еще имѣть пріятной видъ.

Софія. Точно шакъ, батюшка; иначе жь я не знаю, для чего мнѣ многіе люди пріятны, хотя они не молоды и не хороши лицомъ, и я часто сама не могу сказать причины, для чего мнѣ одни нравятся, а другіе не нравятся.

Отецъ. Но я желалъ бы знать, для чего одинъ видъ почитаемъ мы хорошимъ, а другой дурнымъ, и по чему шотъ намъ нравится, а эшотъ не нравится?

Софія. Я думаю, для того, что по виду заключаемъ мы и о внутренности, и думаемъ, что у кого видъ хорошъ, шотъ и доброй нравъ имѣешь.

Отецъ. И шакъ ты сидя передъ зеркаломъ, старалась принять шакую видъ, по которому бы и о тебѣ шакъ заключили?

Софія. закраснѣлась и молчала.

Отецъ.

Отецъ. Я не съ тѣмъ спросилъ у тебя объ этомъ, чшобы тебя пристыдить. Ты сама сказала, чшо ты считаешь это за средство нравиться людямъ.

Софія. Такъ, бапюшка. —

Отецъ. Но думаешь ли ты, чшо такой видъ не можетъ обманывать? или думаешь, чшо его можно принимать на себя и опять оставлать, когда захочешь?

Софія. Я думаю, чшо его можно принимать и опять оставлать, когда захочешь. Вы сами часто говаривали: „Этотъ человекъ по виду кажется честнѣе всѣхъ на свѣтѣ, а онъ могъ насъ такъ обмануть!“, или: „этотъ человекъ такъ искусно умѣетъ припворяться; а я поклялся бы за него, чшо онъ самой добросердечной человекъ!“,

Отецъ. Однако о такихъ ли людяхъ я это говорилъ, которыхъ я давно уже зналъ, часто видалъ, и съ которыми корешко обходился?

Софія. Этова я не знаю.

Отецъ. Можетъ быть ошибка моя произошла отъ моего невниманія, отъ того, чшо я не довольно примѣчалъ, всегда ли шотъ человекъ имѣлъ этошъ видъ,

или только при нѣкоторыхъ случаяхъ? весь ли онъ такъ говорилъ и такъ поступалъ, и всегда ли слова его и поступки были одинаковы?

Софія. Что вы подъ эшимъ разумѣетъ: весь ли онъ такъ говорилъ? я этова не понимаю.

Отецъ. Я хотѣлъ сказать: всѣ ли его мины, взгляды, голосъ, всѣ ли черты лица его были согласны? не противорѣчило ли одно другому?

Софія. Да это можеть спашься, Можо ли все вдругъ примѣшпшь? Я и сама думаю, что бы я не ошиблась, ешьлибъ я давно знала кого нибудь, часто съ нимъ видалась, и все это прилѣжно замѣчала.

Отецъ. Ты слишкомъ много себѣ доврляешь.

Софія. По крайней мѣрѣ, кажется мнѣ, что я знаю о моихъ пріятельницахъ, въ чемъ онѣ пришворяются и въ чемъ безъ пришворства поступають.

Отецъ. И такъ ты думаешь, что ты со своими пріятельницами много успѣла въ искусствѣ пришворяться, также и проницательна уже сполько, что можешь опдичить пришворной видѣ отъ непришворнаго? — Эшо мнѣ очень сомнительно.

Софія. Однако жь я потчасъ примѣшила, что дѣвица А** притворяется, когда она кривляется и говоритъ просяжно; а гордой и насмѣшливой видѣ дѣвицы Б** непритворенъ, для того, что она въ самомъ дѣлѣ горда и любитъ смѣяться надъ другими.

Отецъ. Можеть быть онѣ не много еще успѣли въ искусствѣ принимать на себя такой видѣ, какой имѣ не сроденъ. Однако какъ бы то ни было; но ты думаешь, что наши склонности, добродѣтели и пороки, чувствованія наши изображаются на лицахъ, и что лицо какованибудь человѣка какъ бы сказывается намъ, каковъ онѣ нравомъ?

Софія. Да, батюшка, я такъ думаю, и мнѣ кажется это справедливо. Я не видала еще ни одного сердитаго человѣка съ кропкимъ лицомъ, либо злова и завидливаго человѣка съ ласковымъ лицомъ. Посмотрите на нашего повара: кажется, что онѣ хочетъ убить своимъ взглядомъ, на кого онѣ посмотритъ; послушайте, какъ грубо онѣ говоритъ. Сперва какъ онѣ къ намъ нанялся, я боялась его. — Посмотрите когда бываетъ у насъ старая Гжа. Д**: какія страшныя кривлянья дѣлаетъ она, когда

при ней когонибудь хваляшь, или когда показываешь ей какуюнибудь хорошую вещь; она во всемъ находишь чтонибудь похулишь.

Отецъ. Въ самомъ дѣлѣ не трудно примѣшшь, что первой седишь, а другая завидлива. Но не случается ли иногда, что человѣкъ съ худыми склонностями имѣетъ доброй видъ, а пошль, у котораго самое лучшее сердце, имѣетъ подозрительное лицо? Не можно ли казаться угрюмымъ и ненавистливымъ, а въ самомъ дѣлѣ бышь добросердечнымъ и человѣколюбивымъ?

Софія. Я не думаю, чтообъ это могло спасться.

Отецъ. По чему жь считаешь ты это невозможнымъ?

Софія. Во всякомъ человѣкѣ скоро можно примѣшшь, крѣпокъ ли онъ или слабъ, сонливъ или бодръ, здоровъ или боленъ; такъ же, мнѣ кажется, можно судить и о нравѣ.

Отецъ. Я разскажу тебѣ примѣръ изъ исторіи, которой повидимому доказываешь противное тому, какъ ты думаешь.

Въ Аѳинахъ былъ одинъ человѣкъ, которой хвалился тѣмъ, что можетъ по наружности узнавать челоѳческой нравъ,
склон-

склонности и свойства. Онъ увидѣвши въ первой разѣ Сократа, сказалъ о немъ, что онъ не только долженъ быть невѣжда, но и человекъ дурныхъ свойствъ, изъ коихъ нѣкоторыя особливо намяновалъ. Алцибиадъ, другъ и ученикъ Сократовъ, зная всѣ достоинства своего учителя, не могъ при томъ удержаться отъ смѣха и думалъ, кто угадчикъ обнаружилъ свое невѣжество. Однако Сократъ признался, что онъ въ самомъ дѣлѣ подверженъ былъ тѣмъ дурнымъ свойствамъ, о которыхъ угадчикъ говорилъ, но послѣ уже исправился.

Софія. Я такъ много добраго слышала о Сократѣ, что это для меня удивительно. По всему тому, что я о немъ слышала, можно бы подумать, что онъ былъ прекрасной человекъ. Однакожь я уже сказала вамъ, что есть такіе люди которые дурны, но при томъ имѣющъ въ лицѣ что-то пріятное и доброе, что намъ нравится. Можетъ быть и Сократъ былъ изъ такихъ людей.

Отецъ. Правда, что есть такіе люди. Также печальныя приключенія, болѣзни и другія тому подобныя нечестія могутъ обезобразить самое прекрасное лицо. Но Сократъ самъ признался,

что онъ имѣлъ дурныя склонности, и что лицо его сходствовуетъ съ прежними его свойствами.

Софія. Что жь, бабюшка? Это такъ и было, какъ онъ самъ сказалъ. Сперва онъ имѣлъ все тѣ дурныя склонности, въ которыхъ его обвиняли; потомъ же, какъ онъ спалъ поумнѣе и узналъ, что склонности его дурны, началъ онъ отщипавать отъ нихъ и исправился; а лицо его оспалось таково же, каково и прежде было.

Отецъ. Ты скоро все рѣшила. Догадка твоя въ самомъ дѣлѣ похожа на правду. Но оспается еще сомнѣніе. — Ты сказывала мнѣ, что дѣвица Б* * такъ горда, что можно и на лицѣ ея примѣтить презрѣніе и гордость. Если бы она посредствомъ добрыхъ наставленій, либо посредствомъ несчастія, бѣдности и болѣзни, увѣрилась, что гордость ея смѣшна и нелѣпа, и начала бы стараться отщипать отъ этого порока, — оспалась ли бы она тогда съ нынѣшнимъ своимъ гордымъ видомъ? и если бы наконецъ она такъ успѣла въ своемъ стараніи, что сдѣлалась бы столько же крешкою и низходящельною, сколько была горда, — не изображалась ли бы тогда и на

лицѣ

лицѣ ея крошость, такъ же, какъ теперь гордость на немъ видна?

Софія. Такъ, бабушка; этому бы необходимо надобно тогда бышь, и я теперь уже не знаю, какъ мнѣ думать. Можетъ бышь никогда въ самомъ дѣлѣ не случилось того, что вы мнѣ теперь рассказывали о Сократѣ, а только выдуманно, либо угадчикъ отгадалъ наудачу.

Отецъ. А мнѣ кажется, что и исторія эта справедлива, и угадчику можно было повѣришь въ его искусство. Сократъ въ молодыхъ лѣтахъ послѣдовалъ дурнымъ своимъ склонностямъ, и такъ наружной его видъ сходствовалъ со нравомъ. Это очень вѣроятно, по тому, что онъ уже на прищипомъ году отъ роду оставилъ прежній свой промыселъ, кошорымъ онъ питался, дабы учить людей добродѣтели. Также извѣстно, что онъ былъ сердитъ: онъ самъ просилъ друзей своихъ, чтобъ они предостерегали его, когда примѣшашъ, что онъ начинаетъ сердиться. Можетъ бышь уже довольно поздно началъ онъ противиться дурнымъ своимъ склонностямъ и исправлялся мало по малу; пока наконецъ дошелъ до высокой степени совершенства въ тѣхъ добродѣтеляхъ, кошорыми онъ славенъ; и отъ того

ного - то на лицѣ его оспались слѣды прежнихъ его худыхъ свойствъ. Я читалъ въ одной книгѣ, что въ нѣжныхъ и гибкихъ чертахъ лица у дѣшей и молодыхъ людей душевныя свойства оказываются гораздо больше и яснѣе, нежели у пожилыхъ людей. Душа ихъ какъ бы видна бываетъ, такъ, какъ можно видѣть лицо сквозь тонкое и рѣдкое покрывало. Но современемъ лицо грубѣетъ и становится неспособно принимать впечатлѣнія души; мы не можемъ уже видѣть на немъ душевныхъ свойствъ, такъ, какъ не можемъ видѣть звѣздъ сквозь густыя облака. Иногда только изображаются на немъ движенія страстей, подобно тому, какъ молнія сверкаетъ сквозь облака. — Можешь быть ты не все это ясно поняла; но по крайней мѣрѣ могла ты выразумѣть, къ чему оно клонится.

Софія. Да, бапюшка, я довольно выразумѣла; вы хотѣли сказать: чѣмъ позже начнешь исправляться отъ нѣкоторыхъ пороковъ, тѣмъ меньше будешь пропадать слѣды, которыя оспаются на немъ съ молодыхъ лѣтъ.

Отецъ. Что жъ ты изъ этого заключаешь? — Подумай и скажи мнѣ.

Софія.

Софія. То, что надобно съ молодыхъ лѣтъ спараться имѣшь хорошій видѣ.

Отецъ. А какѣ можно объ этомъ спараться?

Софія. Надобно навикашь въ томѣ, чшобы не принимашь на себя дурнаго виду.

Отецъ. А естли бы въ самомъ дѣлѣ того не было, что хорошій видѣ означаешь долженѣ, то ты сшала бы принуждаешь себя; а принужденія не можно ли скоро примѣшишь? Ты сама сказывала мнѣ, что ты примѣчаешь въ дѣвицѣ А**, что она не шакова, какою хочешь казаться. И шакъ ты сама себя прошиворѣчишь.

Софія. Да, это правда.

Отецъ. Чшо жъ изѣ этого слѣдуетѣ?

Софія. Такѣ должно спараться въ самомъ дѣлѣ бышь шакою, какою хочешь казаться. Напримѣрѣ, естли я хочу казаться добросердечною и жалосшливою, то надобно мнѣ прошивишься всѣмѣ дурнымѣ склонностямѣ, кошорыя опѣ этого опшводяшь; иначе жъ лицо мое мнѣ измѣнитѣ. Когда жъ я въ самомъ дѣлѣ буду добросердечна и жалосшлива, то и лицо мое будетѣ это показываешь.

Отецъ. Такѣ, дочь моя; вопѣ самой лучшій способѣ бышь любви достойною

ною! Какъ несчастны были бы многие люди, которыхъ натура не надѣлила хорошимъ лицомъ, еслибы не оставалось имъ эпова способа дѣлать себя пріятными и любви достойными чрезъ то, чѣмъ на лицѣ ихъ изображалась красота души и истинная доброта сердца. Одна Французская писательница говоритъ въ сочиненіи своемъ о простотѣ: „Кто хочетъ, чѣмъ его почитали и любили, тотъ долженъ прежде всего заботиться о состояніи своей души. Если душа его такава, какою быть ей должно, то легко можетъ онъ получить и наружную пріятность; по крайней мѣрѣ недостатковъ ея будетъ тогда извинительны. Но чье сердце не имѣетъ участія въ каружномъ видѣ, поступкахъ и разговорахъ, тотъ можетъ быть педиметромъ, танцевальщикомъ и остроумнымъ пустомелею, а никогда не можетъ быть любви достойнымъ человекомъ.“ Обращи это къ себѣ, дочь моя, и оставь учиться передъ зеркаломъ принимать на себя разные виды, — оставь это тѣмъ, которыхъ хощятъ казаться лучше, нежели каковы онѣ въ самомъ дѣлѣ. Употребляй зеркало свое гораздо лучше; смотри въ него тогда, когда ты сердисься, когда чувствуешь въ себѣ зависть

или гордость; смотри тогда, какъ спраши свои себя безобразяшь, и спрашивай у себя, можешь ли ты въ такомъ видѣ бышь угодно Богу и людямъ нравишься?

Софія. Я буду поступать по вашему совѣту; да и кромѣ того ваши примѣчанія еще послужатъ мнѣ въ пользу.

Отецъ. А къ чему бы могли онѣ еще послужить?

Софія. Я стану всегда пристально смотрѣть въ лицо тѣмъ людямъ, съ которыми надобно мнѣ имѣть дѣло, стану разсматривать всѣ ихъ черты, и буду узнавать, какова они свойства и какъ мнѣ должно о нихъ думать.

Отецъ. Очень дурно сдѣлаешь. Первое было бы непристойно; а другое, по естъ по виду пошчасъ судишь о свойствахъ, опасно, особливожь для себя. Чтобы судишь о человекѣ по виду, надобно имѣть долговременные опыты, обширную проницательность и много знать людей. Иначежь была бы ты иногда слишкомъ недоувѣрчива и многихъ почитала бы безъ причины дурными людьми, иногда имѣла бы излишнюю довѣренность и бывала бы часто обманута. Суди только о себѣ и старайся только сама дѣлаться достойною любви и почтенія.

XVIII.

Размышленіе при ручьѣ.

Журчащій ручаекъ! не безъ пользы буду я сегодня смотрѣть на безчисленные твои изгибы.

Отъ чего это происходитъ, что ты печешь не прямо? — Безъ сомнѣнія первое небольшое преткновеніе опшибло тебя вкось, сперва непримѣтно, заставило удариться сильнѣе въ проливной берегъ, и такъ произвело наконецъ безпрерывныя кривизны, какими ты печешь.

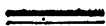
Мнѣ кажется, что ты журчаніемъ своимъ говоришь мнѣ: „берегись опшупишь въ первой разъ отъ прямого пути добродѣтели, хотя бъ то было немного. Одинъ проступокъ ведетъ за собою въ послѣдствіи безчисленныя кривизны, которыхъ наконецъ совсѣмъ не можно бываетъ выравнять.“

XIX.

Разговоръ о простотѣ.

Добросердѣ подарилъ нѣкогда любимымъ своимъ дѣтямъ Французскую книгу, *Похожденія Телмаховы*, — такую книгу, въ которой самыя важныя ученія мудросши и добродѣтели предложены въ пріятной повѣсти прекраснымъ стихотворческимъ слогомъ. — „Вы уже знаете столько по Французки, что можете читать эту книгу, говорилъ онъ старшимъ изъ дѣтей: „она доставитъ вамъ пріятное упражненіе; также и пользу можетъ вамъ принести. Въ ней описаны приключенія молодова челоѣка, котораго нѣжное сердце открыто было всякимъ впечатлѣніямъ, какъ добрымъ, такъ и злымъ, и въ которомъ первыя всегда одерживали верхъ надъ другими, для того, что онъ послѣдовалъ спасительнымъ совѣшамъ богини мудрости, которая вездѣ провожала его подъ видомъ вѣрнаго Гѣфмейстера. „

Должно признахся, продолжалъ Добросердъ, что эта книга не въ нынѣшнемъ вкусѣ; удивительныя приключенія, въ ней описанныя, взяты изъ древней баснословной исторіи. Также не люблю я и стихотворческой прозы, какою она писана, и всегда предпочитаю, особливо для дѣшей, легкой слогъ безъ многихъ украшеній, пышному слогу. Однакожь при всемъ помъ она заслуживаетъ похвалу, и вы можете читать ее съ пользою и удовольствіемъ. „

Алексѣй. А кто былъ сочинитель этой книги?

Добросердъ. Фенелонъ, одинъ изъ знанѣйшихъ Французскихъ духовныхъ особъ, Архіепископъ и Принцъ Камбрейской, князь Римской Имперіи. Онъ славенъ какъ обширною ученостію и живостію воображенія, такъ же и строгою добродѣтелію, а особливо прѣстолою нрава. Сими превосходными свойствами снискалъ онъ довѣренность и почтеніе отъ своего государя, Людовика XIV, Короля Французскаго, такъ, что онъ ввѣрилъ ему воспитаніе трехъ своихъ Принцовъ, и для нихъ-то Фенелонъ писалъ похождения Телемаховы. Книга его принята тогда была съ великою похвалою и

пере-

переведена почти на всѣ иностранные языки.

Алексѣй. Вы сказали, что Фенелонъ особливо славенъ былъ простотою нрава. Я часто слыхалъ отъ васъ и прежде, что вы хвалили эту простоту. Однако жъ иногда и въ хулу называютъ людей простыми. Кого хотятъ назвать глупымъ, о томъ говорятъ иногда; „ахъ какъ онъ простъ!“,

Добросердѣ. Это правда, другъ мой. Слово *простой* принимается въ весьма различномъ смыслѣ. Когда называютъ человека простымъ, говоря о разумѣ его, тогда хотятъ означить, что этотъ человекъ глупъ или незнающъ. Но между свойствами сердца простота есть одно изъ самыхъ благороднѣйшихъ свойствъ; она приписывается такому человеку, который честенъ, искрененъ, имѣетъ много достоинствъ, не гордясь ими, добръ и великъ, не ищетъ похвалы и не стараясь только казаться добрымъ и великимъ. Въ художествахъ и словесныхъ наукахъ простота есть также одно изъ лучшихъ свойствъ. Она бываетъ тогда, когда вещь изображается или описывается пристойно ея свойству безъ постороннихъ прикрасъ. Она есть сама прелестная натура, которая пока-

зываетъ свои красоты, безъ намѣренія казаться прекрасною; зеленой лугъ усыянной маленькими цвѣточками, въ сравненіи съ разкрашеннымъ цвѣткомъ, въ коцоромъ порядочно разсажены пышные цвѣты, выращенные съ помощію искусства. Я употребилъ это сравненіе, знач, что простой лугъ въ натуральной своей красотѣ для васъ гораздо пріятнѣе шакова великолѣпнаго цвѣтника.

Лизанька. Это правда; самые лучшіе цвѣты наскучили бы мнѣ, еспли бы мнѣ надобно было долго на нихъ только сморѣшь.

Добросердѣ. Простотѣ во нравахъ прошивно пришворство или принужденіе.

Лизанька. Ахъ! я не знаю ничего несноснѣе эпова принужденія. У меня есть много знакомыхъ, которыя имѣ заражены.

Добросердѣ. Въ самомъ дѣлѣ, оно всегда хочетъ нравиться, и никогда не нравится. Чье сердце лишилось благородной простоты, тотъ лишился всего, что можетъ дѣлать почтенія и любви достойнымъ. Пришворство или принужденіе оказываетъ тогда во всемъ: въ образѣ мыслей, въ поступкахъ, въ разговорахъ, въ голосѣ и во всѣхъ движеніяхъ. — Однако несправедливо было бы вдругъ заклю-

чить

читъ о томъ чловѣкѣ, въ которомъ увидишь принужденіе или припворство, что онъ имѣетъ злое и коварное сердце. Нѣтъ; оно часто происходитъ отъ недоспашка разума, которой по чрезмѣрному желанію нравиться, выбираетъ къ тому ложныя средства. Многіе стараются подражать во всемъ такимъ людямъ, которыхъ они, можетъ быть и по справедливости, почитаютъ за образецъ; но въ принужденномъ подражаніи наружнымъ приемамъ и ухваткамъ, бывающъ несносны, для того, что сіи приемы имъ не свойственны и неприличны. Иногда стараются подражать даже нѣкоторымъ недоспашкамъ такихъ людей, которые впрочемъ заслуживаютъ почтеніе.

Алексѣй. Я читалъ о придворныхъ Александра Великаго, что они всѣ ходили изогнувъ шею, для того, что у государя ихъ шея была коса и одно плечо выше другога.

Доброесердѣ. Не можно довольно сожалѣть о нѣхъ дѣтяхъ, въ которыхъ всякими способами стараются испортить природную простоту сердца. Съ природы бывающъ онъ откровенны, свободны и неприпворны; говорятъ то, что думаютъ; свободно открываютъ свои доб-

рыя свойства и погрѣшности. Но весьма рано участь уже ихъ, погрѣшности свои скрывать, принимаять полько наружной видъ добрыхъ свойствъ, нравиться пришворными минами и выпверженными наизустъ комплименшами, не говоришь просто, такъ, какъ самое свойство вещи; о кошорой онъ говорятъ, указываетъ, но украшашъ, или лучше сказать, безобразишь разговоръ свой выисканными прикрасами, и даже перемѣняшь иногда природной свой голосъ.

Алексѣй. Я не могу понять для чего люди стараются мучишь себя такимъ принужденіемъ? Это должно бышь очень трудно, говоришь и поступаешь такъ, какъ имъ несвойственно.

Доброесердѣ Причиною шому безъ сомнѣнія ложной вкусъ, кошорому кажешся шо прелестнымъ и подражанія достойнымъ, что въ самомъ дѣлѣ не шаково. И такъ берегитесь подражанія, дѣши мои! въ немъ всегда видно несвойственное, занятое и принужденное. Разумѣешся, что я говорю не о подражаніи въ шакихъ дѣлахъ, кошорыя подлинно хороши и похвальны; а полько о подражаніи въ наружности. Послѣдуйте напурѣ. Она и въ самомъ великолѣпнн своемъ по-

казы-

казываетъ простоту и всегда избираетъ прямыя пупи. Въ разговорахъ употребляйте самыя простыя выраженія, какія приличны той вещи, о которой вы говорите, и не старайтесь говорить красно. Какъ смѣшны ученныя женщины въ одной Французской комедіи, которыя спараются говорить обо всемъ красно и высокопарно! Одна изъ нихъ вмѣсто того, чпобъ сказать своему слугѣ: „подай спулья!“, говоритъ: *доставь намъ удобства общественнаго разговора*; а другая называетъ носилки *удивительнымъ огражденіемъ противу нападений грязи и дурной погоды*. — Не перенимайте чужова голоса, чужихъ минъ, и пому подобнаго. Паче же всего сохраняйте въ душѣ эту драгоценную простоту, которая теперь служитъ украшеніемъ вашей молодости. Еспльа вы ее сохраните, то и безъ вашего старанія будете свободны отъ смѣшнаго принужденія въ наружности.

Выслушайте маленькую повѣсть, которая весьма прилична къ нашему разговору. — Одинъ отецъ прогуливался по лугу съ двумя своими сыновьями. Они пришли къ пріятному ручайку. „Ахъ какой прекрасной ручаекъ! вскричалъ Единька, доброй простосердечной мальчикъ:

„ какъ онъ чистъ! посмотри , всѣ камешки на днѣ перещипать можно. „ — „ Ну подлинно , нашелъ что похвалишь ! „ говорилъ братъ Единькинъ , щеславной лицемѣрной рабенокъ : „ что твой ручаекъ пропивъ этова пруда ? посмотри , какая въ немъ зеленоватая вода ; какими прекрасными песпрыми цвѣтами берега его покрыты. „ — Опець слушалъ ихъ не говоря ни слова. — Ходивши много они успали и почувствовали жажду. Единька побѣжалъ къ своему ручайку , почерпнулъ изъ него шляпою воды и напился съ пріятностью. Братъ его также побѣжалъ къ пруду , почерпнулъ зеленоватой воды , но лишь только взялъ ее въ ротъ , то опять выплюнулъ и закричалъ такъ , какъ бы ядъ былъ у него во рту. Единька подалъ ему свѣжей воды изъ ручайка выполоскать ротъ и напиться , и онъ успокоился. — „ Дѣти мои , сказалъ опець , вотъ образъ простова и испорченного сердца. Чистой ручаекъ можно сравнить съ первымъ. Онъ весь чистъ и прозраченъ , течетъ тихо , не принимаетъ никакова несвойственнаго ему цвѣта и никакой нечистоты. Птички любятъ жить на его бережкахъ ; и люди и другія животноя наслаждаются его водою.

Только

Только ядовитыя несѣкомыя боятся къ нему приблизиться; шерновникъ и крапивя удалены отъ него. Такова простопта сердца; она приноситъ удовольствіе всѣмъ, кто ее видитъ или слышитъ. — Напрошивъ шого эшотъ прудъ содержитъ въ себѣ вонючую нечиспошу и разныхъ гадйнъ; цвѣты, которыми онъ окруженъ, не имѣютъ пріятнаго запаха и обманываютъ только незнающихъ, которые прельщаются ихъ пестрою. — —

Благородная простопта сочинителя Телемаховыхъ походовъ подала намъ поводъ къ нашему разговору; и для шого расскажу я вамъ еще нѣсколько анекдотовъ объ эшотъ почтенномъ человѣкѣ, въ которыхъ оказывается любви достойное его свойство.

Одинъ изъ подчиненныхъ ему священниковъ хвалился при немъ шѣмъ, что онъ между крестьянами въ своемъ приходѣ прекратилъ обычай плясать по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. „Не будемъ сами плясать, сказалъ ему Фенелонъ: „но бѣднымъ крестьянамъ позволимъ это увеселеніе. Для чего не повеселишься имъ нѣсколько минутъ послѣ шягостныхъ шрудовъ, какіе сносятъ они цѣлую недѣлю?“

По справедливости хвалящъ отвѣщъ одного ученаго человѣка, у котораго сгорѣла библіотека. Я мало бы получилъ пользы отъ моей библіотеки, сказалъ эшотъ ученой, — „еслибъ не чау-чился сносишь ея потерю.“ — но Фенелоновъ отвѣщъ при такомъ же случаѣ былъ гораздо простѣе и прогашельнѣе. „Мнѣ пріятно, сказалъ онъ, что сгорѣла библіотека моя, а не хижина какова нибудь бѣднаго семейства.“

Часто ходилъ онъ одинъ за городъ прогуливаясь, входилъ въ хижины бѣдныхъ поселянъ, садился между ими, разговаривалъ съ ними и давалъ имъ полезныя наставленія. Сшарики, которые имѣли щастіе знать его, говаривали о немъ съ почпениемъ чрезъ многіе годы и по смерти его. Они разсказывали другъ другу и дѣшямъ своимъ: „вошъ потъ деревянной спуль, на которой садился между нами доброй нашъ Архіепископъ; ахъ! мы никогда уже его не увидимъ!“, и слезы текли изъ глазъ ихъ.

Неприпворная его добродѣшель одержала нѣкогда весьма лестную побѣду, кошорой надлежало быть весьма пріятною его сердцу. Непрїатели Фенелоновы —

Лизанька. Непрiятели? — Не уже ли могъ ктонибудь бытъ непрiяте-лемъ такому человеку?

Добросердъ. Такъ, онъ имѣлъ непрiятелей, да еще и весьма знатныхъ. Непрiятели его разными хитроспями дошли до того, что опредѣленъ къ нему былъ помощникъ, которому впайнѣ поручено было наблюдать всѣ поступки его и искашь случая привести его у Короля въ немилость. Однако сей шпионъ, унизившись до такого подлова дѣла, имѣлъ наконецъ и столько мужества, чтобъ наказать себя за то. Долго наблюдалъ онъ всѣ поступки Фенелоновы, но не дождавшись такого случая, какова онъ искалъ, признался ему со слезами въ своемъ намѣренiи, и по томъ удалился въ уединенiе, дабы скрыть тамъ свое раскаянiе.

Сколько снисходилеленъ былъ Фенелонъ къ другимъ, столько строго противъ себя. Не только терпѣливо сносилъ онъ, когда съ нимъ строго поступали, но еще и съ благодарностiю то принималъ. Одинъ Капуцинъ, больше ревностной, нежели краснорѣчивой проповѣдникъ, говорилъ нѣкогда проповѣдь въ Версалии въ присутствiи Короля Людовика XIV. Фенелонъ, бывший тогда при-

дворнымъ королевскимъ проповѣдникомъ , задремалъ во время эпои проповѣди. Проповѣдникъ примѣтивши шо , оспановилсѧ и закричалъ : „ разбудите эпова аббата , кошорой шамъ дремлешъ ; видно , что онъ пришелъ сюда только для Короля . „ Фенелонъ хвалилъ его за такую ревность съ непришворнымъ удовольствіемъ , и послѣ самъ вездѣ охотно рассказывалъ эпо приключеніе .

Въ 1701 году , во время войны , Фенелонъ впалъ въ немилость у Короля и оплученъ былъ опъ Двора . Всѣ знашныя люди изъ его единоземцовъ оставили его тогда , но шѣмъ больше оказывали ему почтенія предводители непріятельскихъ войскъ , бывшихъ во Франціи . Нещастливая война долго продолжалась и разорила Францію ; къ этому нещастію присоединились еще неурожай , опъ чего многіе , а особливо солдаты , должны были перитъ голодъ . Фенелонъ оказалъ въ сихъ обстоятельствахъ свое великодушіе . Онъ раздавалъ солдатамъ хлѣбъ , кошорого запасено у него было весьма много , не бравши за шо никакой платы . „ Король ничѣмъ мнѣ не долженъ , говорилъ онъ ; „ а я , какъ гражданинъ , обязанъ при нынѣшнихъ нещастливыхъ обстоятельствахъ ,

спвахъ, возвращаешь по государству, что я отъ него получилъ.

Выдавши въ свѣтъ Телемаковы похождения говорилъ онъ: „я отправилъ Герцога Бургонскаго путешествовать съ Менпоромъ и Телемахомъ, не могли вы просить, чтобъ его въ самомъ дѣлѣ послали путешествовать. Но еслии онъ когданибудь отправится путешествовать, то желалъ бы я, чтобъ онъ путешествовалъ безъ пышности. Чѣмъ бы меньше имѣлъ онъ свиты съ собою, тѣмъ больше приближалась бы къ нему истина. Тогда увидѣлъ бы онъ добро и зло лучше, нежели дома, и научился бы перваго придерживаться, а послѣдняго избѣгать. Освободившись на нѣсколько времени отъ шлюхи быль принцомъ, вкусилъ бы онъ удовольствіе быль простымъ человѣкомъ.“

Я не могу позабыть еще одного обстоятельство, которое дѣлаетъ Фенелона весьма любви достойнымъ. При воспитаніи молодаго Принца, которой былъ ему порученъ, когда случилось ему дѣлать хотя малую погрѣшность, то онъ жаловался на себя своему воспитаннику. Какую власть снискалъ онъ надъ нимъ такою почтенною опкровенностію! Какимъ добродѣтелямъ училъ онъ его чрезъ

но!

по! Онъ пріучалъ его быть искреннимъ и соблюдать правду, не щадя своего самолюбія, снисходительно принимать погрѣшности другихъ людей, а въ своихъ собственныхъ охотно признаваться, и даже обвинять себя въ нихъ, — пріучалъ его ко благородному честолюбію, знать себя, и еще ко благороднѣйшему, самаго себя побуждать.

XX.

Дѣвѣ молодыя яблони.

Одинъ деревенской жительство имѣлъ двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ другого только годомъ былъ старѣе. Въ день рожденія каждаго изъ нихъ посадилъ онъ по яблонѣ. Оба деревца были одинакой доброты, и удались такъ хороши, что трудно было сыскать лучше ихъ. Когда онъ разцвѣли, то отецъ подарилъ ихъ своимъ дѣтямъ, и при томъ говорилъ имъ: „вы видите, дѣти мои, что оба деревца хороши; однако онъ требуютъ присмотра. Если вы не будете смотрѣть за ними и беречь ихъ, то онъ засохнутъ и пропадутъ; а чѣмъ прилѣжнѣе будете вы за ними смотрѣть, тѣмъ больше плодовъ съ нихъ получите.“

Старшій сынъ берегъ свое деревцо весьма рачительно; всякой день очищалъ его отъ разныхъ гадинъ, которыя на него садились, привязалъ его къ столбу, чшобы оно прямо росло, и вскопалъ землю около корня, для того, чшобы она удобнѣе вбирала въ себя дождевую воду, короче сказать онъ рачилъ о своемъ деревцѣ, сколько могъ.

Меньшой его братъ, вмѣсто того, чшобы также смотрѣть за своею яблонею, проводилъ праздное время въ игрѣ и рѣзвости, и совсѣмъ не думалъ о деревцѣ. Онъ не прежде вспомнилъ объ немъ, какъ уже осенью, увидѣвши у своего брата прекрасныя яблоки. Онъ побѣжалъ въ садъ, надѣясь, чшо на его деревцѣ еще больше плодовъ. Но какъ онъ изумился, нашедши на немъ только сухія сучья и нѣсколько пожелтѣвшихъ листьевъ. Съ досадою прибѣжалъ онъ къ отцу и говорилъ ему: „Башюшка, какое негодное дерево вы мнѣ опдали; оно засохло, и я ни одного яблока съ него не снялъ; а у брата моего посмотрите сколько яблоковъ! По крайней мѣрѣ прикажите ему подѣлиться мною.“

„Подѣлишься съ шобою, лѣнивцець! опвѣчалъ ошець: „прилѣжному дѣлится съ лѣнвымъ шо, чшо онѣ прудами своими получилъ. Нѣшѣ, шерши наказаніе за свою нарачительность, и не осмѣливайся жаловаться на меня, будшо я поступилъ съ шобою несправедливо. Твое деревцо шакѣ же было хорошо и плодотно, какѣ и деревцо швоего брата; шы самѣ видѣлъ, чшо на немѣ шолько же было цвѣповѣ, какѣ и на шомѣ; оба онѣ посажены на одинакой землѣ. Но братѣ швой снарался беречь свою яблонь; а шы свою оставилъ на сѣвденіе гадинамѣ. Каково шы шрудился, шакою жѣ и награду получилъ. „

